

<http://rain.org.pl>

1000000000

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
АНТ. П. ЧЕХОВА.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Съ двумя портретами — при I и XVII томахъ.

ТОМЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

СОДЕРЖАНИЕ:

Островъ Сахалинъ.—Глава XIV по XXIII.

INSTITUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-230 Warszawa, ul. Nowy Świat 79
Tel. 26-68-63

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

<http://rcin.org.pl>

А. П. РИХОВА

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

Артистическое заведение Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

F Fundacja Y. Y. Michalskich

F24. 113/16

ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ.

© OCTOBRE 1977

XIV.

Тарайка. — Вольные поселенцы. — Ихъ неудачи. — Айно, границы ихъ распространенія, численный составъ, наружность, пища, одежда, жилища, ихъ нравы. — Японцы. — Буеунъ-Котанъ. — Японское консульство.

Въ мѣстности, которая называется Тарайкою, на одномъ изъ самыхъ южныхъ притоковъ Поронная, впадающаго въ заливъ Терибнїя, находится селеніе *Сиска*. Вся Тарайка причисляется къ южному округу, разумѣется, съ большою натяжкой, такъ какъ отъ нея до Корсаковска будетъ верстъ 400 и климатъ здѣсь отвратительный, хуже, чѣмъ въ Дуэ. Тотъ проектированный округъ, о которомъ я говорилъ въ X главѣ, будетъ называться Тарайкинскимъ и въ него войдутъ всѣ селенія по Поронною, въ томъ числѣ и Сиска; пока же здѣсь селятъ южанъ. Въ казенной вѣдомости показано жителей только 7: 6 м. 1 ж. Въ Сискѣ я не былъ, но вотъ выдержка изъ чужого дневника: «Какъ селеніе, такъ и мѣстность самая безотрадная: прежде всего, отсутствіе хорошей воды, дровъ: жители пользуются изъ колодезь, въ которыхъ во время дождей вода красная, тундровая. Берегъ, гдѣ расположено селеніе, песчаный, вокругъ вездѣ тундра... Въ общемъ вся мѣстность производитъ тяжелое, удручающее впечатлѣніе» *).

*) Селеніе стоитъ на перепутьи: вдушіе зимою изъ Александровска въ Корсаковскъ или наоборотъ, непременно останавливаются здѣсь. Въ 1869 г. около теперешняго, тогда японскаго, селенія былъ построенъ станокъ. Жили здѣсь солдаты съ женами, а позднѣе и сельскіе. Въ теченіе зимы, весны и конца лѣта тутъ кипѣла бойкая ярмарочная жизнь. Зимою навязали сюда тунгусы, якуты, амурскіе гиняки, которые вели торговлю съ южанами-породцами, а весною и въ концѣ лѣта на джонкахъ приходили японцы для рыбныхъ промысловъ. Названіе станка—*Тихменевскій постъ*—сохранилось и до настоящаго времени.

Теперь, чтобы покончить съ Южнымъ Сахалиномъ, остается мнѣ сказать нѣсколько словъ еще о тѣхъ людяхъ, которые жили когда-либо здѣсь и теперь живутъ независимо отъ есылной колоніи. Начну съ попытокъ къ вольной колонизаціи. Въ 1868 г. одною изъ канцелярій восточной Сибири было рѣшено поселить на югѣ Сахалина до 25 семействъ; при этомъ имѣлись въ виду крестьяне свободнаго состоянія, переселенцы, уже селившіеся по Амуру, но такъ неудачно, что устройство ихъ поселеній однимъ изъ авторовъ называется плачевнымъ, а ихъ самихъ горемыками. Это были хохлы, уроженцы Черниговской губ., которые раньше, до прихода на Амуръ, уже селились въ Тобольской губ., но тоже неудачно. Администрація, предлагавшая имъ переселиться на Сахалинъ, давала обѣщанія въ высшей степени заманчивыя. Обѣщали безвозмездно въ теченіе двухъ лѣтъ довольствоваться ихъ мукой и крупой, снабдить каждую семью заимообразно земледѣльческими орудіями, скотомъ, сѣменами и деньгами, съ уплатою долга черезъ пять лѣтъ, и освободить ихъ на 20 лѣтъ отъ податей и рекрутской повинности. Переселиться изъявили желаніе 10 амурскихъ семействъ и, кромѣ того, 11 семействъ изъ Балаганскаго уѣзда, Иркутской губ., всего 101 душа. Въ 1869 г., въ августѣ, ихъ отправили на транспортѣ *Манджуръ* въ Муравьевскій постъ, чтобы отсюда перевезти вокругъ Анивскаго мыса Охотскимъ моремъ въ постъ Найбуци, отъ котораго до Такоиской долины, гдѣ предполагалось положить начало вольной колоніи, было только 30 верстъ. Но наступила уже осень, свободнаго судна не было, и тотъ же *Манджуръ* доставилъ ихъ вмѣстѣ съ ихъ скарбомъ въ Корсаковскій постъ, откуда они разсчитывали пробраться въ Такоискую долину сухимъ путемъ. Дороги тогда не было вовсе. Прапорщикъ Дьяконовъ, по выраженію Мицуля, «двинулся» съ 15 рядовыми двѣять неширокую просѣку. Но двигался онъ, вѣроятно, очень медленно, потому что 16 семействъ не стали дожидаться окончанія просѣки и отправились въ Такоискую долину прямо черезъ тайгу на вьючныхъ волахъ и телѣгахъ; на пути выпалъ глубокій снѣгъ, и они должны были часть телѣгъ бросить, а часть положить на полозья. Прибывши въ долину 20 ноября, они немедленно стали строить себѣ бараки и землянки, чтобы укрыться отъ холода. За недѣлю до Рождества пришли остальные 6

семействъ, но помѣститься имъ было негдѣ, строиться поздно, и они отправились искать пристанища въ Найбучи, оттуда въ Кусуннайскій постъ, гдѣ и перезимовали въ солдатскихъ казармахъ; весною же вернулись въ Такойскую долину.

«Но тутъ-то и начала сказываться вся неряшливость и неумѣлость чиновничества»,—пишетъ одинъ изъ авторовъ. Обѣщали разныхъ хозяйственныхъ предметовъ на 1.000 рублей и по 4 головы разнаго скота на каждую семью, но когда отправляли переселенцевъ на *Манджуурь* изъ Николаевска, то не было ни жернововъ, ни рабочихъ воловъ, лошадямъ не нашлось мѣста на суднѣ, и сохи оказались безъ сошниковъ. Зимой сошники были привезены на собакахъ, но только 9 штукъ, и когда впоследствии переселенцы обратились къ начальству за сошниками, то просьба ихъ «не обратила на себя должнаго вниманія». Быковъ прислали осенью 1869 г. въ Кусуннай, но изнуренныхъ, полуживыхъ, и въ Кусуннаѣ вовсе не было заготовлено сѣна, и изъ 41 околѣло за зиму 25 быковъ. Лошади остались зимовать въ Николаевскѣ, но такъ какъ кормы были дороги, то ихъ продали съ аукціона, и на вырученные деньги купили новыхъ въ Забайкальи, но эти лошади оказались хуже прежнихъ и крестьяне забраковали нѣсколькихъ. Сѣмена отличались дурною всхожестью, яровая рожь была перемѣшана въ мѣшкахъ съ озимю, такъ что хозяева потеряли скоро къ сѣменамъ всякое довѣрiе и, хотя и брали ихъ изъ казны, но скармливали скоту или сѣдали сами. Такъ какъ жернововъ не было, то зеренъ не мололи, а только запаривали ихъ и ѣли, какъ кашу.

Послѣ ряда неурожаевъ, въ 1875 г. случилось наводненiе, которое окончательно отняло у переселенцевъ охоту заниматься на Сахалинѣ сельскимъ хозяйствомъ. Стали опять переселяться. На берегу Аивы, почти на полъ-дорогѣ отъ Корсаковского поста къ Муравьевскому, въ такъ называемой Чибисани, образовался выселокъ въ 20 дворовъ. Потомъ стали просить позволенiя переселиться въ Южно-Уссурийскій край; ожидали они разрѣшенiя, какъ особой милости, съ нетерпѣнiемъ, десять лѣтъ, а пока кормились охотой на соболя и рыбною ловлей. Только лишь въ 1886 г. они отбыли въ Уссурийскій край. «Дома свои бросаютъ,—пишетъ корреспондентъ:—ѣдутъ съ весьма толстыми карма-

нами; берутъ кое-какой скарбъ, да по одной лошади» (*Владивостокъ* 1886 г., № 22). Въ настоящее время между селеніями Большое и Малое Такоз, нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, находится пожарница; тутъ стояло когда-то вольное селеніе Воскресенское: избы, оставленныя хозяевами, были сожжены бродягами. Въ Чибисани же, говорятъ, до сихъ поръ еще сохранились въ цѣлости избы, часовня и даже домъ, въ которомъ помещалась школа. И тамъ не было.

Изъ вольныхъ поселенцевъ осталось на островѣ только трое: Хомутовъ, о которомъ я уже упоминалъ, и двѣ женщины, родившіяся въ Чибисани. Про Хомутова говорятъ, что онъ «натеается гдѣ-то» и живетъ, кажется, въ Муравьевскомъ посту. Его рѣдко видятъ. Онъ охотится на соболей и ловитъ въ бухтѣ Буссе осетровъ. Что касается женщинъ, то одна изъ нихъ, Софья, замужемъ за крестьяниномъ изъ сельскихъ Барановскимъ и живетъ въ Мицуклѣ, другая, Анисья, за поселенцемъ Леоновымъ, живетъ въ Третьей Пади. Хомутовъ скоро умретъ, Софья и Анисья уѣдутъ съ мужьями на материкъ, и такимъ образомъ о вольныхъ поселенцахъ скоро останется одно только воспоминаніе.

Итакъ, вольную колонизацію на югѣ Сахалина слѣдуетъ призвать неудавшеюся. Впловаты ли въ этомъ естественныя условія, которыя на первыхъ же порахъ встрѣтили крестьянъ такъ сурово и недружелюбно, или же все дѣло испортили неузблость и неряшливость чиновниковъ, рѣшить трудно, такъ какъ опытъ былъ непродолжителенъ, и къ тому же, еще приходилось производить экспериментъ надъ людьми, повидимому, неуспѣшными, приобрѣвшими въ своихъ долгихъ скитаніяхъ по Сибири вкусъ къ кочевой жизни. Трудно сказать, къ чему бы привелъ опытъ, если-бъ онъ былъ повторенъ^{*)}. Собственно для ссыльной колоніи неудавшіяся

*) Этотъ опытъ касается одного только Сахалина, между тѣмъ Д. Г. Тальбергъ, въ своемъ очеркѣ *Ссылка на Сахалинъ* (*Вѣстникъ Европы* 1879 г., V), придаетъ ему общее значеніе и, говоря по поводу его вообще о нашей неспособности къ колонизаціи, приходитъ даже къ такому выводу: «не пора ли намъ отказаться отъ всякихъ колонизаціонныхъ попытокъ на Востоку?» Въ своемъ примѣчаніи къ статьѣ проф. Тальберга редакция *Вѣстника Европы* говоритъ, что «мы едва ли найдемъ другой примѣръ колонизаторскихъ способностей, какія представилъ русскій народъ въ своемъ прошедшемъ, когда онъ овладевалъ всѣмъ европейскимъ Востокомъ и Сибирью», и при этомъ почтенная редакция ссылается на трудъ покойнаго

опытъ пока можетъ быть поучителенъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, вольные поселенцы сельскимъ хозяйствомъ занимались недолго и въ послѣднія десять лѣтъ до переѣзда на материкъ промышляли только рыбною ловлей и охотой; и въ настоящее время Хомутовъ, несмотря на свой преклонный возрастъ, находятъ для себя болѣе подходящимъ и выгоднымъ ловить островецъ и стрѣлять соболей, тѣмъ сѣять пшеницу и сажать капусту; во-вторыхъ, удержать на югѣ Сахалина свободного человѣка, когда ему изо-дня-въ-день толкуютъ, что только въ двухъ дняхъ пути отъ Корсаковска находится теплый и богатый Южно-Уссурийскій край.—удержать свободного человѣка, если, къ тому же, онъ здоровъ и полонъ жизни, невозможно.

Коренное населеніе Южнаго Сахалина, здѣшніе инородцы, на вопросъ, кто они, не называютъ ни племени, ни націи, а отвѣчаютъ просто: айно. Это значитъ—человѣкъ. Въ этнографической картѣ Шренка площадь распространенія айно, или айну, обозначена желтою краскою, и эта краска сплошь покрываетъ японскій островъ Матсмай и южную часть Сахалина до залива Терибнія. Живутъ они также еще на Курильскихъ островахъ и называются поэтому у русскихъ курилами. Численный составъ айно, живущихъ на Сахалинѣ, не опредѣленъ точно, но не подлежитъ сомнѣнію все-таки, что племя это исчезаетъ и, притомъ, съ необыкновенною быстротою. Врачъ Добротворскій, 25 лѣтъ

проф. Ешевскаго, который представилъ «изумительную картину русской колонизаціи».

Въ 1869 г. нѣкій промышленникъ привезъ на югъ Сахалина съ острова Кадыка 20 алеутовъ обоаго пола для охоты на звѣря. Ихъ поселили около Муравьевскаго поста и выдавали имъ провизію. Но они ровни ничего не дѣлали, а только ѣли и пили, и черезъ годъ промышленникъ увезъ ихъ на одинъ изъ Курильскихъ острововъ. Приблизительно въ то же самое время въ Корсаковскомъ посту поселили двухъ китайцевъ, политическихъ изгнаниковъ. Такъ какъ они выразили желаніе заниматься сельскимъ хозяйствомъ, то генералъ-губернаторъ Восточной Сибири приказалъ выдать каждому изъ нихъ шесть быковъ, лошадей, корову, сѣмена для посѣва и продовольствіе на два года. Но ничего этого они не получили, по немнѣнію будто бы свободныхъ запасовъ, и, въ концѣ-концовъ, ихъ отправили на материкъ. Къ вольнымъ колонизаторамъ, тоже неудачнымъ, пожалуй, можно отнести также и николаевскаго мясника Семенова, маленькаго, тощенькаго человѣка, лѣтъ 40, который бродитъ въ настоящее время по всему югу и старается отыскать золото.

назадъ служившій на Южномъ Сахалинѣ *), говорить, что было время, когда около одной лишь бухты Буссе было 8 большихъ айскихъ селеній и число жителей въ одномъ изъ нихъ доходило до 200; около Найбы онъ видѣлъ слѣды многихъ селеній. Для своего времени онъ гадательно приводитъ три цифры, взятая изъ разныхъ источниковъ: 2.885, 2.418, 2.050, и послѣднюю считаетъ наиболѣе достовѣрной. По свидѣтельству одного автора, его современника, отъ Корсаковского поста въ обѣ стороны по берегу шли айскія селенія. Я же около поста не засталъ уже ни одного селенія и видѣлъ нѣсколько айскихъ юртъ только около Большого Такоа и Станцы. Въ *Выдѣлкахъ инородцевъ за 1889 г. по Корсаковскому округу* численный составъ айно опредѣляется такъ: 581—мужчинъ и 569 женщинъ.

Причинами исчезанія айно Добротворскій считаетъ опустошительныя войны, будто бы происходившя когда-то на Сахалинѣ, незначительную рождаемость вслѣдствіе неплодовитости аянокъ, а главное болѣзни. У нихъ всегда наблюдались сифилисъ, цынга; бывала, вѣроятно, и оспа **).

Но всѣ эти причины, обуславливающія обыкновенно хроническое вымирание инородцевъ, не даютъ объясненія, почему айно исчезаютъ такъ быстро, почти на нашихъ глазахъ; вѣдь, въ послѣднія 25—30 лѣтъ не было ни войнъ, ни значительныхъ эпидемій, а между тѣмъ, въ этотъ промежутокъ времени племя уменьшилось больше, чѣмъ на половину. Мнѣ кажется, вѣрнѣе будетъ предположить, что это быстрое исчезаніе, похожее на таяніе, происходитъ не отъ одного вымирания, но также и отъ переселенія айно на сосѣдніе острова.

До занятія Южнаго Сахалина русскими, айно находились

*) Послѣ него остались двѣ серьезныя работы: *Южная часть острова Сахалина* (извлеченіе изъ военно-медицинскаго отчета). Изд. спб. отд. Имп. рус. геогр. общества 1870 г., т. 1, №№ 2 и 3, и *Айнско-русскій словарь*.

**) Трудно предположить, чтобы эта болѣзнь, производимая опустошеніемъ на (Св. Сахалинѣ и Курильскихъ островахъ, шадла бы Южн. Сахалинѣ. А. Полонскій пишетъ, что юрты, въ которой случился покойникъ, айно оставляютъ и, вмѣсто нея, строятъ другую на новомъ мѣстѣ. Такой обычай, очевидно, произошелъ въ тѣ времена, когда айно въ страхъ передъ эпидеміями покидали свои зараженныя жилища и селились на новыхъ мѣстахъ.

у японцевъ почти въ крѣпостной зависимости, и поработить ихъ было тѣмъ легче, что они кротки, безотвѣтны, а главное, были голодны и не могли обходиться безъ рису *).

Занявши Южный Сахалинъ, русскіе освободили ихъ и до послѣдняго времени охраняли ихъ свободу, защищая отъ обидъ и избѣгая вмѣшиваться въ ихъ внутреннюю жизнь. Бѣлые каторжники въ 1884 году перерѣзали нѣсколько айновскихъ семействъ; рассказываютъ также, будто были высѣчены розгами какой-то айнецъ-каюръ, который отказывался везти почту, и бывали покушенія на цѣломудріе айнокъ, но о подобнаго рода притѣсненіяхъ и обидахъ говорятъ какъ объ отдѣльныхъ и въ высшей степени рѣдкихъ случаяхъ. Къ сожалѣнію, русскіе вмѣстѣ со свободой не принесли рису; съ уходомъ японцевъ никто уже не ловилъ рыбы, заработки прекратились и айно стали испытывать голодъ. Кормиться, подобно гилякамъ, одною рыбой и мясомъ они уже не могли, — нуженъ былъ рисъ, и вотъ, несмотря на свое нерасположеніе къ японцамъ, побуждаемые голодомъ, начали они, какъ говорятъ, выселяться на Матсмай. Въ одной корреспонденціи (*Голосъ* 1876 г. № 16) я прочелъ, будто бы депутація отъ айно приходила въ Корсаковскій постъ и просила дать работы, или, по крайней мѣрѣ, сѣмянъ для разводки картофеля и научить ихъ воздѣлывать подъ картофель землю: въ работѣ будто бы было отказано и сѣмена картофеля обѣщали прислать, но обѣщанія не исполнили, и айно, бѣдствуя, продолжали переселяться на Матсмай. Въ другой корреспонденціи, относящейся къ 1885 г. (*Владивостокъ*, № 28), говорится тоже, что айно дѣлали какія-то заявленія, которыя, повидному, не были уважены, и что они сильно желаютъ вырваться съ Сахалина на Матсмай.

Айно смуглы, какъ цыгане; у нихъ большія окладистыя бороды, усы и черные волосы, густые и жесткіе; глаза у нихъ темные, выразительные, кроткіе. Роста они средняго и сложенія крѣпкаго, коренастаго, черты лица крушны, грубоваты, но въ нихъ, по выраженію моряка В. Римскаго-Корсакова, нѣтъ ни монгольской приплюсности, ни китайскаго узкоглазія. Находятъ, что бородатые айно очень по-

*) Римскому-Корсакову айно говорили: «Спазмъ спитъ, а айно работаетъ для него: рубить дѣсь, ловить рыбу; айно не хочетъ работать—сизамъ его колотить».

хожи на русскихъ мужиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда айно надѣваетъ свой халатъ, въ родѣ нашей чуйки, и подшоясывается, то становится похожимъ на купческаго кучера *).

Тѣло айно покрыто темными волосами, которые на груди иногда растутъ густо, пучками, но до мохнатости еще далеко, между тѣмъ борода и волосатость, составляющая такую рѣдкость у дикарей, поражали путешественниковъ, которые по возвращеніи домой описывали айно, какъ мохнатыхъ. И наши казаки, въ прошломъ столѣтіи бравшіе съ нихъ ясагъ на Курильскихъ островахъ, тоже называли ихъ мохнатыми.

Айно живутъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ народами, у которыхъ растительность на лицѣ отличается скудостью, и немудрено поэтому, что ихъ широкія бороды ставятъ этнографовъ въ немалое затрудненіе; наука до сихъ поръ еще не отыскала для айно настоящаго мѣста въ расовой системѣ. Айно относятъ то къ монгольскому, то къ кавказскому племени; одинъ англичанинъ нашелъ даже, что это потомки евреевъ, заброшенныхъ во времена бны на японскіе острова. Въ настоящее время наиболѣе вѣроятными представляются два мнѣнія: одно, что айно принадлежатъ къ особой расѣ, населявшей нѣкогда всѣ восточно-азиатскіе острова, другое же, принадлежащее нашему Шренку, что это народъ палео-азиатскій, издавна вытѣсненный монгольскими племенами съ материка Азии на его островную окраину, и что путь этого народа изъ Азии на острова лежалъ черезъ Корею. Во всякомъ случаѣ, айно двигались съ юга на сѣверъ, изъ тепла въ холодъ, мнѣнія постоянно лучшія условія на худшія. Они не воинственны, не терпятъ насилія; покорять, поработать или вытѣснить ихъ было нетрудно. Изъ Азии ихъ вытѣснили монголы, изъ Ниппона и Матсмая— японцы, на Сахалинѣ гиляки не пустили ихъ выше Тарайки, на Курильскихъ островахъ они встрѣтились съ казаками и, такимъ образомъ, въ концѣ-концовъ, очутились въ положеніи безвыходномъ. Въ настоящее время айно, обыкновенно безъ панчи, босой и въ портахъ, подсушенныхъ выше колѣнъ, встрѣчаясь съ вами по дорогѣ, дѣлаютъ вамъ реверансъ и

* Вѣ книгѣ Шренка, о которой я уже говорилъ, есть таблица съ изображеніемъ айно. См. также книгу *Фр. Гельсальда: «Естественная исторія племенъ и народовъ»*, т. II, гдѣ айно изображенъ во весь ростъ, въ халатѣ.

при этомъ выглядываетъ ласково, но грустно и болѣзненно, какъ неудачникъ, и какъ будто хочетъ извиниться, что бороды у него выросла большая, а онъ все еще не сдѣлалъ себѣ карьеры.

Подробности объ айно см. у Шренка, Добротворскаго и А. Полонскаго *). То, что было сказано о нищѣ и одеждѣ у гиляковъ, относится и къ айно, съ тою лишь прибавкой, что недостатокъ риса, любовь къ которому айно унаслѣдовали отъ пращуровъ, жившихъ когда-то на южныхъ островахъ, составляетъ для нихъ серьезное лишеніе; русскаго хлѣба они не любятъ. Пища у нихъ отличается большимъ разнообразіемъ, чѣмъ у гиляковъ; кромѣ мяса и рыбы, они ѣдятъ разныя растенія, моллюсковъ и то, что итальянскіе нищіе называютъ вообще *frutti di mare*. Ѣдятъ они понемногу, но часто, почти каждый часъ; прожорливости, свойственной всѣмъ сѣвернымъ дикарямъ, у нихъ не замѣчается. Такъ какъ груднымъ дѣтямъ приходится съ молока переходить прямо на рыбу и китовый жиръ, то ихъ отнимаютъ отъ груди поздно. Римскій-Корсаковъ видѣлъ, какъ аинку сосала ребенка лѣтъ трехъ, который отлично уже двигался самъ и даже имѣлъ на ремешкомъ пояса ножикъ, какъ большой. На одеждѣ и жилищахъ чувствуется сильное вліяніе юга, не сахалинскаго, а настоящаго юга. Лѣтомъ айно ходятъ въ рубахахъ, сотканныхъ изъ травы или луба, а раньше, когда были не такъ бѣдны, носили шелковые халаты. Шапокъ они не носятъ, лѣто и всю осень до снѣга ходятъ босикомъ. Въ юртахъ у нихъ дымно и смрадно, но все-таки гораздо свѣтлѣе, опрятнѣе и, такъ сказать, культурнѣе, чѣмъ у гиляковъ. Около юртъ обыкновенно стоятъ сушилныя съ рыбой, распространяющей далеко вокругъ промозглый, удушливый запахъ; воютъ и грызутся собаки; тутъ же иногда можно увидѣть небольшой срубъ-клетку, въ которомъ сидитъ молодой медвѣдь: его убиваютъ и сѣдятъ зимой на такъ называемомъ медвѣжьемъ праздниѣ. Я видѣлъ однажды утромъ, какъ аинская дѣвочка-подростокъ кормила медвѣдя, просовывая ему на лоноточкѣ сушеную рыбу, смоченную въ водѣ. Сами юрты сложены изъ накатника и тесу; крыша, изъ тонкихъ жердей, покрыта сухою травой.

*) Изслѣдованіе А. Полонскаго *Курилы* напечатано въ *Запискахъ Имп. Русск. Геогр. Общества* 1871 г., томъ IV.

Внутри у стѣвъ тянется нары, выше ихъ полки съ разной утварью; тутъ, кромѣ шкуръ, дузырей съ жиромъ, сѣтей, посуды и проч., вы найдете корзины, циновки и даже музыкальный инструментъ. На нарѣ обыкновенно сидитъ хозяинъ и, не переставая, курить трубочку, и если вы зададите ему вопросы, то отвѣчаетъ неохотно и коротко, хотя и вѣжливо. Посреди юрты стоитъ очагъ, на которомъ горятъ дрова; дымъ уходитъ черезъ отверстие въ крышѣ. Надъ огнемъ виситъ на крюкѣ большой черный котелъ; въ немъ кипитъ уха, сѣрая, иѣнистая, которую, я думаю, европеецъ не сталъ бы ѣсть ни за какія деньги. Около котла сидятъ чудовища. Насколько солидны и благообразны айно-мужчины, настолько непривлекательны ихъ жены и матери. Наружность айскихъ женщинъ авторы называютъ безобразной и даже отвратительной. Цвѣтъ смугло-желтый, пергаментный, глаза узкіе, черты крупныя; невьющіеся, жесткіе волосы висятъ черезъ лицо паллами, точно солома на старомъ сараѣ, платье неопрятное, безобразное, и при всемъ томъ — необыкновенная худощавость и старческое выраженіе. Замужнія красятъ себѣ губы во что-то синее и отъ этого лица ихъ совершенно утрачиваютъ образъ и подобіе чело-вѣческіе, и когда мнѣ приходилось видѣть ихъ и наблюдать ту серьезность, почти суровость, съ какою онѣ мѣшаютъ ложками въ котлахъ и снимаютъ грязную иѣну, то мнѣ казалось, что я вижу настоящихъ вѣдьмъ. Но дѣвочки и дѣвушки не производятъ такого отталкивающаго впечатлѣнія*).

*) П. В. Буссе, рѣдко отзывавшійся о комъ-нибудь милостиво, между прочимъ, такъ аттестуетъ айнокъ: «Вечеромъ пришелъ ко мнѣ пьяный айкъ, извѣстный мнѣ, какъ большой пьяница. Онъ привелъ съ собою свою жену, и, сколько я могъ понять, съ цѣлью пожертвовать вѣрностью ей супружескому ложу и тѣмъ выманить у меня хорошіе подарки. Айнка, довольно красивая собою, казалось, готова была помочь своему мужу, но я подавалъ видъ, что не понимаю ихъ объясненій... Выйдя изъ дому моего, мужъ и жена безъ церемоній передъ моимъ окошкомъ и въ виду часового отдали долгъ природы. Вообще айнка эта не показывала большого женскаго стыда. Грудь ея почти не были закрыты ничѣмъ. Айнки носятъ такое же платье, какъ и мужчины, т. е. нѣсколько распашныхъ короткихъ халатовъ, низко перепоясанныхъ кушакомъ. Рубашекъ и нижняго платья онѣ не пѣвуютъ и потому малѣйшій безпорядокъ въ ихъ платьѣ выказываетъ всѣ скрытыя прелести». Но даже и этотъ суровый авторъ признается, что «между молодыми дѣвушками были нѣкоторые довольно хорошенькія, съ пріятными и мягкими чертами лица и съ

Айно никогда не умываются, ложатся спать не раздеваясь. Почти всё, писавшіе объ айно, отзывались объ ихъ нравахъ съ самой хорошей стороны. Общій голосъ таковъ, что это народъ кроткій, скромный, добродушный, доверчивый, сообщительный, вѣжливый, уважающій собственность, на охотѣ смѣлый и, по выраженію д-ра Rollen'a, спутника Лаперуза, даже интеллигентный. Безкорыстіе, откровенность, вѣра въ дружбу и щедрость составляютъ ихъ обычныя качества. Они правдивы и не терпятъ обмановъ. Крузенштернъ пришелъ отъ нихъ въ совершенный восторгъ; перечисливъ ихъ прекрасныя душевныя качества, онъ заключаетъ: «Такія подлинно рѣдкія качества, коими обязаны они не возвышенному образованію, но одной только природѣ, возбудили во мнѣ то чувство, что я народъ сей считаю лучшимъ изъ всѣхъ прочихъ, которые донинѣ мнѣ извѣстны»). А Рудановскій пишетъ: «Болѣе мирнаго и скромнаго населенія, какое мы встрѣтили въ южной части Сахалина, быть не можетъ». Всякое насиліе возбуждаетъ въ нихъ отвращеніе и ужасъ. А. Полонскій рассказываетъ слѣдующій печальный эпизодъ, почерпнутый имъ изъ архивовъ. Дѣло происходило давно, въ прошломъ столѣтіи. Казацкому сотнику Черному, приводившему курильскихъ айно въ русское подданство, вздумалось наказывать нѣкоторыхъ розгами: «При одномъ видѣ приготовленій къ наказанію айно пришли въ ужасъ, а когда двумъ женщинамъ стали вязать руки назадъ, чтобы удобнѣе расправиться съ ними, нѣкоторые изъ айно убѣжали на неприступный утесъ, а одинъ айно съ 20 женщинами и дѣтьми ушелъ на байдарѣ въ море... Не успѣвшихъ убѣжать жен-

---

ными черными глазами». Какъ бы то ни было, айнка сильно отстала въ физическомъ развитіи; она старится и блекнетъ раньше мужчинъ. Быть-можетъ, это слѣдуетъ приписать тому, что во время вѣковыхъ скитаній народа львиная доля лишней, тяжкаго труда и слезъ выпала женщинамъ.

*) Вотъ эти качества: «При посѣщеніи нашего одного айнскаго жилища на берегу зал. Румянцева, примѣтилъ я въ семействѣ оного, состоявшемъ изъ 10 человекъ, счастливѣйшее согласіе, плн, почти, можно сказать, совершенное между сочленами его равенство. Находившись нѣсколько часовъ въ ономъ, не могли мы никакъ узнать главы семейства. Старшійше не изъявляли противъ молодыхъ никакихъ знаковъ повелительства. При одѣленіи ихъ подарками не показало никто ни малѣйшаго вида неудовольствія, что ему досталось меньше, нежели другому. Наперерывъ оказывали намъ всякаго рода услуги».

цннѣ выскбли, а мужчинѣ шесть человекѣ взяли съ собою на байдары, а чтобы воспрепятствовать побѣгу, имѣ связали руки назадъ, но такъ немилостиво, что одинъ изъ нихъ умеръ. Когда его, распухшаго и какъ будто съ обваренными руками, бросили съ камнемъ въ море, Черный въ назиданіе прочимъ его товарищамъ проговорилъ: «У насъ по-русски такъ водится».

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ японцахъ, играющихъ такую видную роль въ исторіи Южнаго Сахалина. Извѣстно, что южная треть Сахалина принадлежитъ безусловно Россіи лишь съ 1875 года, раньше же ее относили къ японскимъ владѣніямъ. Въ *Руководствѣ къ практической навигаціи и мореходной астрономіи* кн. Е. Голицына 1854 г., — въ книгѣ, которою моряки пользуются до сегодня, — къ Японіи отнесены даже Сѣверный Сахалинъ съ мысами Маріи и Елизаветы. Многие, въ томъ числѣ Невельской, сомнѣвались, что Южный Сахалинъ принадлежитъ Японіи, да и сами японцы, повидному, не были увѣрены въ этомъ до тѣхъ поръ, пока русскіе страннымъ поведеніемъ не внушили имъ, что Южный Сахалинъ въ самомъ дѣлѣ японская земля. Впервые японцы появились на югѣ Сахалина лишь въ началѣ этого столѣтія, но не раньше. Въ 1853 г. Н. В. Буссе записалъ свой разговоръ со стариками айно, которые помнили время независимости своей и говорили: «Сахалинъ — земля айновъ, японской земли на Сахалинѣ нѣтъ». Въ 1806 г., въ годъ подвиговъ Хвостова, на берегу Анивы было только одно японское селеніе и постройки въ немъ всѣ были изъ новыхъ досокъ, такъ что было очевидно, что японцы поселились тутъ очень недавно. Крузенштернъ былъ въ Анивѣ въ апрѣлѣ, когда шла сельдь, и отъ необычайнаго множества рыбы, китовъ и тюленей вода, казалось, кипѣла, между тѣмъ сътей и неводовъ у японцевъ не было и они черпали рыбу ведрами, и, значитъ, о богатыхъ рыбныхъ ловляхъ, которыя были поставлены на такую широкую ногу въ послѣдствіи, тогда и помину не было. Но всей вѣроятности, эти первые японскіе колонисты были бѣглецы преступники, или же побывавшіе на чужой землѣ и за это изгнанные изъ отечества.

Въ началѣ же этого столѣтія впервые обратила вниманіе на Сахалинъ и наша дипломатія. Посольство Резанова, уполномоченный заключить торговый союзъ съ Японіей, долженъ былъ также еще «пріобрѣсти островъ Сахалинъ, независимый

ни отъ китайцевъ, ни отъ японцевъ». Велъ онъ себя крайне безтактно. «Въ разсужденіи нетерпимости японцами христіанской вѣры», онъ запретилъ экипажу креститься и приказалъ отобрать у всѣхъ безъ изыятія кресты, образа, молитвенники и «все, что только изображаетъ христіанство и имѣетъ на себѣ крестное знаменіе». Если вѣрять Крузенштерну, то Резанову на аудіенціи было отказано даже въ стулъ, не позволили ему имѣть при себѣ шагу и «въ разсужденіи нетерпимости» онъ былъ даже безъ обуви. И это — посоль, русскій вельможа! Кажется, трудно меньше проявить достоинства. Потерѣвши полное фіаско, Резановъ захотѣлъ мстить японцамъ. Онъ приказалъ морскому офицеру Хвостову поугаать сахалинскихъ японцевъ, и приказъ этотъ былъ отданъ не совсѣмъ въ обычномъ порядкѣ, какъ-то криво: въ запечатанномъ конвертѣ, съ непремѣннымъ условіемъ вскрыть и прочесть лишь по прибытіи на мѣсто *).

Итакъ, Резановъ и Хвостовъ первые признали, что Южный Сахалинъ принадлежитъ японцамъ. Но японцы не заняли своихъ новыхъ владѣній, а лишь послали землемѣра Маміа-Ринзо изслѣдовать, что это за островъ. Вообще, во всей этой сахалинской исторіи японцы, люди ловкіе, подвижные и хитрые, вели себя какъ-то нерѣшительно и вяло, что можно объяснить только тѣмъ, что у нихъ было такъ же мало увѣренности въ своемъ правѣ, какъ и у русскихъ.

Повидимому, у японцевъ послѣ того, какъ они познакомились съ островомъ, возникла мысль о колоніи, быть-можетъ, даже сельско-хозяйственной, но попытки въ этомъ направленіи, если онѣ были, могли повести только къ разочарованію, такъ какъ работники изъ японцевъ, по словамъ инж. Лопатина, переносили съ трудомъ или вовсе не могли выносить зимы. На Сахалинъ пріѣзжали только японскіе

*) Хвостовъ разгромилъ на берегу Анивѣ японскіе дома и сараи и наградилъ одного аниискаго старинну серебряною медалью на владимірской лентѣ. Этотъ разбой сильно встревожилъ японское правительство и заставилъ его быть на-сторожѣ. Нѣсколько позднѣе на Курильскихъ островахъ былъ взятъ въ плѣнъ капитанъ Головинъ и его спутники, точно въ военное время. Когда потомъ матемайскій губернаторъ отпускалъ плѣнныхъ, то торжественно объявилъ имъ: «Всѣ вы по причинѣ грабительства Хвостова были взяты, а теперь отъ охотскаго начальства прислано объясненіе, что грабительства Хвостова были только разбойничьи постоушки. Это яено и потому о возвращеніи вашему объявляю».

промышленники, рѣдко съ женами, жили здѣсь, какъ на бивуакахъ, и зимовать оставалась только небольшая часть, иѣскольکو десятковъ, остальные же возвращались на джонкахъ домой; они ничего не сѣяли, не держали огородовъ и рогатаго скота, а все необходимое для жизни привозили съ собою изъ Японіи. Единственное, что привлекало ихъ на Южи. Сахалинъ, была рыба; она приносила имъ большой доходъ, такъ какъ ловилась въ изобилии, и айно, на которыхъ лежала вся тяжесть труда, обходились имъ почти даромъ. Доходъ съ промысловъ простирался сначала до 50, а потомъ до 300 тыс. рублей ежегодно, и немудрено поэтому, что хозяева-японцы послали по семи шелковыхъ халатовъ. Въ первое время японцы имѣли свои факторіи только на берегу Ашивы и въ Маукѣ, и главный ихъ пунктъ находился въ нади Кусинъ-Котанъ, гдѣ теперь живетъ японскій консулъ *). Позднѣе они прорубили просѣку отъ Ашивы до Такойской долины; тутъ, около нынѣшняго Галкина-Враского, находились у нихъ магазины; просѣка не заросла до настоящаго времени и называется японской. доходили японцы и до Тарайки, гдѣ ловили періодическую рыбу въ Пораннаѣ и основали селеніе Сиску. Суда ихъ доходили даже до Нийскаго залива; то судно съ красивою оснасткой, которое Поляковъ засталъ въ 1881 году въ Тро, было японское.

Сахалинъ интересовалъ японцевъ исключительно только съ экономической стороны, какъ американцевъ Тюлений островъ. Послѣ же того, какъ въ 1853 году русскіе основали Муравьевскій постъ, японцы стали проявлять и политическую дѣятельность. Соображеніе, что они могутъ потерять хорошіе доходы и даровыхъ рабочихъ, заставило ихъ внимательно слѣдить за русскими, и они уже старались усилить свое вліяніе на островъ въ противовѣсъ русскому вліянію. Но опять-таки, вѣроятно, за отсутствіемъ увѣренности въ своемъ правѣ, эта борьба съ русскими была нерѣшительна до смѣшнаго и японцы держали себя, какъ дѣти. Они ограничивались только тѣмъ, что распускали среди айно слухи про русскихъ и хвастали, что они перерѣжутъ всѣхъ русскихъ, и стоило русскимъ въ какой-

*) Подробности у Веникова: *Общій обзоръ постепеннаго расширения русскихъ предѣловъ Азии и способовъ обороны ихъ. Первый участокъ: островъ Сахалинъ. Военный Сборникъ 1872 г., № 3.*

нибудь мѣстности основать постъ, какъ въ скорости въ той же мѣстности, но только на другомъ берегу рѣчки, появился японскій шкетъ, и при всемъ своемъ желаніи казаться страшными, японцы все-таки оставались мирными и милыми людьми: посылали русскимъ солдатамъ островъ и, когда тѣ обращались къ нимъ за неводомъ, то они охотно исполняли просьбу.

Въ 1867 г. заключенъ былъ договоръ, по которому Сахалинъ сталъ принадлежать обоимъ государствамъ на правѣ общаго владѣнія: русскіе и японцы признали другъ за другомъ одинаковое право распоряжаться на островѣ, — значить, ни тѣ, ни другіе не считали островъ своимъ *). По трактату же 1875 г. Сахалинъ окончательно вошелъ въ составъ Россійской имперіи, а Японія получила въ вознагражденіе всѣ наши Курильскіе острова **).

Рядомъ съ падою, въ которой находится Корсаковскій постъ, есть еще падь, сохранившая свое названіе съ того времени, когда здѣсь было японское селеніе Кусунъ-Котанъ. Отъ японскихъ построекъ не уцѣлѣло здѣсь ни одной: есть, впрочемъ, лавочка, въ которой торгуетъ японская семья бакалейными и мелочными товарами, — я покупалъ тутъ жесткія японскія груши, — но эта лавочка уже позднѣйшаго происхожденія. Въ пади на самомъ видномъ мѣстѣ стоитъ бѣлый домъ, на которомъ иногда развѣвается

*) Вѣроятно, по желанію японцевъ, чтобы порабощеніе айно происходило на законномъ основаніи, въ договоръ былъ включенъ, между прочимъ, рискованный пунктъ, по которому инородцы, буде они войдутъ въ долины, могутъ производить уплату ихъ работою или какою другою услугою. А, между тѣмъ, на Сахалинѣ не было ни одного айно, котораго японцы не считали бы своимъ должникомъ.

***) Невельской настоячиво признавала Сахалинъ русскимъ владѣніемъ по праву занятія его нашими тунгусами въ XVII столѣтіи, первоначальнаго его описанія въ 1742 г. и занятія южной части его въ 1806 г. русскими. Русскими тунгусами считалъ онъ орочей, съ чѣмъ этнографы не согласны; первоначальное описаніе Сахалина сдѣлано не русскими, а голландцами, что же касается занятія его въ 1806 г., то первоначальность тутъ опровергается фактами. Несомнѣнно, что право перваго изслѣдованія принадлежитъ японцамъ, и японцы первые заняли Южный Сахалинъ. Но все-таки въ своей щедрости мы, кажется, хватили черезъ край; можно было бы «изъ уваженія», какъ говорятъ мужики, отдать японцамъ пять-шесть Курильскихъ острововъ, ближайшихъ къ Японіи, а мы отдали 22 острова, которые, если вѣрять японцамъ, приносятъ имъ теперь мпліонъ ежегоднаго дохода.

флагъ — красный кругъ на бѣломъ фонѣ. Это японское консульство.

Какъ-то утромъ, когда дулъ пордь-остъ, а въ квартирѣ моей было такъ холодно, что я кутался въ одѣяло, ко мнѣ пришли съ визитомъ японскій консуль г. Кузе и его секретарь г. Сугіама. Первымъ долгомъ я сталъ извиняться, что у меня очень холодно.

— О, нѣтъ,— отвѣчали мои гости:— у васъ чрезвычайно тепло!

И они на лицахъ и въ тонѣ голоса старались показать, что у меня не только очень тепло, но даже жарко, и что моя квартира — во всѣхъ отношеніяхъ рай земной. Оба они кровные японцы съ монгольскимъ типомъ лица, средняго роста. Консулу около сорока лѣтъ, бороды у него нѣтъ, усы едва замѣтны, сложенія онъ плотнаго; секретарь же лѣтъ на десять моложе, носитъ синія очки, но всѣмъ видимостямъ, физикъ—жертва сахалинскаго климата. Есть еще другой секретарь, г. Сузуки; онъ ниже средняго роста, у него большіе усы, концы которыхъ опущены книзу, на китайскій манеръ, глаза узкіе, косые,—съ японской точки зрѣнія неотразимый красавецъ. Какъ-то, рассказывая про одного японскаго министра, г. Кузе выразился такъ: «Онъ красивый и мужественный, какъ Сузуки». Въ домѣ они ходятъ въ европейскомъ платьѣ, говорятъ по-русски очень хорошо; бывая въ консульствѣ, я нерѣдко заставалъ ихъ за русскими и французскими книжками; книгъ у нихъ полонъ шкапъ. Люди они европейски-образованные, изысканно вѣжливые, деликатные и радушные. Для здѣшнихъ чиновниковъ японское консульство—хорошій, теплый уголокъ, гдѣ можно забыться отъ тюрьмы, каторги и служебныхъ дразгъ и, стало быть, отдохнуть.

Консуль служитъ посредникомъ между японцами, пріѣзжающими на промыслы, и мѣстною администраціей. Въ высокаторжественные дни онъ и его секретаря, въ полной парадной формѣ, изъ пади Кусунъ-Котанъ идутъ въ посты къ начальнику округа и поздравляютъ его съ праздникомъ; г. Бѣлый платитъ имъ тѣмъ же: ежегодно перваго декабря онъ со своими сослуживцами отправляется въ Кусунъ-Котанъ и поздравляетъ тамъ консула съ днемъ рожденія японскаго императора. При этомъ пьютъ шампанское. Когда консуль бываетъ на военныхъ судахъ, тому ему

салютуютъ семь разъ. Случилось, что при мнѣ были получены ордена, Анна и Станиславъ третьей степени, пожалованные гг. Кузе и Сузуки. Г. Бѣлый, майоръ Ш. и секретарь полицейскаго управленія г. Ф., въ мундирахъ, торжественные, отправились въ Кусунъ-Котанъ вручать ордена; и я поѣхалъ съ ними. Японцы были очень тронуты и орденами, и торжественностью, до которой они такіе охотники; подали шампанское. Г. Сузуки не скрывалъ своего восторга и оглядывалъ орденъ со всѣхъ сторонъ блестящими глазами, какъ ребенокъ игрушку; на его «красивомъ и мужественномъ» лицѣ я читалъ борьбу: ему хотѣлось поскорѣе побѣжать къ себѣ и показать орденъ своей молодой жёнѣ (онъ недавно женился) и, въ то же время, вѣжливость требовала, чтобы онъ оставался съ гостями *).

Кончивши обзоръ населенныхъ мѣстъ Сахалина, пере-

*) Отношенія у мѣстной администраціи п японцевъ великодушныя, какія и быть должны. Помимо взаимнаго угощенія шампанскимъ въ торжественныхъ случаяхъ, обѣ стороны находятъ и другія средства для поддержанія этихъ отношеній. Привожу дословно одну изъ бумагъ, полученныхъ отъ консула: «Господня Начальнику Кореаковскаго округа. На отношеніе отъ 16 августа сего года за № 741 мною сдѣлано распоряженіе о раздачѣ присланныхъ вами для довольствія потерѣвшихъ крушеніе на бригѣ и джонкѣ четырехъ бочекъ соленой рыбы и пять кульковъ соли. При томъ я, по имени оныхъ бѣдныхъ, имѣю честь выразить вамъ, милостивый государь, весьма искреннюю признательность о вашихъ сочувствіи и пожертвованіи дружественной вашей сосѣдней націи вещами, которыя здѣсь для нихъ столь важны, объ этомъ я впоисвѣ увѣренъ, что всегда остаются въ нихъ доброй памяти. Консулъ Японской имперіи Кузе». Кстати, это письмо можетъ дать понятіе о тѣхъ успѣхахъ, какіе дѣлаютъ въ короткое время молодые японскіе секретари при изученіи русскаго языка. Германскіе офицеры, изучающіе русскій языкъ, и иностранцы, занимающіеся переводомъ русскіихъ литературныхъ произведеній, впадаютъ несравненно хуже.

Японская вѣжливость не приторна и потому симпатична, и какъ бы мною ея ни было переушено, она не вредитъ, по пословицѣ—масло каши не портитъ. Одинъ токарь-японецъ въ Нагасаки, у котораго нашъ моряки офицеры покупали разныя бездѣлушки, изъ вѣжливости всегда хвалилъ все русское. Увидѣвъ у офицера брелокъ или кошелекъ и ну восхищаться: «Какая замѣчательная вещь! какая изищная вещь!» Одинъ изъ офицеровъ какъ-то привезъ изъ Сахалина деревянный портсигаръ грубой топорной работы. «Ну, теперь, — думаетъ, — подведу я токаря. Увидимъ, что онъ теперь скажетъ». Но когда японцу показали портсигаръ, то онъ не потерялся. Онъ потрясъ имъ въ воздухъ и сказалъ съ восторгомъ: «Какая прочная вещь!»

хожу теперь къ частностямъ, важнымъ и неважнымъ, изъ которыхъ въ настоящее время складывается жизнь колоній.

XV.

Хозяева-каторжные. — Перечисленіе въ поселенцы. — Выборъ мѣсть подь новыя селенія. — Домообзаводство. — Половищники. — Перечисленіе въ крестьяне. — Переселеніе крестьянъ изъ ссыльныхъ на материкъ. — Жизнь въ селеніяхъ. — Близость тюрьмы. — Составъ населенія по мѣсту рожденія и по сословіямъ. — Сельскія власти.

Когда наказаніе, помимо своихъ прямыхъ цѣлей — мщенія, устрашенія или исправленія, задается еще другими, напримѣръ, колонизаціонными цѣлями, то оно по необходимости должно постоянно приспосабливаться къ потребностямъ колоніи и идти на уступки. Тюрма — антагонистъ колоніи, и интересы обѣихъ находятся въ обратномъ отношеніи. Жизнь въ общихъ камерахъ поработачаетъ и съ теченіемъ времени перерождаетъ арестанта; инстинкты оскдаго челоѣка, домовитаго хозяина, семьянина заглушаются въ немъ привычками стадной жизни, онъ теряетъ здоровье, старится, слабѣетъ морально, и чѣмъ позже онъ покидаетъ тюрьму, тѣмъ больше причинъ опасаться, что изъ него выйдетъ не дѣятельный, полезный членъ колоніи, а лишь бремя для нея. И потому-то колонизаціонная практика потребовала, прежде всего, сокращенія сроковъ тюремнаго заключенія и принудительныхъ работъ, и въ этомъ смыслѣ нашъ *Уставъ о ссыльныхъ* дѣлаетъ значительныя уступки. Такъ, для каторжныхъ отряда исправляющихся десять мѣсяцевъ считаются за годъ, и если каторжные второго и третьяго разряда, т. е. осужденные на сроки отъ 4 до 12 лѣтъ, назначаются на рудничныя работы, то каждый годъ, проведенный ими на этихъ работахъ, засчитывается за полтора года *). Каторжнымъ по переходѣ въ разрядъ исправляющихся законъ разрѣшаетъ жить внѣ тюрьмы, строить себѣ дома, вступать въ бракъ и имѣть деньги. Но дѣйствительная жизнь въ этомъ направленіи

*) На Сахалинѣ въ каждой канцеляріи имѣется *Таблица исчисленія сроковъ*. Изъ нея видно, что осужденный, положимъ, на 17½ лѣтъ, проводить на каторгѣ въ дѣйствительности 15 лѣтъ и 3 мѣсяца, если же онъ попалъ подь манифестъ, то только 10 лѣтъ 4 мѣсяца; осужденный на 6 лѣтъ освобождается черезъ 5 лѣтъ и 2 мѣс., а въ случаѣ манифеста, черезъ 3 года и 6 мѣс.

пошла еще дальше *Устава*. Чтобы облегчить переходъ изъ каторжнаго состоянія въ болѣе самостоятельное, пріамурскій генераль-губернаторъ въ 1888 г. разрѣшилъ освобождать трудолюбивыхъ и добраго поведенія каторжныхъ до срока; объявляя объ этомъ приказъ (№ 302), ген. Коновничъ общаетъ увольнять отъ работъ за два и даже за три года до окончанія полного срока работъ. И безъ всякихъ статей и приказовъ, а по необходимости, потому что это полезно для колоніи, вѣтъ тюрьмы, въ собственныхъ домахъ и на вольныхъ квартирахъ, живутъ все безъ исключенія ссыльно-каторжныя женщины, многіе испытуемые и даже безсрочные, если у нихъ есть семьи, или если они хорошіе мастера, землемѣры, каюры и т. п. Многимъ позволяется жить вѣтъ тюрьмы просто «по-человѣчности» или изъ разсужденія, что если такой-то будетъ жить не въ тюрьмѣ, а въ избѣ, то отъ этого не произойдетъ ничего худого, или если безсрочному Z. разрѣшается жить на вольной квартирѣ только потому, что онъ пріѣхалъ съ женой и дѣтьми, то не разрѣшить этого краткосрочному N. было бы уже несправедливо.

Къ 1 января 1890 г. во всехъ трехъ сахалинскихъ округахъ состояло каторжныхъ обоюго пола 5.905. Изъ нихъ осужденныхъ на сроки до 8 лѣтъ было 2.124 (36%), отъ 8 до 12—1.567 (26,5%), отъ 12 до 15—747 (12,7%), отъ 15 до 20—731 (12,3%), безсрочныхъ 386 (6,5%) и рецидивистовъ, осужденныхъ на сроки отъ 20 до 50 лѣтъ—175 (3%). Краткосрочные, осужденные на сроки до 12 лѣтъ, составляютъ 62,5%, т. е. немного больше половины всего числа. Средній возрастъ только-что осужденнаго каторжнаго мѣ не извѣстенъ, но, судя по возрастному составу ссыльнаго населенія въ настоящее время, онъ долженъ быть не меньше 35 лѣтъ; если къ этому прибавить среднюю продолжительность каторги 8—10 лѣтъ и если принять еще во вниманіе, что на каторгѣ челоѣкъ старится гораздо раньше, чѣмъ при обыкновенныхъ условіяхъ, то станетъ очевиднымъ, что при буквальномъ исполненіи судебного приговора и при соблюденіи *Устава*, со строгимъ заключеніемъ въ тюрьмѣ, съ работами подъ военнымъ конвоемъ и проч., не только долгосрочные, но и добрая половина краткосрочныхъ поступала бы въ колонію съ уже утраченными колонизаторскими способностями.

При мнѣ каторжныхъ-хозяевъ обоого пола, сидѣвшихъ на участкахъ, было 424: каторжныхъ обоого пола, проживавшихъ въ колоніи въ качествѣ женъ, сожителей, сожительницъ, работниковъ, жильцовъ и проч., записано мною 908. Всего жило внѣ тюрьмы въ собственныхъ избахъ и на вольныхъ квартирахъ 1.332, что составляло 23% всего числа каторжныхъ *). Какъ хозяева, каторжные въ колоніи почти ничѣмъ не отличаются отъ хозяевъ-поселенцевъ. Каторжные, состоящіе при хозяйствахъ въ качествѣ работниковъ, дѣлають то же, что наши деревенскіе работники. Отдача арестанта въ работники къ хорошему хозяину мужику, тоже ссыльному, составляетъ пока единственный видъ каторги, выработанный русскою практикою и, несомнѣнно, болѣе симпатичный, чѣмъ австраійское батрачество. Жильцы-каторжные лишь почують на квартирахъ, но на раскомандировки и работы должны являться такъ же аккуратно, какъ и ихъ товарищи, живущіе въ тюрьмѣ. Мастеровые, напримѣръ, сапожники и столяры, часто отбываютъ свой каторжный урокъ у себя на квартирѣ **).

Оттого, что четверть всего состава ссыльно-каторжныхъ живетъ внѣ тюрьмы, особенныхъ безпорядковъ не замѣчается, и я охотно призналъ бы, что упорядочить нашу каторгу нелегко именно потому, что остальные три четверти живутъ въ тюрьмахъ. Говорить о преимуществѣ избъ передъ общими камерами мы можемъ, конечно, только съ вѣроятностью, такъ какъ точныхъ наблюдений по этой части у насъ пока нѣтъ вовсе. Никто еще не доказалъ, что среди каторжниковъ, живущихъ въ избахъ, случаи преступлений и побѣговъ наблюдаются рѣже, чѣмъ у живу-

*) Я не считаю здѣсь каторжныхъ, живущихъ у чиновниковъ въ качествѣ прислуги. Въ общемъ, я думаю, живущіе внѣ тюрьмы составляютъ 25%, т. е. изъ каждаго четырехъ каторжныхъ одного тюрьма уступаетъ колоніи. Процентъ этотъ значительно повысится, когда 305 статья *Устава*, разрешающая исправляющимся жить внѣ тюрьмы, распространится также и на Корсаковскій округъ, въ которомъ, по желанію г. Бѣлаго, всѣ безъ исключенія каторжные живутъ въ тюрьмѣ.

***) Въ Александровскѣ почти всѣ хозяева держатъ жильцовъ и это придаетъ ему городскую физиономію. Въ одной избѣ я записалъ 17 человекъ. Но такія многочисленныя квартиры мало чѣмъ отличаются отъ общихъ камеръ.

щихъ въ тюрьмѣ, и что трудъ первыхъ производительнѣе, чѣмъ вторыхъ, но весьма вѣроятно, что тюремная статистика, которая рано или поздно должна будетъ заняться этимъ вопросомъ, сдѣлаетъ свой окончательный выводъ въ пользу избъ. Пока несомнѣнно одно, что колонія была бы въ выигрышѣ, если бы каждый каторжный, безъ различія сроковъ, по прибытіи на Сахалинъ тотчасъ же приступалъ бы къ постройкѣ избы для себя и для своей семьи, и начиналъ бы свою колонизаторскую дѣятельность возможно раньше, пока онъ еще относительно молодъ и здоровъ; да и справедливость ничего бы не проиграла отъ этого, такъ какъ, поступая съ перваго же дня въ колонию, преступникъ самое тяжелое переживалъ бы до перехода въ поселенческое состояніе, а не послѣ.

Когда кончается срокъ, каторжного освобождаютъ отъ работъ и переводятъ въ поселенцы. Задержекъ при этомъ не бываетъ. Новый поселенецъ, если у него есть деньги и протекція у начальства, остается въ Александровскѣ или въ томъ селеніи, которое ему нравится, и покупаетъ или строитъ тутъ домъ, если еще не обзавелся имъ, когда былъ на каторгѣ; для такого сельское хозяйство и трудъ не обязательны. Если же онъ принадлежитъ къ сѣрой массѣ, составляющей большинство, то обыкновенно садится на участокъ въ томъ селеніи, гдѣ прикажетъ начальство, и если въ этомъ селеніи тѣсно и нѣтъ уже земли, годной подъ участки, то его сажаютъ уже на готовое хозяйство, въ совладѣльцы или половнячки, или же его посылаютъ селиться на новое мѣсто*). Выборъ мѣста подъ новыя селенія, требующій опыта и нѣкоторыхъ специальныхъ знаній, возложенъ на мѣстную администрацію, т. е. на окружныхъ начальниковъ, смотрителей тюремъ и смотрителей поселе-

*) Сахалинъ относится къ отдаленнѣйшимъ мѣстамъ Сибири. Вѣроятно, въ виду исключительно суроваго климата, въ началѣ водворяли здѣсь только тѣхъ поселенцевъ, которые отбывали каторгу на Сахалинѣ же и успѣвали, такимъ образомъ, предварительно если не привыкнуть, то хоть приглядѣться къ мѣсту. Теперь же, повидимому, хотятъ измѣнить этотъ порядокъ. При мнѣ, по приказанію барона А. П. Корфа, былъ присланъ на Сахалинъ и водворенъ въ Дерблинскомъ нѣкій Иуда Гамбергъ, приговоренный къ ссылке въ Сибирь на поселеніе; въ Дубкахъ проживаетъ поселенецъ Симонъ Саудатъ, отбывавшій каторгу не на Сахалинѣ, а въ Сибири. Есть уже здѣсь и административные ссыльные.

ній. Какихъ-нибудь опредѣленныхъ законовъ и инструкцій на этотъ счетъ нѣтъ и все дѣло поставлено въ зависимость отъ такого случайнаго обстоятельства, какъ тотъ или другой составъ служащихъ: находятся ли они на службѣ уже давно и знакомы съ ссыльнымъ населеніемъ и съ мѣстностью, какъ, напримѣръ, г. Бутаковъ на сѣверѣ и гг. Бѣлый и Ярцевъ на югѣ, или же это недавно поступившіе, въ лучшемъ случаѣ филологи, юристы и пѣхотные поручики и въ худшемъ — совершенно необразованные люди, раньше нигдѣ не служившіе, въ большинствѣ молодые, не знающіе жизни горожане. Я уже писалъ о чиновникѣ, который не повѣрилъ инородцамъ и поселенцамъ, когда тѣ предупредили его, что весною и во время сильныхъ дождей мѣсто, которое онъ выбралъ для селенія, заливается водой. При мнѣ одинъ чиновникъ со свитой поѣхалъ за 15—20 верстъ обматривать новое мѣсто и вернулся домой въ тотъ же день, успѣвши въ два-три часа подробно осмотрѣть мѣсто и одобритъ его; онъ говорилъ, что прогулка вышла очень милая.

Старшіе и болѣе опытные чиновники уходятъ на поиски новыхъ мѣстъ рѣдко и неохотно, такъ какъ всегда бываютъ заняты другими дѣлами, а младшіе неопытны и равнодушны; администрація проявляетъ медленность, дѣло затягивается, и въ результатѣ получается переполненіе уже существующихъ селеній. И поневолѣ, въ концѣ-концовъ, приходится обращаться за помощью къ каторжнымъ и солдатамъ-надзирателямъ, которые, по слухамъ, иногда удачно выбираютъ мѣста. Въ 1888 г. въ одномъ изъ своихъ приказовъ (№ 280) генераль Кононовичъ, въ виду того, что ни въ Тымовскомъ, ни въ Александровскомъ округахъ нѣтъ уже мѣста для отвода участковъ, между тѣмъ, какъ число нуждающихся въ нихъ быстро возрастаетъ, предложилъ «немедленно организовать партіи изъ благонадежныхъ ссыльно-каторжныхъ подъ надзоромъ вполне расторопныхъ, болѣе опытныхъ въ этомъ дѣлѣ и грамотныхъ надзирателей, или даже чиновниковъ, и таковыя отправлять къ отысканію мѣстъ, годныхъ подл поселенія». Эти партіи бродятъ по совершенно не изслѣдованной мѣстности, на которую никогда еще не ступала нога топографа; мѣста отыскиваютъ, но неизвѣстно, какъ высоко лежатъ они надъ уровнемъ моря, какая тутъ почва, какая вода и проч.; о

пригодности ихъ къ заселенію и сельско-хозяйственной культурѣ администрація можетъ судить только гадательно, и потому обыкновенно ставится окончательное рѣшеніе въ пользу того или другого мѣста прямо на удачу, на аюсь, и при этомъ не спрашиваютъ мнѣнія ни у врача, ни у топографа, котораго на Сахалинѣ нѣтъ, а землемѣръ является на новое мѣсто, когда уже земля раскорчевана и на ней живутъ *).

Генералъ-губернаторъ послѣ объѣзда селеній, передавая мнѣ свои впечатлѣнія, выразился такъ: «Каторга начинается не на каторгѣ, а на поселеніи». Если тяжесть наказанія измѣрять количествомъ труда и физическихъ лишеній, то на Сахалинѣ часто поселенцы несутъ болѣе суровое наказаніе, чѣмъ каторжные. На новое мѣсто, обыкновенно болотистое и покрытое лѣсомъ, поселенецъ является, имѣя съ собой только плотничій топоръ, шилу и лопату. Онъ рубитъ лѣсъ, корчуетъ, роетъ каналы, чтобы осушить мѣсто, и все время, пока идутъ эти подготовительныя работы, живетъ подъ открытымъ небомъ, на сырой

*) Со временемъ выборъ новыхъ мѣстъ будетъ возложенъ въ каждомъ округѣ на комиссію изъ чиновъ тюремнаго вѣдомства, топографа, агронома и врача, и тогда по протоколамъ этой комиссіи можно будетъ судить, почему выбрана та или другая мѣстность. Въ настоящее время нѣкоторая правдивость замѣчается въ томъ, что людей охотнѣе всего селятъ по долинамъ рѣкъ и около дорогъ, существующихъ или проектированныхъ. Но и тутъ видна скорѣе рутинна, чѣмъ какая-нибудь определенная система. Если выберутъ какую-нибудь притѣчную долину, то не потому, что она лучше другихъ изслѣдована и наиболѣе пригодна для культуры, а потому только, что она находится недалеко отъ центра. Юго-западное побережье отличается сравнительно мягкимъ климатомъ, но оно отстаетъ отъ Дуэ или Александровска дальше, чѣмъ Арковская долина и долина рѣки Армудана, и потому послѣднія предпочитаются. Когда же селятъ на линии проектированной дороги, то при этомъ имѣются въ виду не жители новаго селенія, а тѣ чиновники и каюры, которые со временемъ будутъ ѣздить по этой дорогѣ. Если бы не эта скромная перспектива — оживать и охранять тракты и давать пріютъ провзажающимъ, то было бы трудно понять, для чего нужны, напримѣръ, селенія, проектируемые по тракту вдоль Тымъ, отъ верховьевъ этой рѣки до Ныйскаго залива. За охраненіе и оживленіе тракта жители, вѣроятно, будутъ получать отъ казны денежное и пищевое довольствіе. Если же эти селенія будутъ продолженіемъ теперешней сельско-хозяйственной колоніи, и администрація разсчитываетъ на рожь и пшепну, то Сахалинъ пріобрѣтетъ еще нѣсколько тысячъ голодныхъ, потерявшихъ бѣдниковъ, питающихся неизвестно чѣмъ.

земль. Прелести сахалинскаго климата съ его пасмурностью, почти ежедневными дождями и низкою температурой нигдѣ не чувствуются такъ рѣзко, какъ на этихъ работахъ, когда человѣкъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль ни на одну минуту не можетъ отдѣлаться отъ чувства пронизывающей сырости и озноба. Это настоящая febris sachaliensis, съ головою болью и ломотою во всемъ тѣлѣ, зависящая не отъ инфекціи, а отъ климатическихъ вліяній. Сначала строить селеніе и потомъ уже дорогу къ нему, а не наоборотъ, и, благодаря этому, совершенно непроизводительно расходуется масса силъ и здоровья на переноску тяжестей изъ поста, отъ котораго къ новому мѣсту не бываетъ даже трошнোকъ; поселенецъ, навьюченный инструментомъ, продовольствіемъ и проч., идетъ дремучею тайгой, то по колѣна въ водѣ, то карабкаясь на горы валежника, то путаясь въ жесткихъ кустахъ богульника. 307 статья *Устава о ссыльныхъ* говоритъ, что поселяющимся въ острога отпускается лѣсъ для постройки домовъ; здѣсь эта статья понимается такъ, что поселенецъ самъ долженъ нарубить себѣ лѣсу и заготовить его. Въ прежнее время на помощь поселенцамъ отпускались каторжные и выдавались деньги на наемъ плотниковъ и покупку матеріаловъ, по этому порядокъ былъ оставленъ на томъ основаніи, что «въ результатѣ, какъ рассказывалъ мнѣ одинъ чиновникъ, получались лодари: каторжные работаютъ, а поселенцы въ это время въ орлянку играютъ». Теперь поселенцы устраиваются общими силами, помогая другъ другу. Плотникъ ставитъ срубъ, печникъ мажетъ печь, шильщики готовятъ доски. У кого нѣтъ силъ и умѣнья работать, но есть деньжонки, тотъ нанимаетъ своихъ же товарищей. Крѣпкіе и выносливые люди несутъ самую тяжелую работу, слабосильные же или отвыкшіе въ тюрьмѣ отъ крестьянства, если не играютъ въ орлянку или въ карты, или если не прячутся отъ холода, то занимаются какою-нибудь сравнительно легкою работой. Многіе изнемогаютъ, падаютъ духомъ и покидаютъ свои недостроенные дома. Манзы и кавказцы, не умѣющіе строить русскихъ избъ, обыкновенно обѣгутъ въ первый же годъ. Почти половина хозяевъ на Сахалинѣ не имѣетъ домовъ и это слѣдуетъ объяснить, какъ мнѣ кажется, прежде всего трудностями, съ которыми поселенецъ встрѣчается при первоначальномъ обу-

веденіи. Бездомовные хозяева, по даннымъ, которыя я беру изъ отчета инспектора сельскаго хозяйства, въ 1889 г. въ Тымовскомъ округѣ составляли 50⁰/₀ всего числа, въ Корсаковскомъ — 42⁰/₀, въ Александровскомъ же округѣ, гдѣ устройство хозяйствъ обставлено меньшими трудностями и поселенцы чаще покупаютъ дома, чѣмъ строятъ, только 20⁰/₀. Когда конченъ срубъ, хозяину выдаются въ ссуду стекла и желѣзо. Объ этой ссудѣ начальникъ острова говоритъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ: «Къ величайшему сожалѣнію, эта ссуда, какъ и многое другое, долго заставляетъ себя ждать, парализуя охоту къ домообзаводству... Въ прошедшемъ году осенью, во время объѣзда поселеній Корсаковскаго округа, мнѣ приходилось видѣть дома, ожидающіе стекло, гвоздей и желѣза къ задвижкамъ въ печахъ, нынѣ я тоже засталъ эти дома въ подобномъ ожиданіи» (приказъ № 318, 1889 г.) *).

*) Вотъ тутъ-то поселенцу какъ нельзя кетати могли бы пригодиться тѣ деньги, которыя онъ долженъ былъ бы получать въ теченіе каторжнаго срока въ вознагражденіе за трудъ. По закону, арестанту, осужденному късылкѣ въ каторжныя работы, за вѣнкій трудъ назначается изъ вырученнаго дохода одна десятая часть. Если, положимъ, на дорожныхъ работахъ поденщина оцѣнивается въ 50 к., то каторжный долженъ получать ежедневно по 5 к. Во время содержанія подъ стражей, арестанту позволяется расходовать на свои надобности не болѣе половины заработанныхъ денегъ, а остающіяся затѣмъ суммы выдаются ему при освобожденіи. На заработанныя деньги не могутъ быть обращаемы никакія гражданскія взысканія или судебныя издержки, и, въ случаѣ смерти арестанта, онѣ выдаются его наследникамъ. Въ *Дѣлѣ объ устройствѣ о. Сахалина* за 1878 г. кн. Шаховской, завѣдывавшій въ семидесятыхъ годахъ дуйскою каторгой, высказываетъ мнѣніе, которое слѣдовало бы теперешнимъ администраторамъ принять и къ свѣдѣнію, и къ руководству: «Вознагражденіе каторжныхъ за работы даетъ хотя какую-нибудь собственность арестанту, а всякая собственность прикрѣпляетъ его къ мѣсту; вознагражденіе позволяетъ арестантамъ по взаимномъ соглашеніи улучшать свою пищу, держать въ болѣе чистой одеждѣ и номѣщеніи, а всякая привычка къ удобствамъ производитъ тѣмъ большее страданіе въ лишеніи ихъ, чѣмъ удобствъ этихъ болѣе; совершенное же отсутствіе послѣднихъ и всегда угрюмая, непривѣтливая обстановка вырабатываетъ въ арестантахъ такое равнодушіе къ жизни, а тѣмъ болѣе къ наказаніямъ, что часто, когда число наказываемыхъ доходило до 80⁰/₀ паличнаго состава, приходилось отчаиваться въ побѣдѣ розогъ надъ тѣми пустыми природными потребностями человека, ради выполненія которыхъ онъ ложится подъ розги; вознагражденіе каторжныхъ, образуми между ними нѣкоторую самостоятельность, устраиваетъ растрату одежды, помогаетъ домообзаводству

Не находятъ нужнымъ изслѣдовать новое мѣсто, даже когда уже заселяютъ его. Посылаютъ на новое мѣсто 50—100 хозяевъ, затѣмъ ежегодно прибавляютъ десятки новыхъ, а, между тѣмъ, никому не извѣстно, на какое количество людей хватитъ тамъ удобной земли, и вотъ причина, почему обыкновенно въ скорости послѣ заселенія начинаютъ уже обнаруживаться тѣснота, излишекъ людей. Этого не замѣчается только въ Корсаковскомъ округѣ, посты же и селенія обонхъ сѣверныхъ округовъ все до одного переполнены людьми. Даже такой, несомнѣнно, зажиточный человѣкъ, какъ А. М. Бутаковъ, начальникъ Тыловскаго округа, сажаетъ людей на участки какъ-нибудь, не соображаясь насчетъ будущаго, и ни въ одномъ округѣ нѣтъ такого множества совладѣльцевъ или сверхкомплектныхъ хозяевъ, какъ именно у него. Похоже, какъ будто сама администрація не вѣрится въ сельско-хозяйственную колонію и мало-по-малу успокоилась на мысли, что земля нужна поселенцу ненадолго, всего на шесть лѣтъ, такъ какъ, получивъ крестьянскія права, онъ непременно покинетъ островъ, и что при такихъ условіяхъ вопросъ объ участкахъ можетъ имѣть одно лишь формальное значеніе.

Изъ записанныхъ мною 3.552 хозяевъ 638 или 18%⁰ составляютъ совладѣльцы, а если исключить Корсаковскій округъ, гдѣ на участки сажаютъ только по одному хозяину, то процентъ этотъ будетъ значительно выше. Въ Тыловскомъ округѣ чѣмъ моложе селеніе, тѣмъ выше въ немъ процентъ половинщиковъ; въ Воскресенскомъ, наиримѣрь, хозяевъ 97, а половинщиковъ 77; это значить, что находить новыя мѣста и отводить участки поселенцамъ съ каждымъ годомъ становится все труднѣе *).

и значительно уменьшаетъ затраты казны въ отношеніи прикупленій ихъ къ землѣ по выходѣ на поселеніе.

Инструментъ выдается въ ссуду на пять лѣтъ съ условіемъ, что поселенецъ ежегодно будетъ улачивать пятую часть. Въ Корсаковскомъ округѣ плотничій топоръ стоитъ 4 руб., продольная пила 13 руб., лопата 1 р. 80 к., подпенокъ 44 коп., гвозди 10 коп. за фунтъ. Дроворубный топоръ даютъ за 3 руб. 50 коп. въ ссуду лишь въ томъ случаѣ, если поселенецъ не беретъ плотничьяго.

*) Хозяинъ и совладѣлецъ живутъ въ одной избѣ и спать на одной печи. Владѣть совместно участкомъ не мѣшаетъ различіе въ роисповѣданіи и даже половѣ. Помините, въ Рыковскомъ у поселенца Годубева половинщикъ еврей Любарскій. Тамъ же у поселенца Ивана Хаврѣевича совладѣльца Марья Бродяга.

Устройство хозяйства и правильное веденіе его ставится поселенцу въ непремѣнную обязанность. За лѣдность, нерадѣніе и нежеланіе устраниваться хозяйствомъ его обращаютъ въ общественныя, т. е. каторжныя работы на одинъ годъ и переводятъ изъ избы въ тюрьму. Статья 402 *Устава* разбѣщаетъ цримурскому генералъ-губернатору «содержать на казенномъ довольствіи тѣхъ изъ сахалинскихъ поселенцевъ, кои, по признанію мѣстныхъ властей, не имѣютъ въ тому собственныхъ средствъ». Въ настоящее время большинство сахалинскихъ поселенцевъ въ продолженіе первыхъ двухъ и рѣдко трехъ лѣтъ по освобожденіи изъ каторжныхъ работъ получаютъ отъ казны одежное и пищевое довольствіе въ размѣрѣ обычного арестантскаго пайка. Оказывать такую помощь поселенцамъ побуждаютъ администрацію соображенія гуманнаго и практическаго свойства. Въ самомъ дѣлѣ, трудно вѣдь допустить, чтобы поселенецъ могъ, въ одно и то же время, строить себѣ избу, готовить землю подъ пашню и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ежедневно добывать себѣ кусокъ хлѣба. Но не рѣдкость встрѣтить въ приказахъ, что такой-то поселенецъ смѣщается съ довольствія за нерадѣніе, за лѣдность, за то, что «онъ не приступилъ къ постройкѣ дома», и т. п. *).

По истеченіи десяти лѣтъ пребыванія въ поселенческомъ состояніи, поселенцамъ предоставляется перечисляться въ крестьяне. Это новое званіе сопряжено съ большими правами. Крестьянинъ изъ ссыльныхъ можетъ оста-

---

*) Въ какой бѣдности, несмотря на пособія и постоянныя ссуды изъ казны, здѣшніе сельскіе жители отбываютъ свои сроки, мнѣ уже приходилось говорить. Вотъ картиное изображеніе этой почти нищенской жизни, принадлежащее перу официального лица: «Въ деревнѣ Лютогъ я вошелъ въ самую бѣдную лачугу, принадлежащую поселенцу Зерину, по ремеслу плохому портному, уже четыре года устранивавшемуся. Бѣдность и недостатокъ во всемъ поразительные: кромѣ ветхаго стола и обрубка дерева вмѣсто стула, шкандлѣхъ слѣдовъ мебели; кромѣ жестиного чайника изъ керосиновой банки, никакихъ признаковъ посуды и домашней утвари; вмѣсто постели, кучка соломы, на которой лежитъ полушубокъ и вторая рубаха; по мастерству тоже ничего, кромѣ нѣсколькихъ иголъ, нѣсколькихъ сѣрыхъ нитокъ, нѣсколькихъ цуговиць и мѣднаго наперстка, служащаго вмѣстѣ съ тѣмъ и трубкой, такъ какъ портной, просверливъ въ немъ отверстіе, по мѣрѣ надобности, всгвливаетъ туда тоненькій мундштучокъ изъ мѣтнаго камыша; табаку оказалось не больше, какъ на полнаперстка» (Приказъ № 318, 1889 г.).

вить Сахалинъ и водвориться, гдѣ пожелаетъ, по всей Сибири, кромѣ областей Семирѣченской, Акмолинской и Семипалатинской, приписываться къ крестьянскимъ обществамъ, съ ихъ согласія, и жить въ городахъ для занятія ремеслами и промышленностью; онъ судится и подвергается наказаніямъ уже на основаніи законовъ общихъ, а не *Устава о ссыльныхъ*; онъ получаетъ и отправляетъ корреспонденцію тоже на общихъ основаніяхъ, безъ предварительной цензуры, установленной для каторжныхъ поселенцевъ. Но въ этомъ его новомъ состояніи все-таки еще остается главный элементъ ссылки: онъ не имѣетъ права вернуться на родину *).

Полученіе крестьянскихъ правъ черезъ десять лѣтъ въ *Уставѣ* не обставлено никакими особенными условіями. Кромѣ случаевъ, предусмотрѣнныхъ въ примѣчаніи къ 375 ст., единственное условіе тутъ — десятилѣтній срокъ, независимо отъ того, былъ ли поселенецъ хозяиномъ-хлѣбопашцемъ, или подмастерьемъ. Инспекторъ тюремъ Приамурскаго края г. Каморскій, когда у насъ зашла рѣчь объ этомъ, подтвердилъ мнѣ, что держать ссыльнаго въ поселенческомъ состояніи дольше десяти лѣтъ или обставлять какими-либо условіями полученіе крестьянскихъ правъ по истеченіи этого срока администрація не имѣетъ права. Между тѣмъ, на Сахалинѣ мнѣ приходилось встрѣчать стариковъ, которые пробыли въ поселенцахъ дольше десяти лѣтъ, но крестьянскаго званія еще не получили. Показаній ихъ, впрочемъ, я не успѣлъ провѣрить по статейнымъ спискамъ и потому не могу судить, насколько они

*) До 1888 г. лицамъ, получившимъ крестьянскія права, былъ запрещенъ выездъ изъ Сахалина. Это запрещеніе, отпманнее у сахалинца всякую надежду на лучшую жизнь, внушало людямъ ненависть къ Сахалину и, какъ репрессивная мѣра, могла только увеличить число побѣговъ, преступленій и самоубійствъ; ея призрачной практичности принеслась въ жертву сама справедливость, такъ какъ сахалинскимъ ссыльнымъ было запрещалось то, что позволялось сибирскимъ. Эта мѣра вызвана была соображеніемъ, что если крестьяне будутъ покидать островъ, то, въ концъ-концовъ, Сахалинъ будетъ лишь мѣстомъ для срочной ссылки, а не колоніей. Но развѣ пожизненность сдѣлала бы изъ Сахалина вторую Австралію? Изначенность и процвѣтаніе колоніи зависятъ не отъ запрещеній или приказовъ, а отъ наличности условій, которыя гарантируютъ покойную и обезпеченную жизнь есаи не самимъ ссыльнымъ, то хотя ихъ дѣтямъ и внукамъ.

справедливы. Старики могут ошибаться въ счетѣ или просто лгать, хотя, при распушенности и безтолковости писарей и неумѣлости младшихъ чиновниковъ, отъ сахалинскихъ канцелярій можно ожидать всякихъ капризовъ. Для тѣхъ поселенцевъ, которые «вели себя совершенно одобрительно, занимались полезнымъ трудомъ и приобрѣли осѣдность», десятилѣтній срокъ можетъ быть сокращенъ до шести лѣтъ. 377 статей, разрѣшающей эту льготу, начальникъ острова и окружные начальники пользуются въ широкихъ размѣрахъ; по крайней мѣрѣ, почти всѣ крестьяне, которыхъ я знаю, получили это званіе черезъ честь лѣтъ. Но, къ сожалѣнію, «полезный трудъ» и «осѣдность», которыми въ *Уставѣ* обусловлено получение льготы, во всѣхъ трехъ округахъ понимаются различно. Въ Тымовскомъ округѣ, напримѣръ, поселенца не производятъ въ крестьяне, пока онъ долженъ въ казну и пока у него изба не покрыта тесомъ. Въ Александровскѣ поселенецъ сельскимъ хозяйствомъ не занимается, инструменты и сѣмена ему не нужны и поэтому долговъ онъ дѣлаетъ меньше; ему и права получить легче. Ставятъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы поселенецъ былъ хозяиномъ, между ссыльными же чаще, чѣмъ въ какой-либо другой средѣ, встрѣчаются люди, которые по натурѣ неспособны быть хозяевами и чувствуютъ себя на своемъ мѣстѣ, когда служатъ въ рабочихъ. На вопросъ, можетъ ли воспользоваться льготой и вообще получить крестьянскія права поселенецъ, который не имѣетъ своего хозяйства, потому что служить поваромъ у чиновника или подмастерьемъ у сапожника, въ Корсаковскомъ округѣ отвѣтили мнѣ утвердительно, а въ обоихъ сѣверныхъ — неопредѣленно. При такихъ условіяхъ, конечно, о какихъ-либо нормахъ не можетъ быть и рѣчи, и если новый окружной начальникъ потребуетъ отъ поселенцевъ желѣзныхъ крышъ и умѣнья пѣть на клирсѣ, то доказать ему, что это произволь, будетъ трудно.

Когда я былъ въ Сіяпцахъ, смотритель поселеній приказалъ 25 поселенцамъ собраться около надзирательской и объявилъ имъ, что постановленіемъ начальника острова они перечислены въ крестьянское сословіе. Постановленіе было подписано генераломъ 27 января, а объявлено поселенцамъ 26 сентября. Радостное извѣстіе было принято всѣми 25 поселенцами молча; ни одинъ не перекрестился,

не поблагодарилъ, а всѣ стояли съ серьезными лицами и молчали, какъ будто всѣмъ имъ взгрустнулось отъ мысли, что на этомъ свѣтѣ все, даже страданія, имѣеть конецъ. Когда я и г. Ярцевъ заговорили съ ними о томъ, кто изъ нихъ останется на Сахалинѣ, а кто уѣдетъ, то ни одинъ изъ 25 не выразилъ желанія остаться. Всѣ говорили, что ихъ тянетъ на материкъ и уѣхали бы съ удовольствіемъ тотчасъ же, но средствъ нѣтъ, надо обдумать. И пошли разговоры о томъ, что мало однѣхъ денегъ на дорогу, — небось, материкъ тоже деньги любитъ: придется хлопотать о принятіи въ общество и угощать, покупать землицку и строиться, то да се — гляди, рублей полтора ста понадобится. А гдѣ ихъ взять? Въ Рыковскомъ, несмотря на его сравнительно большіе размѣры, я засталъ только 39 крестьянъ, и всѣ они были далеки отъ намѣренія пускаться здѣсь корни; всѣ собирались на материкъ. Одинъ изъ нихъ, по фамилии Безпаловъ, строить на своемъ участкѣ большой двухъэтажный домъ съ балкономъ, похожій на дачу, и всѣ смотрятъ на постройку съ недоумѣніемъ и не понимаютъ, зачѣмъ это; то, что богатый человекъ, имѣющій взрослыхъ сыновей, быть-можетъ, останется навсегда въ Рыковскомъ въ то время, какъ отлично могъ бы устроиться гдѣ-нибудь на Зеѣ, производить впечатлѣніе страннаго каприза, чудачества. Въ Дубкахъ одинъ крестьянинъ-картежникъ на вопросъ, поѣдетъ ли онъ на материкъ, отвѣтилъ мнѣ, глядя надменно въ потолокъ: «По-стараясь уѣхать» *).

Тонять крестьянъ изъ Сахалина сознанію необезпеченности, скука, постоянный страхъ за дѣтей... Главная же причина, это—страстное желаніе хотя передъ смертью подышать на свободѣ и пожить настоящею, не арестантскою жизнью. А Уссурийскій край и Амуръ, о которомъ говорятъ всѣ, какъ о землѣ обѣтованной, такъ близки: проплыть на пароходѣ три-четыре дня, а тамъ—свобода, тепло.

* Только одного я встрѣтилъ, который выразилъ желаніе остаться на Сахалинѣ навсегда: это — несчастный человекъ, черниговскій хуторянинъ, пришедшій за изнасилованіе родной дочери; онъ не любитъ родины, потому что оставилъ тамъ дурную память о себѣ, и не пишетъ писемъ своимъ, теперь уже взрослымъ, дѣтямъ, чтобы не напоминать имъ о себѣ; не ѣдетъ же на материкъ потому, что лѣта не позволяютъ.

урожан... Тѣ, которые уже переселились на материкъ и устроились тамъ, пишутъ своимъ сахалинскимъ знакомымъ, что на материкѣ подають имъ руку и водка за бутылку стодитъ только 50 коп. Какъ-то, гуляя въ Александровскѣ на пристани, я зашелъ въ катерный сарай и увидѣлъ тамъ старика 60—70 лѣтъ и старуху съ узлами и съ мѣшками, очевидно собравшихся въ дорогу. Разговорились. Старикъ недавно получилъ крестьянскія права и теперь уѣзжалъ съ женою на материкъ, сначала во Владивостокъ, а потомъ «куда Богъ дастъ». Денегъ, по ихъ словамъ, у нихъ не было. Пароходъ долженъ былъ отойти черезъ сутки, но они уже прибрели на пристань и теперь со своимъ скарбомъ прятались въ катерномъ сараѣ въ ожиданіи парохода, будто боялись, чтобы ихъ не вернули назадъ. О материкѣ они говорили съ любовью, съ благоговѣніемъ и съ увѣренностью, что тамъ-то и есть настоящая счастливая жизнь. На Александровскомъ кладбищѣ я видѣлъ черный крестъ съ изображеніемъ Божіей Матери и съ такою надписью: «Здѣсь покоится прахъ Дѣвицы Афины Курниковой, скончалась въ 1888 Году: мая 21 дня. Лѣтъ ей Отроду 18-ть. Крестъ сей поставленъ въ Знакъ памяти и Отъѣзда родителей на материкъ 1889 года іюня дня».

Крестьянина не отпускають на материкъ, если онъ неблагонадежнаго поведенія и долженъ въ казну. Если онъ состоитъ въ сожителствѣ съ ссыльною женщиной и имѣеть отъ нея дѣтей, то билетъ на отлучку выдается ему только въ томъ случаѣ, если онъ обезпечитъ своимъ имуществомъ дальнѣйшее существованіе своей сожительницы и незаконно прижитыхъ съ нею дѣтей (приказъ № 92, 1889 г.). На материкѣ крестьянинъ приписывается къ облюбованной имъ волости; губернаторъ, въ вѣдѣніи котораго находится волость, даетъ знать начальнику острова, и послѣдній въ приказѣ предлагаетъ полицейскому управленію исключить крестьянина такого-то и членовъ его семьи изъ списковъ— и формально однимъ «несчастливымъ» становится меньше. Баронъ А. Н. Корфъ говорилъ мнѣ, что если крестьянинъ дурно ведетъ себя на материкѣ, то онъ административнымъ порядкомъ высылается на Сахалинъ уже навсегда.

По слухамъ, сахалинцы живутъ на материкѣ хорошо. Письма ихъ я читалъ, но видѣть, какъ они живутъ на

новыхъ мѣстахъ, мнѣ не приходилось. Впрочемъ, я видѣлъ одного, но не въ деревнѣ, а въ городѣ. Какъ-то во Владивостокѣ я и іеромонахъ Ираклій, сахалинскій миссіонеръ и священникъ, выходили вмѣстѣ изъ магазина и какой-то человекъ въ бѣломъ фартукѣ и высокихъ блестящихъ сапогахъ, должно-быть, дворникъ или артельщикъ, увидѣвъ о. Ираклія, очень обрадовался и подошелъ подъ благословеніе; оказалось, что это духовное чадо о. Ираклія, крестьянинъ изъ ссыльныхъ. О. Ираклій узналъ его, вспомнилъ имя его и фамилію. «Ну, какъ живешь тутъ?» — спросилъ онъ. — «Слава Богу, хорошо!» — отвѣтилъ тотъ съ оживленіемъ.

Крестьяне, пока еще не отбыли на материкъ, живутъ въ постахъ или селеніяхъ и ведутъ хозяйства при тѣхъ же неблагоприятныхъ условіяхъ, какъ поселенцы и каторжные. Они все еще продолжаютъ зависѣть отъ тюремнаго начальства и снимать шапки за 50 шаговъ, если живутъ на югѣ; съ ними обходятся лучше и не сбьютъ ихъ, но все же это не крестьяне въ настоящемъ смыслѣ, а арестанты. Они живутъ возлѣ тюрьмы и видятъ ее каждый день, а ссыльно-каторжная-тюрьма и мирное земледѣльческое существованіе немыслимы рядомъ. Некоторые авторы видѣли въ Рыковскомъ хоробы и слышали здѣсь гармонику и разудалыя пѣсни; я же ничего подобнаго не видѣлъ и не слышалъ и не могу себѣ представить дѣвухъ, ведущихъ хоробы около тюрьмы. Даже если бы мнѣ случилось услышать, кромѣ звона цѣпей и крика надзирателей, еще разудалую пѣсню, то я почелъ бы это за дурной знакъ, такъ какъ добрый и милосердный человекъ около тюрьмы не запоетъ. Крестьянъ и поселенцевъ и ихъ свободныхъ женъ и дѣтей гнететъ тюремный режимъ; тюремное положеніе, подобно военному, съ его исключительными строгостями и неизбѣжною начальственной опекой, держитъ ихъ въ постоянномъ напряженіи и страхѣ; тюремная администрація отбираетъ у нихъ для тюрьмы луга, лучшія мѣста для рыбныхъ ловель, лучшій лѣсъ; бѣглецы, тюремные ростовщики и воры обижаютъ ихъ; тюремный палачъ, гуляющій по улицѣ, пугаетъ ихъ; надзиратели развращаютъ ихъ женъ и дочерей, а, главное, тюрьма каждую минуту напоминаетъ имъ объ ихъ прошломъ и о томъ, кто они и гдѣ они.

Здѣшніе сельскіе жители еще не составляютъ обществъ. Взрослыхъ уроженцевъ Сахалина, для которыхъ островъ былъ бы родиной, еще нѣтъ, старожилловъ очень мало, большинство составляютъ новички; население мѣняется каждый годъ; одни прибываютъ, другіе выбываютъ; и во многихъ селеніяхъ, какъ я говорилъ уже, жители производятъ впечатлѣніе не сельскаго общества, а случайнаго сборода. Они называютъ себя братьями, потому что страдали вмѣстѣ, но общаго у нихъ, все-таки, мало и они чужды другъ другу. Они вѣруютъ не одинаково и говорятъ на разныхъ языкахъ. Старики презираютъ эту пестроту и со смѣхомъ говорятъ, что какое можетъ быть общество, если въ одномъ и томъ же селеніи живутъ русскіе, хохлы, татары, поляки, евреи, чухонцы, киргизы, грузины, цыгане?.. О томъ, какъ неравномѣрно распредѣленъ по селеніямъ нерусскій элементъ, мнѣ уже приходилось упоминать *).

Неблагопріятно отзывается на ростѣ каждаго селенія также еще пестрота иного рода: въ колонію поступаетъ много старыхъ, слабыхъ, больныхъ физически и психически, преступныхъ, неспособныхъ къ труду, практически не подготовленныхъ, которые на родинѣ жили въ городѣ и не занимались сельскимъ хозяйствомъ. 1 января 1890 г., по даннымъ, взятымъ мною изъ казенныхъ вѣдомостей, на всемъ Сахалинѣ, въ тюрьмахъ и колоніи, дворянъ было 91 и городскихъ сословій, т. е. почетныхъ гражданъ, купцовъ,

*) На вопросъ: «какой губерніи?»—мнѣ отвѣтили 5.791 человекъ: Тамбовская дала — 260, Самарская — 230, Черниговская — 201, Киевская — 201, Полтавская — 199, Воронежская — 198, Донская область — 168, Саратовская — 153, Курская — 151, Пермская — 148, Нижегородская — 146, Пензенская — 142, Московская — 133, Тверская — 133, Херсонская — 131, Екатеринославская — 125, Новгородская — 122, Харьковская — 117, Орловская — 115; на каждую изъ остальныхъ губерній приходится меньше ста. Кавказскія губерніи все вмѣстѣ дали 213 или 3,6%. Въ тюрьмахъ кавказцы даютъ болѣе шій процентъ, чѣмъ въ колоніи, а это значитъ, что они неблагополучно отбываютъ каторгу и далеко не все выходятъ на поселеніе; причины тутъ—частые побѣги и, вѣроятно, высокая смертность. Губерніи Царства Польскаго все вмѣстѣ дали 455 или 8%, Финляндія и остзейскія губерніи—167 или 2,8%. Эти цифры могутъ дать лишь приблизительное понятіе о составѣ населенія по мѣсту рожденія, но едва ли кто рѣшится выводить изъ нихъ заключеніе, что Тамбовская губернія самая преступная и малороссы, которыхъ, кетати сказать, очень много на Сахалинѣ, преступнѣе русскихъ.

мѣщанъ и иностранныхъ подданныхъ. 924, что вмѣстѣ составляло 10% всего числа ссыльныхъ *).

Въ каждомъ селеніи есть староста, который избирается изъ домохозяевъ, непременно изъ поселенцевъ и крестьянъ, и утверждается смотрителемъ поселеній. Въ старосты попадаютъ обыкновенно люди степенные, смысленные и грамотные; должность ихъ еще не опредѣлилась вполнѣ, но они стараются походить на русскихъ старостъ: рѣшаютъ разныя мелкія дѣла, назначаютъ подводы по наряду, вступаются за своихъ, когда нужно, и проч., а у рыковского

*) Дворяне и вообще привилегированные не умѣютъ пахать и рубить избѣ; надо работать, надо нести наказаніе, какое все несутъ, но силъ нѣтъ. Поневоля они ищутъ легкаго труда и даже часто ничего не дѣлаютъ. Но зато они находятся въ постоянномъ страхѣ, что судьба измѣнится и ихъ пошлютъ въ рудникъ, тѣсно накажутъ, закуютъ въ кандалы и проч. Въ болышинствѣ, это люди уже утомленные жизнью, скромные, грустные, и когда глядишь на нихъ, то никакъ не можешь представить себѣ ихъ въ роли уголовныхъ преступниковъ. Но попадаютъ также пройдохи и нахалы, въ конецъ испорченные, одержимые *moral insanity*, производящіе впечатлѣніе какихъ-то острожныхъ выскочекъ; ихъ манера говорить, улыбки, походка, лакейская услужливость, — все это пехоршаго, пошловатаго тона. Какъ бы то ни было, странно быть на ихъ мѣстѣ. Одинъ каторжникъ, бывший офицеръ, когда его везли въ арестантскомъ вагонѣ въ Одессу, видѣлъ въ огню «живописную и поэтическую рыбную ловлю съ помощью зажженныхъ смоляныхъ вѣтокъ и факеловъ... поля Малороссіи уже зеленѣли. Въ дубовыхъ и липовыхъ ея лѣсахъ близъ полотна дороги можно замѣтить фіалки и ландыши; такъ и слышится аромать цвѣтовъ и потерянной воли вмѣстѣ» (*Владивостокъ* 1888 г., № 14). Бывшій дворянинъ, убійца, рассказывая мнѣ о томъ, какъ пріятели провожали его изъ Россіи, говорилъ: «У меня проснулось сознание, я хотѣлъ только одного — стушеваться, провалиться, но знакомые не понимали этого и непрерывно старались утѣшать меня и оказывать мнѣ всякое вниманіе». На привилегированныхъ арестантовъ, когда ихъ ведутъ по улицѣ или везутъ, ничто такъ неприятно не дѣйствуетъ, какъ любопытство свободныхъ, особенно знакомыхъ. Если въ толпѣ арестантовъ хотятъ узнать известнаго преступника и спрашиваютъ про него громко, называя по фамиліи, то это причиняетъ ему сильную боль. Къ сожалѣнію, перьдко глумятся надъ уже осужденными привилегированными преступниками и въ тюрьмѣ, и на улицѣ, и даже въ печати. Въ одной ежедневной газетѣ я читалъ про бывшаго коммерціи-совѣтника, что будто бы гдѣ-то въ Сибири, пдучи этапомъ, онъ былъ приглашенъ завтракать, и когда послѣ завтрака его повели дальше, то хозяева не досчитались одной ложки: убрали коммерціи-совѣтника! Про бывшаго камеръ-юнкера писали, будто въ ссылкѣ ему не скучно, такъ какъ шампанскаго-де у него разливанное море и дыгало сколько хочешь. Это жестоко.

старосты есть даже своя печать. Нѣкоторые получаютъ жалованье.

Въ каждомъ селеніи живетъ также надзиратель, чаще всего нижній чинъ мѣстной команды, безграмотный, который докладываетъ проѣзжимъ чиновникамъ, что все обстоитъ благополучно, и наблюдаетъ за поведеніемъ поселенцевъ и за тѣмъ, чтобъ они безъ спросу не отлучались и занимались сельскимъ хозяйствомъ. Онъ ближайшій начальникъ селенія, часто единственный судья, и его донесенія по начальству—это документы, имѣющіе немаловажное значеніе при офѣнкѣ, насколько поселенецъ преуспѣлъ въ одобрительномъ поведеніи, домообзаводствѣ и осѣдлости. Вотъ образецъ надзирательскаго донесенія:

СПИСОКЪ

жителей селенія Верхняго Армудана, кои дурнова поведенія:

	Фамилія и имена.	Отмѣтка почему именно.
1	Издугинъ Анавій.	Воръ.
2	Биселевъ Петръ Васильевъ.	Тоже.
3	Глыбинъ Иванъ.	Тоже.
1	Гальпскій Семень.	Домонерачитель и самовольный.
2	Казанкинъ Иванъ.	Тоже.

XVI.

Составъ ссыльнаго населенія по поламъ. — Женскій вопросъ. — Каторжныя женщины и поселки. — Сожители и сожительницы. — Женщины свободнаго состоянія.

Въ ссыльной колоніи на 100 мужчинъ приходится 53 женщины *). Это отношеніе правильно только для населенія, живущаго въ избахъ. Есть же еще мужчины, ночующіе въ тюрьмахъ, и холостые солдаты, для которыхъ «необходимымъ предметомъ для удовлетворенія естественныхъ потребностей», какъ выразился когда-то одинъ изъ здѣшнихъ начальниковъ, служатъ все тѣ же ссыльныя или прикосновенныя къ ссылкѣ женщины. Но если при опредѣленіи состава населенія колоніи по поламъ и по семейному

*) По 10 й ревизіи въ русскихъ губерніяхъ (1857—60 гг.) въ среднемъ на 100 мужчинъ было 104,8 женщины.

положенію слѣдуетъ брать въ расчетъ и этотъ разрядъ людей, то не иначе, какъ съ оговоркой. Они, пока живутъ въ тюрьмахъ или казармахъ, смотрятъ на колонію лишь съ точки зрѣнія потребностей; ихъ визиты въ колонію играютъ роль вреднаго виѣшняго вліянія, понижаящаго рождаемость и повышающаго болѣзненность, и, притомъ, случайнаго, которое можетъ быть больше или меньше, смотря по тому, на какомъ разстояніи отъ селенія находится тюрьма или казарма; это то же, что въ жизни русской деревни золоторотцы, работающіе по сосѣдству на желѣзной дорогѣ. Если взять огуломъ всѣхъ мужчинъ, включая тюрьму и казармы, то 53 сократится приблизительно на половину, и мы получимъ отношеніе 100 : 25.

Какъ ни малы цифры 53 и 25, но для молодой ссыльной колоніи, развивающейся, къ тому же, при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, ихъ нельзя признать слишкомъ низкими. Въ Сибири женщины среди каторжныхъ и поселенцевъ составляютъ менѣе 10%, а если обратиться къ нерусской депортаціонной практикѣ, то встрѣтимъ тамъ колопистовъ, уже почтенныхъ фермеровъ, которые до такой степени не были избалованы въ этомъ отношеніи, что съ восторгомъ встрѣчали проститутокъ, привозимыхъ изъ метрополи, и платили судовщикамъ 100 фунтовъ табаку за каждую. Такъ-называемый женскій вопросъ на Сахалинѣ поставленъ безобразно, но менѣе гадко, чѣмъ въ западно-европейскихъ ссыльныхъ колоніяхъ въ первое время ихъ развитія. На островъ поступаютъ не однѣ только преступницы и проститутки. Благодаря главному тюремному управленію и Добровольному флоту, которымъ вполне удалось установить скорое и удобное сообщеніе между Европейскою Россіей и Сахалиномъ, задача женъ и дочерей, желающихъ слѣдовать за мужьями и родителями въ ссылку, значительно упростилась. Не такъ еще давно одна добровольно слѣдовавшая жена приходилась на 30 преступниковъ, въ настоящее же время присутствіе женщинъ свободнаго состоянія стало типическимъ для колоніи, и уже трудно вообразить, напримѣръ, Рыковское или Ново-Михайловку безъ этихъ трагическихъ фигуръ, которыя «ѣхали жизнь мужей поправить и свою потеряли». Это, быть-можетъ, единственный пунктъ, по которому нашъ Сахалинъ въ исторіи ссылки займетъ не послѣднее мѣсто.

Начну съ каторжныхъ женщинъ. Къ 1 января 1890 г. во всѣхъ трехъ округахъ преступницы составляли 11,5%^{*)} всего числа каторжныхъ *). Съ колонизаціонной точки зрѣнія эти женщины имѣютъ одно важное преимущество: онѣ поступаютъ въ колонію въ сравнительно молодомъ возрастѣ; это, въ большинствѣ, женщины съ темпераментомъ, осужденныя за преступленія романческаго и семейнаго характера: «за мужа пришла», «за свекровь пришла»... Это все больше убійцы, жертвы любви и семейнаго деспотизма. Даже тѣ изъ нихъ, которыя приняли за поджогъ или поддѣлку денежныхъ знаковъ, несуть, въ сущности,

---

*) Эта цифра можетъ служить лишь для опредѣленія состава каторжныхъ по поламъ, для сравнительной же оцѣнки нравственности обоеихъ половъ она не даетъ надежнаго матеріала. Женщины рѣже попадаютъ на каторгу не потому, что онѣ нравственнѣе мужчинъ, а потому, что, по самому строю жизни и отчасти по свойствамъ своей организаціи, въ меньшей степени, чѣмъ мужчины, подвержены внѣшнимъ вліяніямъ и рѣску совершать тяжкія уголовныя преступленія. Онѣ не служатъ въ канцеляріяхъ и на военной службѣ, не уходятъ въ отхожіе промыслы, не работаютъ въ лѣсахъ, рудникахъ, на морѣ, а потому не впадаютъ преступленій по должности и противъ военной дисциплины и преступленій, прямое участіе въ которыхъ требуетъ мужской физической силы, напримѣръ: ограбленіе почты, разбой на большой дорогѣ и т. п.; статьи о преступленіяхъ противъ цѣломудрія, объ изнасилованіи, растлѣніи и сверхъестественныхъ порокахъ касаются однихъ лишь мужчинъ. Но зато онѣ убиваютъ, истязаютъ, наносятъ тяжкія увѣчья и укрываютъ убійства относительно чаще, чѣмъ мужчины; среди послѣднихъ убійны составляютъ 47%, а среди преступницъ 57%. Что же касается осужденныхъ за отравленіе, то среди женщинъ ихъ больше не только относительно, но даже абсолютно. Въ 1889 г. по всѣмъ тремъ округамъ отравительницъ было показано абсолютно почти въ три раза больше, чѣмъ отравителей, а относительно въ 23 раза. Какъ бы то ни было, женщины поступаютъ въ колонію меньше мужчинъ и, даже несмотря на ежегодно прибывающія партіи женщинъ свободнаго состоянія, мужчины все-таки даютъ подавляющій перевѣсъ. Такое неравномерное распределеніе половъ неизбежно въ ссыльной колоніи и уравновѣшеніе можетъ произойти только съ прекращеніемъ ссылки или, когда на островъ начнетъ приливать иммиграціонный элементъ, который сольется со ссыльнымъ, или появится у насъ своя мистрисъ Фрей, которая будетъ энергически пропагандировать мысль объ отпращиваніи на Сахалинъ для развитія семейственности транспорта честныхъ дѣвушекъ изъ бѣдныхъ семействъ.

О ссылкѣ западно-европейской и русской, и въ частности о женскомъ вопросѣ см. у проф. И. Я. Фойницкаго въ его извѣстной книгѣ *Ученіе о наказаніи въ связи тюремьдѣльемъ*.

кару за любовь, такъ какъ были увлекаемы въ преступленіе своими любовниками.

Любовный элементъ играетъ въ ихъ печальномъ существованіи роковую роль и до суда, и послѣ суда. Когда ихъ везутъ на пароходѣ въ ссылку, то между ними начинается бродить слухъ, что на Сахалинѣ ихъ противъ воли выдадутъ замукаъ. И это волнуетъ ихъ. Былъ случай, когда онѣ обратились къ судовому начальству съ просьбой ходатайствовать, чтобы ихъ не выдавали насильно.

Лѣтъ 15—20 назадъ каторжныя женщины по прибытіи на Сахалинъ тотчасъ же поступали въ домъ терпимости. «На югѣ Сахалина,—писалъ Власовъ въ своемъ отчетѣ,— женщины за непмѣнимъ особаго помѣщенія помѣщаются въ зданіи некарни... Начальникъ острова Десперадовичъ распорядился обратить женское отдѣленіе тюрьмы въ домъ терпимости». О какихъ-либо работахъ не могло быть и рѣчи, такъ какъ «только провинившіяся или не заслужившія мужской благосклонности» попадали на работу въ кухни, остальные же служили «потребностямъ» и или мертвую, и въ концѣ-концовъ, женщины, по словамъ Власова, были развращаемы до такой степени, что въ состояніи какого-го ошеломленія «продавали своихъ дѣтей за штофъ спирта».

Теперь, когда прибываетъ партія женщинъ въ Александровскъ, то ее, прежде всего, торжественно ведутъ съ пристани въ тюрьму. Женщины, согнувшіяся подъ тяжестью узловъ и котомокъ, плетутся по шоссе, вялая, еще не пришедшія въ себя отъ морской болѣзни, а за ними, какъ на ярмаркѣ за комедіантами, идутъ цѣлыя толпы бабъ, мужиковъ, ребятишекъ и лицъ, причастныхъ къ канцеляріямъ. Картина, похожая на ходъ сельдей въ Анивѣ, когда вслѣдъ за рыбой идутъ цѣлыя полчища китовъ, тюленей и дельфиновъ, желающихъ полакомиться жирною селедкой. Мужики-поселенцы идутъ за толпой съ честными, простыми мыслями: имъ нужна хозяйка. Бабы смотрятъ, нѣтъ ли въ новой партіи землячекъ. Писарямъ же и надзирателямъ нужны «дѣвочки». Это обыкновенно происходитъ передъ вечеромъ. Женщинъ запираютъ на ночь въ камерѣ, заранѣе для того приготовленной, и потомъ всю ночь въ тюрьмѣ и въ посту идутъ разговоры о новой партіи, о прелестяхъ семейной жизни, о невозможности вести хозяйство безъ

бабы и т. п. Въ первыя же сутки, пока еще пароходъ не ушелъ въ Корсаковскъ, происходитъ распределение вновь прибывшихъ женщинъ по округамъ. Распредѣляютъ александровскіе чиновники и потому округъ ихъ получаетъ львиную долю въ смыслѣ и количества, и качества; немного помельше и похуже получаетъ ближайшій округъ — Тымовскій. На сѣверѣ происходитъ тщательный выборъ; тутъ, какъ на филтрь, остаются самыя молодыя и красивыя, такъ что счастье жить въ южномъ округѣ выпадаетъ на долю только почти старухъ и такихъ, которыя «не заслуживаютъ мужской благосклонности». При распределеніи вовсе не думаютъ о сельско-хозяйственной колоніи, и потому на Сахалинѣ, какъ я уже говорилъ, женщины распределены по округамъ крайне неравномѣрно, и, притомъ, чѣмъ хуже округъ, чѣмъ меньше надежды на успѣхи колонизации, тѣмъ больше въ немъ женщинъ: въ худшемъ, Александровскомъ, на 100 мужчинъ приходится 69 женщинъ, въ среднемъ, Тымовскомъ — 47, и въ лучшемъ, Корсаковскомъ — только 36 *).

Изъ женщинъ, выбранныхъ для Александровскаго округа, часть назначается въ прислуги чиновникамъ. Послѣ тюремъ, арестантскаго вагона и пароходнаго трюма въ первое время чистыя и свѣтлыя чиновницкія комнаты кажутся женщинамъ волшебнымъ замкомъ, а самъ баринъ — добрымъ или злымъ гениемъ, имѣющимъ надъ нею неограниченную власть; скоро, впрочемъ; она свыкается со своимъ новымъ положеніемъ, но долго еще потомъ слышатся въ ея рѣчи тюрьма и пароходный трюмъ: «не могу знать», «кушайте, ваше высокоблагородіе», «точно такъ». Другая часть женщинъ поступаетъ въ гаремы писарей и надзирателей, третья же, бѣдная, въ избы поселенцевъ, причѣмъ женщины получаютъ только тѣ, кто побогаче и имѣетъ протекцію. Женщину можетъ получить и каторжный, даже изъ разряда

---

*) Д-ръ А. В. Щербакъ въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ пишетъ: «Выгрузка окончена была только утромъ другого дня. Оставалось еще принять ссыльно-каторжныхъ, назначенныхъ въ Корсаковскій постъ, и получить различныя сдаточныя квитанціи. Первыхъ, въ числѣ 50 мужчинъ и 20 женщинъ, прислали безъ замедленія. Въ статейныхъ спискахъ мужчинъ не значилось ремесль, а женщины были очень стары. Спускали поплоче». *Съ ссыльно-каторжными. Новое Время*, № 5381.

испытываемых, если онъ человѣкъ денежный и пользуется вліяніемъ въ тюремномъ мірѣ.

Въ Корсаковскомъ посту вновь прибывшихъ женщинъ тоже помѣщаютъ въ особый баракъ. Начальникъ округа и смотритель поселеній вмѣстѣ рѣшаютъ, кто изъ поселенцевъ и крестьянъ достоинъ получить бабу. Преимущество дается уже устроившимся, домовитымъ и хорошаго поведенія. Этимъ немногимъ избранникамъ посылается приказъ, чтобы они въ такой-то день и часъ приходили въ постъ, въ тюрьму за полученіемъ женщинъ. И вотъ въ назначенный день по всему длинному тракту отъ Найбучи до поста тамъ и сямъ встрѣчаются идущіе къ югу, какъ ихъ здѣсь не безъ пропіи величаютъ, женихи или молодые. Видъ у нихъ какой-то особенный, въ самомъ дѣлѣ жениховскій: одинъ нарядился въ красную кумачовую рубаху, другой въ какой-то необыкновенной плаптаторской шляпѣ, третій въ новыхъ блестящихъ сапогахъ съ высокими каблуками, купленныхъ неизвѣстно гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ. Когда всѣ они приходятъ въ постъ, ихъ выпускаютъ въ женскій баракъ и оставляютъ тутъ вмѣстѣ съ женщинами. Въ первые четверть-полчаса платится необходимая дань смущенію и чувству неловкости; женихи бродятъ около наръ и молча и сурово поглядываютъ на женщинъ, тѣ сидятъ потупившись. Каждый выбираетъ, безъ кислыхъ гримасъ, безъ усмѣшекъ, а совершенно серьезно, относясь «по-человѣчеству» и къ некрасотѣ, и къ старости, и къ арестантскому виду; онъ присматривается и хочетъ угадать по лицамъ: какая изъ нихъ хорошая хозяйка? Вотъ какая-нибудь молодая или пожилая «показалась» ему; онъ садится рядомъ и заводитъ съ нею душевный разговоръ. Она спрашиваетъ, есть ли у него самоваръ, чѣмъ крыта у него изба, тесомъ или соломой. Онъ отвѣчаетъ на это, что у него есть самоваръ, лошадь, телка по второму году и изба крыта тесомъ. Только ужъ послѣ хозяйственнаго экзамена, когда оба чувствуютъ, что дѣло кончено, она рѣшается задать вопросъ:

— А обижать вы меня не будете?

Разговоръ кончается. Женщина приписывается къ поселенцу такому-то, въ селеніе такое-то—и гражданскій бракъ совершенъ. Поселенецъ отправляется со своею сожительницей къ себѣ домой и для финала, чтобы не ударить

лицомъ въ грязь, нанимаетъ подводу, часто на послѣдніе деньги. Дома сожительница первымъ дѣломъ ставитъ самоваръ, и сосѣди, глядя на дымъ, съ завистью толкуютъ, что у такого-то есть уже баба.

Каторжныхъ работъ для женщинъ на островѣ нѣтъ. Правда, женщины иногда моютъ полы въ канцеляріяхъ, работаютъ на огородахъ, шьютъ мѣшки, но постоянного и опредѣленнаго, въ смыслѣ тяжелыхъ принудительныхъ работъ, ничего нѣтъ и, вѣроятно, никогда не будетъ. Каторжныхъ женщинъ тюрьма совершенно уступила колоніи. Когда ихъ везутъ на островъ, то думаютъ не о наказаніи или исправленіи, а только объ ихъ способности рожать дѣтей и вести сельское хозяйство. Каторжныхъ женщинъ раздаютъ поселенцамъ подъ видомъ работницъ, на основаніи ст. 345 *Устава о ссыльныхъ*, которая разрѣшаетъ незамужнимъ ссыльнымъ женщинамъ «прошиться услугою въ ближайшихъ селеніяхъ старожилловъ, пока не выйдутъ замужъ». Но эта статья существуетъ только какъ прикрытие отъ закона, запрещающаго блудъ и прелюбодѣяніе, такъ какъ каторжная или поселка, живущая у поселенца, не батрачка, прежде всего, а сожительница его, незаконная жена съ вѣдома и согласія администраціи; въ казенныхъ вѣдомостяхъ и приказахъ жизнь ея подъ одною крышею съ поселенцемъ отмѣчается, какъ «совмѣстное устройство хозяйства» или «совмѣстное домообзаводство» *), онъ и она вмѣстѣ называются «свободною семьей». Можно сказать, что, за исключеніемъ небольшого числа привилегированныхъ и тѣхъ, которыя прибываютъ на островъ съ мужьями, всѣ каторжныя женщины поступаютъ въ сожительницы. Это слѣдуетъ считать за правило. Мнѣ рассказывали, что когда одна женщина во Владиміровкѣ не захотѣла идти въ сожительницы и заявила, что она пришла сюда на каторгу, чтобы работать, а не для чего-нибудь другого, то ея слова будто бы привели всѣхъ въ недоумѣніе **).

*) Напримѣръ, приказъ: «Согласно ходатайства г. начальника Александровскаго округа, изложеннаго въ рапортѣ отъ 5 января, за № 75, ссыльно-каторжная Александровской тюрьмы Акулина Кузнецова переводится въ Тымовскій округъ для совмѣстнаго домообзаводства съ поселенцемъ Алексѣемъ Шараповымъ» (1889 г., № 25).

**) Да и трудно понять, гдѣ жили бы женщины, если бѣ отказы-
вались отъ сожительства. Особаго помѣщенія для нихъ на каторгѣ

Мѣстная практика выработала особенный взглядъ на каторжную женщину, существовавший, вѣроятно, во всѣхъ ссыльныхъ колоніяхъ: не то она человѣкъ, хозяйка, не то существо, стоящее даже ниже домашняго животнаго. Поселенцы селенія Сиска подали окружному начальнику такое прошеніе: «Просимъ покорнѣйше ваше высокоблагородіе отпустить намъ рогатаго скота для млекопитанія въ вышеупомянутую мѣстность и женскаго пола для устройства внутренняго хозяйства». Начальникъ острова, бесѣдуя въ моемъ присутствіи съ поселенцами селенія Ускова и давая имъ разныя обѣщанія, сказалъ, между прочимъ:

— И насчетъ женщинъ васъ не оставлю.

— Нехорошо, что женщинъ присылаютъ сюда изъ Россіи не весной, а осенью,—говорилъ мнѣ одинъ чиновникъ.— Зимой бабѣ нечего дѣлать, она не помощница мужику, а только лишній ротъ. Потому-то хорошие хозяева берутъ ихъ осенью неохотно.

Такъ разсуждаютъ осенью о рабочихъ лошадяхъ, когда предвидятся зимою дорогіе корма. Человѣческое достоинство, а также женственность и стыдливость каторжной женщины не принимаются въ расчетъ, ни въ какомъ случаѣ; какъ бы подразумевается, что все это выжжено въ ней ея позоромъ или утеряно ею, пока она таскалась по тюрьмамъ и этапамъ. По крайней мѣрѣ, когда ее наказываютъ тѣлесно, то не стѣсняются соображеніемъ, что ей можетъ быть стыдно. Но униженіе ея личности все-таки никогда не доходило до того, чтобы ее насильно выдавали замужъ или принуждали къ сожителству. Слухи о насиліяхъ въ этомъ отношеніи такія же пустыя сказки, какъ висѣлица на берегу моря или работа въ подземельи *).

не существуетъ. Завѣдующій медицинскою частью въ своемъ отчетѣ за 1889 г. пишетъ: «По прибытіи на Сахалинъ, имъ предоставляется самимъ заботиться о помѣщеніи... для оплаты котораго приходится нѣкоторымъ изъ нихъ не пренебрегать способами для добыванія средствъ».

*) Лично я всегда относился съ сомнѣніемъ къ этимъ слухамъ, но все-таки провѣрилъ ихъ на мѣстѣ и собралъ всѣ случаи, которые могли послужить поводомъ къ нимъ. Разсказываютъ, что года 3—4 назадъ, когда начальникомъ острова былъ генераль Гинце, въ Александровскѣ одна каторжная, иностранка, была выдана противъ воли за бывшаго околочнаго надзирателя. Каторжная Ягельская, въ Корсаковскомъ округѣ, получила 30 розогъ за то, что захотѣла уйти

Къ сожителству не служатъ помѣхой ни старость женщины, ни различіе вѣроисповѣданій, ни бродяжеское состояніе. Сожительницы, имѣющихъ 30 и болѣе лѣтъ, я встрѣчалъ не только у молодыхъ поселенцевъ, но даже у надзирателей, которымъ едва минуло 25. Бываетъ, что приходятъ на кагоргу старуха-мать и взрослая дочь; обѣ поступаютъ въ сожительницы къ поселенцамъ и обѣ начинаютъ рожать какъ бы въ перегонку. Католики, лютеране и даже татары и евреи нерѣдко живутъ съ русскими. Въ Александровскѣ въ одной избѣ я встрѣтилъ русскую бабу въ большой компаніи киргизъ и кавказцевъ, которымъ она прислуживала за столомъ, и записалъ ее сожительницей татарина или, какъ она называла его, чеченца. Въ Александровскѣ всѣмъ извѣстный здѣсь татаринъ Кербалай живетъ съ русскою Лопушиной и имѣетъ отъ нея троицхъ дѣтей *). Бродяги тоже устраиваются на семейную ногу и одинъ изъ нихъ, бродяга Иванъ 35 лѣтъ, въ Дербинскомъ, даже заявилъ мнѣ съ улыбкой, что у него двѣ сожительницы: «одна здѣсь, другая по билету въ Николаевскѣ». Иной поселенецъ живетъ съ женщиной, не помнящей родства, уже лѣтъ десять, какъ съ женой, а все еще не знаетъ ея настоящаго имени и откуда она родомъ.

отъ своего сожителя поселенца Котлирова. Тамъ же поселенецъ Уроватый пожаловался, что его баба отказывается жить съ нимъ. Послѣдовало распоряженіе: «N. N., вышлите ей». — «Сколько?» — «Семьдесятъ». Бабу выслали, но она все-таки осталась на своемъ и перешла къ поселенцу Маловѣчкину, который теперь не нахвалится ею. Поселенецъ Ръзвеновъ, старикъ, засталъ свою сожительницу съ поселенцемъ Роднымъ и пошелъ жаловаться. Послѣдовало распоряженіе: «Позвать ее сюда!» Баба явилась, «Такъ ты, така-сякая, не хочешь жить съ Ръзвеновымъ? Розогь!» И Ръзвенову приказано было собственноручно наказать сожительницу, что тотъ и исполнилъ. Въ концѣ-концовъ, она все-таки взяла верхъ и я уже записалъ ее сожительницей не Ръзвенова, а Родна. Вотъ и всѣ случаи, о которыхъ помнитъ населеніе. Если каторжная женщина изъ сварливаго характера или изъ распутства слишкомъ часто мѣняетъ сожителей, то ее наказываютъ, но и такіе случаи бываютъ рѣдко и возникаютъ только вслѣдствіе жалобъ поселенцевъ.

*) Въ Верхнемъ Армуданѣ у татарина Тухватулы я записалъ сожительницей Екатерину Петрову; она имѣетъ отъ него дѣтей; работникъ въ этой семьѣ магометанинъ, гости тоже. Въ Рыковскомъ поселенецъ Магометъ Усте-Норъ живетъ съ Авдотьей Медвѣдовой. Въ Нижнемъ Армуданѣ у лютеранина поселенца Перешаго сожительница еврейка Лея Пермуть Броха, а въ Большомъ Такозъ крестьянинъ изъ ссыльныхъ Калевскій сожительствуетъ съ аинкой.

На вопросъ, какъ имъ живется, поселенецъ и его сожительница обыкновенно отвѣчаютъ: «Хорошо живемъ». А нѣкоторыя каторжныя женщины говорили мнѣ, что дома въ Россіи отъ мужей своихъ онѣ терпѣли только озорства, побои да попреки кускомъ хлѣба, а здѣсь, на каторгѣ, онѣ впервые увидѣли свѣтъ. «Слава Богу, живу теперь съ хорошимъ человѣкомъ, онъ меня жалѣетъ». Ссылные жалѣютъ своихъ сожительницъ и дорожатъ ими.

— Здѣсь, за недостаткомъ женщинъ, мужикъ самъ и пашетъ, и стряпааетъ, и корову доитъ, и бѣлье починаяетъ,— говорилъ мнѣ баронъ А. Н. Корфъ:—и ужъ если къ нему попадетъ женщина, то онъ крѣпко держится за нее. Посмотрите, какъ онъ наряжаетъ ее. Женщина у ссыльныхъ пользуется почетомъ.

— Что, впрочемъ, не мѣшаетъ ей ходить съ снѣжками,— прибавилъ отъ себя ген. Кононовичъ, присутствовавшій при разговорѣ.

Бываютъ и ссоры, и драки, и дѣлю доходитъ до снѣжковъ, но все же поселенецъ учитъ свою сожительницу съ опаской, такъ какъ сила на ея сторонѣ: онъ знаетъ, что она у него незаконная, и во всякое время можетъ бросить его и уйти къ другому. Понятно, что ссыльные жалѣютъ своихъ женщинъ не изъ одной только этой опаски. Какъ ни просто складываются на Сахалинѣ незаконныя семьи, но и имъ бываетъ не чужда любовь въ самомъ ея чистомъ, привлекательномъ видѣ. Въ Дуэ я видѣлъ сумасшедшую, страдающую эпилепсіей каторжную, которая живетъ въ избѣ своего сожителя, тоже каторжнаго; онъ ходитъ за ней, какъ усердная сидѣлка, и когда я замѣтилъ ему, что вѣроятно, ему тяжело жить въ одной комнатѣ съ этою женщиной, то онъ отвѣтилъ мнѣ весело: «Ничего-о, ваше высокоблагородіе, по-человѣчности!» Въ Ново-Михайловкѣ у одного поселенца сожительница давно уже лишилась ногъ и день и ночь лежитъ среди комнаты на лохмотьяхъ, и онъ ходитъ за ней, и когда я сталъ увѣрять его, что для него же было бы удобнѣе, если бы она лежала въ больницѣ, то и онъ тоже заговорилъ о человѣчности.

Съ хорошими и заурядными семьями вперемежку встрѣчается и тотъ разрядъ свободныхъ семей, которому отчасти обязанъ такую дурною репутаціей ссылочный «женскій вопросъ». Въ первую же минуту эти семьи оттаиваютъ

своею искусственностью и фальшью и даютъ почувствовать, что тутъ, въ атмосферѣ, испорченной тюрьмою и неволей, семья давно уже сгнила, а на мѣстѣ ея выросло что-то другое. Много мужчинъ и женщинъ живутъ вмѣстѣ, потому что такъ надо, такъ принято въ ссылкѣ; сожительства стали въ колоніи традиціоннымъ порядкомъ, и эти люди, какъ слабыя, безвольныя натуры, подчинились этому порядку, хотя никто не принуждалъ ихъ къ тому. Хохлушка лѣтъ 50 въ Ново-Михайловкѣ, пришедшая сюда съ сыномъ, тоже каторжнымъ, изъ-за невѣстки, которая была найдена мертвой въ колодецѣ, оставившая дома старика-мужа и дѣтей, живетъ здѣсь съ сожителемъ, и, повидному, это самой ей гадко и ей стыдно говорить объ этомъ съ постороннимъ человѣкомъ. Своего сожителя она презираетъ и все-таки живетъ съ нимъ и спитъ вмѣстѣ: такъ надо въ ссылкѣ. Члены подобныхъ семей чужды другъ другу до такой степени, что какъ бы долго они ни жили подъ одною крышей, хотя бы 5—10 лѣтъ, не знаютъ, сколько другъ другу лѣтъ, какой губерніи, какъ по отчеству... На вопросъ, сколько ея сожителю лѣтъ, баба, глядя вяло и лѣнливо въ сторону, отвѣчаетъ обыкновенно: «А чортъ его знаетъ!» Пока сожитель на работѣ или играетъ гдѣ-нибудь въ карты, сожительница валяется въ постели, праздная, голодная; если кто-нибудь изъ сосѣдей войдетъ въ избу, то она нехотя приподнимется и расскажетъ, зѣвая, что она «за мужа пришла», невинно пострадала: «Его, чорта, хлопцы убили, а меня въ каторгу». Сожитель возвращается домой: дѣлать нечего, говорить съ бабой не о чемъ; самоваръ бы поставить, да сахару и чаю нѣтъ... При видѣ валяющейся сожительницы, чувство скуки и праздности, несмотря на голодь и досаду, овладѣваетъ имъ, онъ вздыхаетъ и тоже—бултыхъ въ постель. Если женщины изъ такихъ семей промышляютъ проституціей, то сожители ихъ обыкновенно поощряютъ это занятіе. Въ проституткѣ, добывающей кусокъ хлѣба, сожитель видитъ полезное домашнее животное и уважаетъ ее, т. е. самъ ставитъ для нея самоваръ и молчитъ, когда она бранится. Она часто мѣняетъ сожителей, выбирая тѣхъ, кто побогаче, или у кого есть водка, или мѣняетъ просто отъ скуки, для разнообразія.

Каторжная женщина получаетъ арестантскій най, которой она съѣдаетъ вмѣстѣ съ сожителемъ; иногда этотъ бабій

пай служить единственнымъ источникомъ пропитанія семьи. Такъ какъ сожительница формально считается работницей то поселенецъ платитъ за нее въ казну, какъ за работницу: онъ обязуется свезти пудовъ двадцать груза изъ одного округа въ другой или доставить въ постъ десятокъ бревенъ. Эта формальность, впрочемъ, обязательна только для поселенцевъ-мужиковъ и не требуется отъ ссыльныхъ, которые живутъ въ постахъ и ничего не дѣлаютъ. Отбывши срокъ, каторжная женщина перечисляется въ поселенческое состояніе и уже перестаетъ получать кормовое и одежное довольствіе; такимъ образомъ, на Сахалинѣ переводъ въ поселки совсѣмъ не служитъ облегченіемъ участи: каторжницамъ, получающимъ отъ казны пай, живется легче, чѣмъ поселкамъ, и чѣмъ дольше срокъ каторги, тѣмъ лучше для женщины, а если она безсрочная, то это значить, что она обезпечена кускомъ хлѣба безсрочно. Крестьянскія права поселка получаетъ обыкновенно на льготныхъ основаніяхъ, черезъ шесть лѣтъ.

Женщинъ свободнаго состоянія, добровольно пришедшихъ за мужьями, въ настоящее время въ колоніи больше, чѣмъ каторжныхъ женщинъ, а ко всему числу ссыльныхъ женщинъ онѣ относятся какъ 2 : 3. Я записалъ 697 женщинъ свободнаго состоянія; каторжныхъ женщинъ, поселокъ и крестьянокъ было 1.041,—значить, свободныя въ колоніи составляютъ 40% всего наличнаго состава взрослыхъ женщинъ *). Покидать родину и идти въ ссылку за преступными мужьями побуждаютъ женщинъ разнообразныя причины. Однѣ идутъ изъ любви и жалости; другія изъ крѣпкаго убѣжденія, что разлучить мужа и жену можетъ одинъ только Богъ; третьи бѣгутъ изъ дому отъ стыда; въ темной деревенской средѣ позоръ мужей все еще падаетъ на женъ: когда, напримѣръ, жена осужденнаго полощетъ на рѣкѣ бѣлье, то другія бабы обзываютъ ее каторжанкой; четвертыя увлекаются на Сахалинъ мужьями, какъ въ ловушку, путемъ обмана. Еще въ трюмѣ парохода многіе арестанты нишуть домой, что на Сахалинѣ и тепло, и земли много, и хлѣбъ дешевый, и начальство доброе; изъ тюрьмы они пи-

*) Въ первыя десять лѣтъ съ начала морской перевозки, съ 1879 по 1889 г., на пароходахъ Добровольнаго флота было перевезено каторжныхъ мужчинъ и женщинъ 8.430 и добровольно слѣдовавшихъ за ними членовъ ихъ семействъ 1.146.

шуть то же самое, иногда по нѣскольку лѣтъ, придумывая все новые соблазны, и расчетъ ихъ на темноту и легковѣрїе женъ, какъ показали факты, часто оправдывается *). Наконецъ, пятая идетъ потому, что все еще продолжаютъ находиться подъ сильнымъ нравственнымъ вліяніемъ мужей; такія, быть-можетъ, сами принимали участіе въ преступленіи или пользовались плодами его и не попали подъ судъ только случайно по недостатку уликъ. Наиболѣе часты двѣ первыя причины: состраданіе и жалость до самопожертвованія и непоколебимая сила убѣжденія. Среди женъ, добровольно пришедшихъ за мужьями, кромѣ русскихъ, есть также татарки, еврейки, цыганки, польки и нѣмки **).

Когда женщины свободного состоянія прибываютъ на Сахалинъ, то ихъ встрѣчаютъ здѣсь не особенно привѣтливо. Вотъ характерный эпизодъ. 19 октября 1889 г. на пароходѣ Добровольнаго флота *Владивостокъ* прибыло въ Александровскъ 300 женщинъ свободного состоянія, подростковъ и дѣтей. Плыли они изъ Владивостока 3—4 сутокъ на холодѣ, безъ горячей пищи и среди нихъ, какъ передавалъ мнѣ докторъ, было найдено 26 больныхъ скарлатиной, оспой и корью. Пароходъ пришелъ поздно вечеромъ. Командиръ, опасаясь, вѣроятно, дурной погоды, потребовалъ, чтобы приняли пассажировъ и грузъ непременно ночью. Выгружали съ 12 до 2 часовъ ночи. Женщинъ и дѣтей заперли на пристани въ катерномъ сараѣ

*) Одинъ арестантъ въ письмѣ хвально даже, что у него есть иностранная серебряная монета. Тонъ подобныхъ писемъ жизнерадостный, игривый.

***) Случается, что за женами приходятъ въ ссылку мужья. На Сахалинѣ такихъ мужей только трое: оставшие солдаты Андрей Пайдушъ и Андрей Ганинъ въ Александровскѣ и крест. Жигулинъ въ Дербинскомѣ. Послѣдній, пришедшій за женой и дѣтьми, старикъ, разыгрываетъ изъ себя чудака, похожъ на пьянаго и служить по-смѣшницемъ для всей улицы. Одинъ нѣмецъ старикъ пришелъ съ женой къ сыну Готлибу. Онъ ни слова не говоритъ по-русски. Я спросилъ его, между прочимъ, сколько ему лѣтъ.

— Я родился въ 1832 г.,—сказалъ онъ по-нѣмецки, потомъ написалъ на столѣ мѣломъ 1890 и вычелъ 1832.

Съ однимъ каторжнымъ, бывшимъ купцомъ, прїѣхалъ его приказчикъ, который, впрочемъ, поплъ въ Александровскъ только мѣсяць и вернулся въ Россію. По 264 ст. *Устава о ссыльныхъ*, мужья-евреп не могутъ слѣдовать въ ссылку за своими осужденными женами, и послѣднимъ предоставляется брать съ собой лишь грудныхъ дѣтей, и то не иначе, какъ съ согласія мужей.

п въ амбарѣ, построенномъ для склада товаровъ, а большихъ—въ сараѣ, который приспособленъ для карантиннаго содержанія больныхъ. Вѣщи пассажировъ свалили въ безпорядкѣ въ баржу. Къ утру прошелъ слухъ, что баржу ночью сорвало волненіемъ и унесло въ море. Поднялся плачь. У одной женщины вмѣстѣ съ вѣщами пропало 300 р. Составили протоколъ и обвинили во всемъ бурю, между тѣмъ, на другой же день стали находить въ тюрьмѣ у каторжныхъ пропавшія вѣщи.

Свободная женщина, въ первое время по прибытіи на Сахалинъ, имѣеть ошеломленный видъ. Островъ и каторжная обстановка поражаютъ ее. Она съ отчаяніемъ говоритъ, что, ѣдучи къ мужу, не обманывала себя и ожидала только худого, но дѣйствительность оказалась страшнѣе всякихъ ожиданій. Едва она поговорила съ тѣми женщинами, которыя прибыли раньше ея, и поглядѣла на ихъ житье-бытье, какъ у нея уже является увѣренность, что она и дѣти ея погибли. Хотя до окончанія срока осталось еще болѣе 10—15 лѣтъ, но она уже бредитъ о материкѣ и слышать не хочетъ про здѣшнее хозяйство, которое кажется ей ничтожнымъ, не стоющимъ вниманія. Она плачетъ день и ночь съ причитываніями, поминая своихъ покинутыхъ родныхъ, какъ усопшихъ, а мужъ, сознавая свою великую вину передъ ней, молчитъ угрюмо, но, наконецъ, выйдя изъ себя, начинаетъ бить ее и бранить за то, что она пріѣхала сюда.

Если свободная женщина пріѣхала безъ денегъ или привезла ихъ такъ мало, что хватило только на покупку избы, и если ей и мужу ничего не присылаютъ изъ дому, то скоро наступаетъ голодь. Заработковъ нѣтъ, милостыню просить негдѣ, и ей съ дѣтьми приходится кормиться тою же арестантскою порціей, которую получаетъ изъ тюрьмы ея мужъ каторжникъ и которой едва хватаетъ на одного взрослого *). Изъ дня въ день мысль работаетъ все въ одномъ направленіи: чего бы поѣсть и чѣмъ бы покормить

---

*) Тутъ рѣзко бросается въ глаза разница положеній этой свободной женщины, законной жены, и ея сосѣдки каторжной, сожителиницы, получающей отъ казны ежедневно по три фунта хлѣба. Во Владиміровкѣ одна женщина свободнаго состоянія подозрѣвается въ убійствѣ мужа; если ее осудятъ въ каторжныя работы, то она начнетъ получать наекъ,—значить, попадетъ въ лучшее положеніе, чѣмъ была до суда.

дѣтей. Отъ постоянной проголоди, отъ взаимныхъ попретковъ кускомъ хлѣба и отъ увѣренности, что лучше не будетъ, съ теченіемъ времени душа черствѣетъ, женщина рѣшается, что на Сахалинѣ деликатными чувствами сытъ не будешь, и идетъ добывать пятаки и гривенники, какъ выразилась одна, «своимъ тѣломъ». Мужъ тоже очерствѣлъ, ему не до чистоты, и все это кажется неважнымъ. Едва дочерямъ минуло 14—15 лѣтъ, какъ и ихъ тоже пускаютъ въ оборотъ; матери торгуютъ ими дома, или же отдаютъ ихъ въ сожигельницы къ богатымъ поселенцамъ и надзирателямъ. И все это совершается съ тѣмъ большею легкостью, что свободная женщина проводитъ здѣсь время въ полнѣйшей праздности. Въ постахъ дѣлать совсѣмъ нечего, а въ селеніяхъ, особенно въ сѣверныхъ округахъ, хозяйства, въ самомъ дѣлѣ, ничтожны.

Кромѣ нужды и праздности, у свободной женщины есть еще третій источникъ всякихъ бѣдъ — это мужъ. Онъ можетъ пропить или проиграть въ карты свой пай, жену и даже дѣтское платье. Онъ можетъ впасть въ новое преступленіе или удариться въ бѣга. Поселенецъ Тимовскаго округа Бышевецъ при мнѣ содержался въ карцерѣ въ Дуэ,— его обвиняли въ покушеніи на убійство; жена его и дѣти жили поблизости въ казармахъ для семейныхъ, а домъ и хозяйство были брошены. Въ Мало-Тимовѣ бѣжалъ поселенецъ Кучеренко, оставивъ жену и дѣтей. Если мужъ не изъ такихъ, которые убиваютъ или бѣгаютъ, то все-таки каждый день жень приходится бояться, какъ бы его не наказали, не взвели бы на него напраслины, какъ бы онъ не надорвался, не заболѣлъ, не умеръ.

Годы уходятъ, близится старость; мужъ отбылъ уже каторгу и поселенческій срокъ и хлопочетъ о крестьянскихъ правахъ. Прошлое предается забвенію, прощается, и съ отъѣздомъ на материкъ мерещится вдали новая, разумная, счастливая жизнь. Бываетъ и иначе. Жена умираетъ отъ чахотки, а мужъ уѣзжаетъ на материкъ, старый и одинокій; или же она остается вдовой и не знаетъ, что ей дѣлать, куда ѣхать. Въ Дербинскомъ жена свободного состоянія Александра Тимоеева ушла отъ своего мужа молокана къ пастуху Акиму, живетъ въ тѣсной, грязной лачужкѣ и уже родила пастуху дочь, а мужъ взялъ къ себѣ другую женщину, сожигельницу. Женщины свободного состоянія

Шуликина и Ѳедина въ Александровскѣ тоже ушли отъ мужей въ сожителицы. Ненила Карпенко овдовѣла и живетъ теперь съ поселенцемъ. Каторжный Алтуховъ ушелъ бродяжить, а его жена Екатерина, свободная, состоитъ въ незаконномъ бракѣ *).

XVII.

Составъ населенія по возрастамъ.—Семейное положеніе ссыльных.— Браки.—Рождаемость.—Сахалинскіи дѣти.

Цифры, относящіяся къ возрастному составу ссыльнаго населенія, если бы даже онѣ отличались идеальной точностью и несравненно большею полнотой, чѣмъ собранныя мною, то все-таки давали бы почти ничего. Во-первыхъ,

*) *Уставъ о ссыльныхъ* отводитъ у себя мѣсто также и женщинамъ свободного состоянія. По ст. 85, «женщины, идущія по собственной волѣ, во все время слѣдованія не должны быть отдѣляемы отъ мужей и не подлежатъ строгости надзора». Въ Европейской Россіи пли на пароходѣ Добровольнаго флота онѣ свободны отъ надзора, въ Сибири же, когда партія идетъ пѣшкомъ и на подводахъ, конвойнымъ не время разбирать въ толпѣ, гдѣ тутъ ссыльные и свободныя. Въ Забайкальи мнѣ случилось видѣть, какъ въ рѣкѣ купались вмѣстѣ мужчины, женщины и дѣти; конвойные, ставши вонѣ полукругомъ, не позволяли выходить за границы этого полукруга никому, даже ребятамъ. По ст. 173 и 253, женщины, добровольно слѣдующія за мужьями, «получаютъ одежду, обувь и кормовыя деньги во все продолженіе пути до мѣста назначенія» въ размѣрѣ арестантскаго пайка. Но въ *Уставѣ* не говорится, какъ должны женщины свободного состоянія слѣдовать черезъ Сибирь — пѣшкомъ или на подводахъ. По ст. 406, имъ, съ согласія мужей, дозволяются временныя отлучки съ мѣста ссылки во внутреннія губерніи имперіи. Если мужъ умретъ въ ссылкѣ или если бракъ будетъ расторгнутъ вслѣдствіе новаго преступленія, то жена, по ст. 408, можетъ возвратиться на родину на казенный счетъ.

Описывая положеніе женъ ссыльно-каторжныхъ и ихъ дѣтей, повинныхъ только въ томъ, что судьба поставила ихъ въ родство съ преступниками, Власовъ говоритъ въ своемъ отчетѣ, что это «едва ли не самая мрачная сторона всей нашей депортаціонной системы». О томъ, какъ неравномерно женщины свободного состоянія распределяются по округамъ и поселеніямъ, и какъ мало дорожатъ ими мѣстная администрація, я говорилъ уже. Пусть читатель вспомнитъ про дуйскія казармы для семейныхъ. То, что свободныя женщины и ихъ дѣти содержатся въ общихъ камерахъ, какъ въ тюрьмѣ, при отвратительной обетановкѣ, вмѣстѣ съ тюремными картежниками, съ ихъ любовницами и съ ихъ свиньями, содержатся въ Дузъ, то-есть въ самомъ жуткомъ и безнадежномъ мѣстѣ острова, достаточно рисуетъ колонизаціонную и сельско-хозяйственную политику здѣшнихъ властей.

онѣ случайны, такъ какъ обусловлены не естественными или экономическими условіями, а юридическими теоріями, существующимъ уложеніемъ о наказаніяхъ, волей лицъ, составляющихъ тюремное вѣдомство. Съ измѣненіемъ взгляда на ссылку вообще и на сахалинскую въ частности, измѣнится и возрастной составъ населенія; то же случится, когда стануть присылать въ колонію вдвое больше женщинъ или когда, съ проведеніемъ Сибирской желѣзной дороги, начнется свободная иммиграція. Во-вторыхъ, на ссыльномъ островѣ, при исключительномъ строгѣ жизни, эти цифры имѣютъ совсѣмъ не то значеніе, что при обыкновенныхъ условіяхъ въ Череповецкомъ или Московскомъ уѣздѣ. Напримѣръ, ничтожный процентъ стариковъ на Сахалинѣ означаетъ не какія-либо неблагополучныя условія, въ родѣ высокой смертности, а то лишь, что ссыльные въ большинствѣ успѣвають отбыть наказаніе и уѣхать на материкъ до наступленія старости.

Въ настоящее время въ колоніи занимаютъ первое мѣсто возрасты отъ 25 до 35 (24,3%) и отъ 35 до 45 (24,1%) *). Возрасты отъ 20 до 55 лѣтъ, которые д-ръ Грязновъ называетъ рабочими, даютъ въ колоніи 64,6%, т. е. почти въ полтора раза больше, чѣмъ въ Россіи вообще **). Увы, высокій процентъ и даже избытокъ рабочихъ или производительныхъ возрастовъ на Сахалинѣ совсѣмъ не служитъ показателемъ экономическаго благосостоянія; тутъ онъ указываетъ лишь на избытокъ рабочихъ рукъ, благодаря чему, несмотря даже на громадное число голодныхъ, праздныхъ и неспособныхъ, на Сахалинѣ строятся города и проводятся превосходныя дороги. Не дешево стоящія сооруженія и рядомъ съ этимъ необезпеченность и нищенство про-

*) Вотъ составленная мною табличка возрастовъ:

Отъ	До	М.	Ж.	Отъ	До	М.	Ж.
0	5 л.	493	473	35	45 л.	1,405	578
5	10 »	319	314	45	55 »	724	236
10	15 »	215	234	55	65 »	318	56
15	20 »	89	96	65	75 »	90	12
20	25 »	134	136	75	85 »	17	1
25	35 »	1,419	680	85	95 »	—	1

Неизвѣстенъ возрастъ м. 142, ж. 35.

**) Въ Череповецкомъ уѣздѣ рабочіе возрасты составляютъ 44,9%, въ Московскомъ 45,4%, въ Тамбовскомъ 42,7%. См. книгу В. И. Никольскаго: «Тамбовскій уѣздъ. Статистика населенія и бользненности», 1885 г.

изводительныхъ возрастовъ наводятъ на мысль о нѣкоторомъ сходствѣ настоящаго колоніи съ тѣми временами, когда также искусственно создавался излишекъ рабочихъ рукъ, возводились храмы и цирки, а производительные возрасты терпѣли крайнюю, изнурительную нужду.

Дѣти, т. е. возрасты отъ 0 до 15 лѣтъ, даютъ тоже высокую цифру—24,9⁰/. Сравнительно съ однородными русскими цифрами *) она мала, для ссыльной же колоніи, гдѣ семейная жизнь находится въ такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, она высока. Плодовитость сахалинскихъ женщинъ и невысокая дѣтская смертность, какъ увидитъ ниже читатель, скоро поднимутъ процентъ дѣтей еще выше, быть-можетъ, даже до русской нормы. Это хорошо, потому что, помимо всякихъ колонизаціонныхъ соображеній, близость дѣтей оказываетъ ссыльнымъ нравственную поддержку и живѣе, чѣмъ что-либо другое, напоминаетъ имъ родную русскую деревню; къ тому же, заботы о дѣтяхъ спасаютъ ссыльныхъ женщинъ отъ праздности; это и худо, потому что непроеводительные возрасты, требуя отъ населенія затратъ и сами не давая ничего, осложняютъ экономическія затрудненія; они усиливаютъ нужду, и въ этомъ отношеніи колонія поставлена даже въ болѣе неблагоприятныя условія, чѣмъ русская деревня: сахалинскія дѣти, ставши подростками или взрослыми, уѣзжаютъ на материкъ и, такимъ образомъ, затраты, понесенныя колоніей, не возвращаются.

Возрасты, составляющіе надежду и основу если не созрѣвшей уже, то созрѣвающей колоніи, на Сахалинѣ даютъ самый ничтожный процентъ. Лицъ отъ 15 до 20 лѣтъ во всей колоніи только 185: м. 89 и ж. 96, т. е. около 2⁰/. Изъ нихъ только 27 человекъ настоящія дѣти колоніи, такъ какъ родились на Сахалинѣ или на пути слѣдованія въ ссылку, остальные же всѣ—пришлый элементъ. Но и эти родившіеся на Сахалинѣ ждутъ только отъѣзда родителей или мужей на материкъ, чтобы уѣхать вмѣстѣ съ ними. Почти всѣ 27—это дѣти зажиточныхъ крестьянъ, уже отбывшихъ наказаніе и остающихся пока на островѣ ради округленія капиталовъ. Таковы, напримѣръ, Рачковы въ селеніи Александровскомъ. Даже Марія Барановская,

---

*) Въ Череповецкомъ уѣздѣ 37,3, въ Тамбовскомъ около 39⁰/.

дочь вольнаго поселенца, родившаяся въ Чибисани. — ей теперь 18 лѣтъ, — не останется на Сахалинѣ и уѣдетъ на материкъ съ мужемъ. Изъ тѣхъ, которые родились на Сахалинѣ 20 лѣтъ назадъ и которымъ пошелъ уже 21 годъ, не осталось на островѣ уже ни одного. Всѣхъ вообще въ колоніи двадцатилѣтковъ 27: изъ нихъ 13 присланы сюда на каторгу, 7 прибыли добровольно за мужьями и 7 — сыновья ссыльныхъ, молодые люди, уже знающіе дорогу во Владивостокъ и на Амуръ *).

На Сахалинѣ 860 законныхъ семей и 782 свободныхъ, и эти цифры достаточно опредѣляютъ семейное положеніе ссыльныхъ, живущихъ въ колоніи. Вообще говоря, благами семейной жизни пользуется почти половина всего взрослого населенія. Женщины въ колоніи всѣ заняты, слѣдовательно, другую половину, то-есть около трехъ тысячъ душъ, живущихъ одиноко, составляютъ одни мужчины. Впрочемъ, это отношеніе, какъ случайное, подвержено постояннымъ колебаніямъ. Такъ, когда вслѣдствіе Высочайшаго манифеста, изъ тюрьмы выпускается на участки сразу около тысячи новыхъ поселенцевъ, то процентъ безсемейныхъ въ колоніи повышается; когда же, какъ это случилось вскорѣ послѣ моего отъѣзда, сахалинскимъ поселенцамъ разрѣшено было работать на Уссурийскомъ участкѣ Сибирской желѣзной дороги, то процентъ этотъ понизился. Какъ бы то ни было, развитіе семейнаго начала среди ссыльныхъ считается чрезвычайно слабымъ, и какъ на главную причину, почему колонія до сихъ поръ не удалась, указываютъ именно на большое число безсемейныхъ **). Теперь на очереди вопросъ, почему въ колоніи получили такое широкое раз-

*) Изъ таблицы видно, что въ дѣтскихъ возрастахъ полы распределены почти равномерно, а въ возрастахъ отъ 15 до 20 и отъ 20 до 25 наблюдается даже нѣкоторый избытокъ женщинъ; но затѣмъ, въ возрастъ отъ 25 — 35 мужчины перевѣшиваютъ больше, чѣмъ вдвое, а въ пожиломъ и преклонномъ возрастахъ этотъ перевѣсъ можно назвать подавляющимъ. Малое число стариковъ и почти отсутствіе старухъ указываютъ на недостатокъ въ сахалинскихъ семьяхъ элемента опытности, традицій. Кстати сказать, всякій разъ при посѣщеніи тюремъ мнѣ казалось, что въ нихъ стариковъ относительно больше, чѣмъ въ колоніи.

**) Хотя ни откуда не видно, чтобы упроченіе колоніи въ первое время зависѣло, главнымъ образомъ, отъ развитія въ ней семейнаго начала; мы знаемъ, что благосостояніе Виргиніи было упрочено раньше, чѣмъ туда стали привозить женщинъ.

вите незаконныя или свободныя сожителства и почему при взглядѣ на цифры, относящіяся къ семейному положенію ссыльныхъ, получается такое впечатлѣніе, какъ будто ссыльные упорно уклоняются отъ законнаго брака? Вѣдь если бы не жены свободного состоянія, добровольно пришедшія за мужьями, то свободныхъ семей въ колоніи было бы въ 4 раза больше, чѣмъ законныхъ *). Такое положеніе дѣла генераль-губернаторъ, диктуя мнѣ въ тетрадку, называлъ «вопіющимъ» и обвинялъ при этомъ, конечно, не ссыльныхъ. Какъ люди въ большинствѣ патриархальные и религіозные, ссыльные предпочитаютъ законный бракъ. Незаконные супруги часто просятъ у начальства дозволенія перевѣнчаться, но по большинству этихъ прошеній приходится отказывать по причинамъ, не зависящимъ ни отъ мѣстной администраціи, ни отъ самихъ ссыльныхъ. Дѣло въ томъ, что, хотя съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія поражаются супружескія права осужденнаго и онъ уже не существуетъ для семьи, какъ бы умеръ, но, тѣмъ не менѣе, все-таки его брачныя права въ ссылкѣ опредѣляются не обстоятельствами, вытекающими изъ его дальнѣйшей жизни, а волею супруга неосужденнаго, оставшагося на родинѣ. Необходимо, чтобы этотъ супругъ согласился на расторженіе брака и далъ разводъ, и тогда только осужденный можетъ вступить въ новый бракъ. Оставшіеся же супруги обыкновенно не даютъ этого согласія: одни изъ религіознаго убѣжденія, что разводъ есть грѣхъ, другіе—потому, что считаютъ расторженіе браковъ ненужнымъ, празднымъ дѣломъ, прихотью, особенно когда обоимъ супругамъ уже близко къ сорока. «Въ его ли годы жениться,—разсуждаетъ жена, получивъ отъ мужа письмо насчетъ раз-

---

*) Если судить по однимъ голымъ цифрамъ, то можно вывести заключеніе, что церковная форма брака для русскихъ ссыльныхъ самая неподходящая. Изъ казенныхъ вѣдомостей, напримѣръ, за 1887 г., видно, что въ Александровскомъ округѣ было каторжныхъ женщинъ 211. Изъ нихъ только 34 состояли въ законѣ, а 136 сожительствовали съ каторжными и поселенцами. Въ Тымовскомъ округѣ въ томъ же году изъ 194 каторжныхъ женщинъ 11 жили съ законными мужьями, а 161 состояли въ сожительствѣ. Изъ 198 поселковъ 33 были замужемъ, а 118 сожительствовали. Въ Корсаковскомъ округѣ ни одна изъ каторжныхъ женщинъ не жила съ мужемъ; 115 состояли въ незаконномъ бракѣ; изъ 21 поселковъ только четыре были замужемъ.

вода.—О душѣ бы, старый песь, подумаль». Третьи отказывают потому, что боятся начинать такое въ высшей степени сложное, хлопотливое и не дешевое дѣло, какъ разводъ, или просто потому, что не знаютъ, куда обратиться съ прошеніемъ и съ чего начать. Въ томъ, что ссыльные не вступаютъ въ законный бракъ, часто бываютъ виноваты также несовершенства статейныхъ списковъ, создающія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ цѣлый рядъ всякихъ формальностей, томительныхъ во вкусѣ старинной волокиты, ведущихъ къ тому лишь, что ссыльный, истратившись на писарей, гербовыя марки и телеграммы, въ концѣ-концовъ, безнадежно машетъ рукой и рѣшаетъ, что законной семьи у него не быть. У многихъ ссыльныхъ совсѣмъ нѣтъ статейныхъ списковъ; попадаются такіе списки, въ которыхъ совсѣмъ не показано семейное положеніе ссыльнаго, или же показано неясно или невѣрно; между тѣмъ, кромѣ статейнаго списка, у ссыльнаго нѣтъ никакихъ другихъ документовъ, на которые онъ могъ бы сослаться въ случаѣ надобности *).

Свѣдѣнія о числѣ браковъ, совершаемыхъ въ колоніи, можно добыть изъ метрическихъ книгъ; но такъ какъ законный бракъ здѣсь составляетъ роскошь, доступную не для всякаго, то эти свѣдѣнія далеко не опредѣляютъ истинной потребности населенія въ брачной жизни; здѣсь

---

*) Кн. Шаховской въ своемъ *Длѣтъ объ устройствѣ о. Сахалина* писалъ, между прочимъ: «Немалыми затрудненіями къ безпрятственному заключенію браковъ представляютъ семейные списки, въ которыхъ часто не проставляется вѣроисповѣданіе и семейное положеніе, а, главное, неизвестно, произошелъ ли разводъ съ оставшимся въ Россіи супругомъ; узнать объ этомъ, а тѣмъ болѣе исхочатайствовать разводъ черезъ консисторію съ о. Сахалина дѣло почти невозможное».

Вотъ для образчика примѣры, какъ въ колоніи устранивается семья. Въ Маломъ Такоѣ каторжница Соловьева Прасковья сожительствуетъ съ поселенцемъ Кудринимъ, который не можетъ жениться на ней, потому что на родинѣ у него осталась жена; дочь этой Прасковьи, Наталья, 17 лѣтъ, свободнаго состоянія, сожительствуетъ съ поселенцемъ Городинскимъ, который не женится на ней по той же причинѣ. Поселенецъ Игнатьевъ въ Ново-Михайловкѣ жаловался мнѣ, что его не выкаютъ съ сожительницей потому, что за *давно-стью лѣтъ* не могутъ опредѣлить его семейнаго положенія; сожительница его умоляла меня похлопотать и при этомъ говорила: «Грѣхъ такъ жить, мы уже не молодые». Подобныхъ примѣровъ можно привести нѣсколько сотъ.

вѣнчаются не когда нужно, а когда можно. Средній возрастъ брачующихся здѣсь совершенно праздная цифра: заключать по ней о преобладаніи позднихъ или раннихъ браковъ и дѣлать отсюда какіе-либо выводы невозможно, такъ какъ семейная жизнь у большинства ссыльныхъ начинается задолго до совершенія церковнаго обряда, и вѣнчаются обыкновенно пары, уже имѣющія дѣтей. Изъ метрическихъ книгъ пока видно лишь, что за послѣднія десять лѣтъ наибольшее число браковъ было совершено въ январѣ; на этотъ мѣсяць падаетъ почти треть всѣхъ браковъ. Осеннее повышеніе въ сравненіи съ январскимъ слишкомъ ничтожно, такъ что о сходствѣ съ нашими земледѣльческими уздами не можетъ быть и рѣчи. Браки, совершавшіеся при нормальныхъ условіяхъ, когда женились дѣти ссыльныхъ, свободные, всѣ до одного были ранніе; женихи были въ возрастѣ отъ 18 до 20, а невѣсты отъ 15 до 19 лѣтъ. Но въ возрастѣ отъ 15 до 20 лѣтъ дѣвушекъ свободнаго состоянія больше, чѣмъ мужчинъ, которые обыкновенно оставляютъ островъ до наступленія брачнаго возраста; и, вѣроятно, за недостаткомъ молодыхъ жениховъ и отчасти изъ экономическихъ соображеній было совершено много неравныхъ браковъ; молодыя свободныя дѣвушки, почти дѣвочки, были выдаваемы родителями за пожилыхъ поселенцевъ и крестьянъ. Унтеръ-офицеры, ефрейторы, военные фельдшера, писаря и надзиратели женились часто, но осчастливливали только 15—16-тилѣтнихъ *).

---

*) Унтеры, особенно надзиратели, считаются на Сахалинѣ завидными женихами; въ этомъ отношеніи они хорошо знаютъ себѣ цѣну и держать себя съ невѣстами и съ ихъ родителями съ тою разнузданною надменностью, за которую П. С. Лѣсковъ такъ не любитъ «несытыхъ архіерейскихъ скотинъ». За 10 лѣтъ было совершено нѣсколько *mésalliance* овъ. Коллежскій регистраторъ женился на дочерп каторжнаго, надворный совѣтникъ—на дочери поселенца, капитанъ—на дочери поселенца, купецъ—на крестьянкѣ изъ ссыльныхъ, дворянка вышла за поселенца. Эти рѣдкіе примѣры, когда интеллигентные люди женятся на дочеряхъ ссыльныхъ, чрезвычайно симпатичны и, вѣроятно, не остаются безъ хорошаго вліянія на колонию. Въ январѣ 1880 г. въ Дуэской церкви былъ повѣнчанъ каторжный на гилячкѣ. Въ Рыковскомъ я записалъ Григорія Сивокобылку, 11 лѣтъ, у котораго мать была гилячка. Вообще, браки между русскими и инородцами бываютъ очень рѣдко. Разказывали мнѣ про одного надзирателя, живущаго съ гилячкой, которая родила сына и

Свадьбы играютя скромно и скучно: въ Тымовскомъ округѣ, говорятъ, бывають иногда веселыя свадьбы, шумныя, и особенно шумять хохлы. Въ Александровскѣ, гдѣ есть типографія, въ обычаѣ у ссыльныхъ разсылать передъ свадьбой печатные пригласительные билеты. Наборщики каторжныя соскучились надъ приказами и бывають рады щегольнуть своимъ искусствомъ, и ихъ билеты по внѣшности и тексту мало отличаются отъ московскихъ. На каждую свадьбу изъ казны отпускается бутылка спирту.

Рождаемость въ колоніи сами ссыльные считаютъ чрезвычайно высокою, и это даетъ поводъ къ постояннымъ насмѣшкамъ надъ женщинами и къ разнымъ глубокомысленнымъ замѣчаніямъ. Говорятъ, что на Сахалинѣ самый климатъ располагаетъ женщинъ къ беременности; рожаютъ

хочеть креститься, чтобы затѣмъ обвѣнчаться. О. Праклій зналъ ссыльнаго якута, который былъ женатъ на грузинкѣ; оба плохо понимали по-русски. Что касается магометанъ, то они и въ ссылкѣ не отказываются отъ многоженства и нѣкоторые изъ нихъ имѣють по двѣ жены; такъ, у Джаксанбетова въ Александровскѣ двѣ жены—Батыма и Сасена, у Абубакирова въ Корсаковскомъ тоже двѣ—Гано ста и Верхониса. Въ Андрее-Ивановскомъ я видѣлъ чрезвычайно красивую татарку 15 лѣтъ, которую мужъ купилъ у ея отца за 100 рублей; когда мужа нѣтъ дома, она сидитъ на кровати, а въ дверь изъ сѣней смотрять на нее поселенцы и любятъся.

Уставъ о ссыльныхъ разрѣшаетъ ссыльно-каторжнымъ обоюго пола браки только черезъ 1—3 года по поступленіи въ разрядъ исправляющихся; очевидно, женщина, поступившая въ колонию, но находящаяся еще въ разрядѣ испытуемыхъ, можетъ быть только сожительницей, а не женой. Ссыльнымъ мужчинамъ разрѣшается жениться на преступницахъ, лица же женскаго пола, лишеныя всѣхъ правъ состоянія, до перечисленія въ крестьянское сословіе, могутъ выходить только за ссыльныхъ. Женщинъ свободнаго состоянія, которая выйдетъ за ссыльнаго, вступающаго въ Сибирь въ первый бракъ, выдается изъ казны 50 руб.; поселенцу, вступившему въ Сибирь въ первый бракъ со ссыльною, выдается 15 рублей безвозвратно и столько же заимообразно.

Въ *Уставѣ* ничего не говорится о бракахъ бродягъ. По какимъ документамъ опредѣляется семейное положеніе и возрастъ ихъ при вступленіи въ бракъ, я не знаю. Что ихъ вѣнчаютъ на Сахалинѣ, я узналъ впервые изъ слѣдующей бумаги, написанной по формѣ прошенія: «Его высокопревосходительству господину начальнику острова Сахалина. Удостовереніе поселенца Тымовскаго округа, селенія Рыковского, не помнящаго родства Ивана, 35 лѣтъ. Что я, Непомнящій, принявъ законное бракосочетаніе на поселкѣ Березниковой Маріи въ прошломъ 1888 году 12 ноября». За неграмотностью расписались два поселенца.

старухи и даже такія, которыя въ Россіи были безплодны и не надѣялись уже имѣть когда-либо дѣтей. Женщины точно торопятся населить Сахалинъ и часто рожаютъ двойней. Одна роженица во Владиміровкѣ, пожилая женщина, имѣющая уже взрослую дочь, наслышавшись разговоры о двойняхъ, ожидала, что у нея тоже родятся двое, и была огорчена, когда родился только одинъ. «Поищите еще»,— попросила она акушерку. Но роды двойнями случаются здѣсь не чаще, чѣмъ въ русскихъ уѣздахъ. За десятилѣтній періодъ до 1 января 1890 г. въ колоніи родилось 2.275 дѣтей обоого пола, а такъ-называемыхъ плодущихъ родовъ было только 26 *). Всѣ эти нѣсколько преувеличенные толки о чрезмѣрной плодовитости женщинъ, о двойняхъ и т. п. указываютъ на то, съ какимъ интересомъ ссыльное населеніе относится къ рождаемости и какое она имѣетъ здѣсь важное значеніе.

Оттого, что численный составъ населенія подверженъ колебаніямъ вслѣдствіе постоянныхъ приливовъ и отливовъ, притомъ случайныхъ, какъ на рынкѣ, опредѣленіе коэффициента общей рождаемости въ колоніи за нѣсколько лѣтъ можно считать недосыгаемою роскошью; онъ уловимъ тѣмъ труднѣе, что цифровой матеріалъ, собранный мною и другими, имѣетъ очень скромный объемъ; численный составъ населенія за прошлые годы неизвѣстенъ и приведеніе его въ извѣстность, когда я знакомился съ канцелярскимъ матеріаломъ, представлялось мнѣ египетскою работою, обѣщавшею, притомъ, самые сомнительные результаты. Можно опредѣлить коэффициентъ лишь приблизительно и только для настоящаго времени. Въ 1889 г. во всѣхъ четырехъ приходахъ родилось 352 дѣтей обоого пола; при обыкновенныхъ условіяхъ въ Россіи такое количество дѣтей рождается ежегодно въ мѣстахъ съ населеніемъ въ семь тысячъ душъ **); именно семь тысячъ съ прибавкою нѣсколькихъ сотенъ жило въ колоніи въ 1889 г. Здѣшній коэффициентъ рождаемости, очевидно, лишь немного выше, чѣмъ вообще въ Россіи (49,8) и въ русскихъ уѣздахъ, напри- мѣръ, Череповецкомъ (45,4). Можно признать, что рождаемость на Сахалинѣ въ 1889 г. была относительно такъ же

*) Эти цифровыя свѣдѣнія, взятыя мною изъ приходскихъ метрическихъ книгъ, касаются одного только православнаго населенія.

***) Считаю, по Янсону, 49,8 или почти 50 рожденій на 1.000.

велика, какъ вообще въ Россіи, и если была разница въ коэффициентахъ, то небольшая, не имѣющая, вѣроятно, особеннаго значенія. А такъ какъ изъ двухъ мѣстностей съ одинаковыми коэффициентами общей рождаемости плодовитость женщинъ въ той выше, въ которой ихъ относительно меньше, то, очевидно, можно признать также еще, что плодовитость женщинъ на Сахалинѣ значительно выше, чѣмъ въ Россіи вообще.

Голодь, тоска по родинѣ, порочныя наклонности, неволя—вся сумма неблагоприятныхъ условій ссылки не исключаетъ у ссыльныхъ производительной способности; стало быть, наличность ея не означаетъ благополучія. Причиной повышенной плодовитости женщинъ и такой же рождаемости служить, во-первыхъ, праздность ссыльныхъ, живущихъ въ колоніи, вынужденное домосѣдство мужей и сожителей, вслѣдствіе отсутствія у нихъ отхожихъ промысловъ и заработковъ, и монотонность жизни, при которой удовлетвореніе половыхъ инстинктовъ является часто единственнымъ возможнымъ развлеченіемъ, и, во-вторыхъ, то обстоятельство, что большинство женщинъ принадлежитъ здѣсь къ производительнымъ возрастамъ. Кромѣ этихъ ближайшихъ причинъ, существуютъ, вѣроятно, еще отдаленныя, пока недоступныя непосредственному наблюденію. Быть-можетъ, на сильную рождаемость слѣдуетъ смотрѣть, какъ на средство, какое природа даетъ населенію для борьбы съ вредными, разрушительными вліяніями и, прежде всего, съ такими врагами естественнаго порядка, какъ малочисленность населенія и недостатокъ женщинъ. Чѣмъ бѣлая опасность угрожаетъ населенію, тѣмъ больше рождается, и въ этомъ смыслѣ неблагоприятныя условія могутъ быть названы причиною высокой рождаемости*).

Изъ 2.275 рожденій за десятилѣтній періодъ maximum приходится на осеніе мѣсяцы (29,2⁰/₀), minimum на весеніе (20,8⁰/₀), и зимою (26,2⁰/₀) рождалось больше, чѣмъ лѣтомъ (23,6⁰/₀). Наибольшее число зачатій и рожденій

---

*) Острыя, скоро проходящія катастрофы, какъ неурожай, война и т. п., понижаютъ рождаемость, хроническія же бѣдствія, какъ высокая дѣтская смертность и, быть-можетъ, также плѣнь, крѣпостное состояніе, ссылка и т. п., усиливаютъ ее. Въ нѣкоторыхъ семьяхъ вмѣстѣ съ психическимъ вырожденіемъ наблюдается также усиленная рождаемость.

происходило до сихъ поръ въ полугодіе съ августа до февраля, и въ этомъ отношеніи время съ короткими днями и длинными ночами было наиболѣе благопріятнымъ, чѣмъ пасмурная и дождливая весна и такое же лѣто.

Въ настоящее время на Сахалинѣ всего дѣтей 2.122, включая сюда и тѣхъ подростковъ, которымъ въ 1890 г. исполнилось 15 лѣтъ. Изъ нихъ прибыло изъ Россіи съ родителями 644, родилось на Сахалинѣ и по пути слѣдованія въ ссылку 1.473; дѣтей, мѣсторожденіе которыхъ мнѣ неизвѣстно, 5. Первыхъ меньше почти въ три раза; въ большинствѣ, они прибыли на островъ уже въ тѣхъ возрастахъ, когда дѣти сознаютъ: они помнятъ и любятъ родину; вторые же, сахалинскіе уроженцы, никогда не видѣли ничего лучше Сахалина и должны тяготѣть къ нему, какъ къ своей настоящей родинѣ. Вообще, обѣ группы значительно разнятся одна отъ другой. Такъ, въ первой группѣ незаконнорожденныхъ только 1,7%, во второй же 37,2 *). Представители первой группы называютъ себя свободными; въ громадномъ большинствѣ, они были рождены или зачаты до суда и сохраняютъ поэтому всѣ права своего состоянія. Дѣти же, рожденные въ ссылкѣ, не называютъ себя никакъ; со временемъ они приишутся къ податнымъ сословіямъ и будутъ называться крестьянами или мѣщанами, теперь же ихъ социальное положеніе опредѣляется такъ: незаконный сынъ ссыльно-каторжной, дочь поселенца, незаконная дочь поселки и т. д. Когда одна дворянка, жена ссыльнаго, узнала, что ея ребенка записали въ метрическую книгу сыномъ поселенца, то, говорятъ, горько заплакала.

Дѣтей грудныхъ и моложе 4-хъ лѣтъ почти нѣтъ совсѣмъ въ первой группѣ: здѣсь перевѣсъ на сторонѣ такъ-называемыхъ школьныхъ возрастовъ. Во второй же группѣ, у сахалинскихъ уроженцевъ, наоборотъ, преобладаютъ самыя ранніе возрасты, и, притомъ, чѣмъ старше дѣти, тѣмъ меньше сверстниковъ, и если бы мы изобразили дѣтскіе возрасты этой группы графически, то получили бы рѣзкое кругое паденіе кривой. Въ этой группѣ дѣтей моложе одного года 203,

*) Незаконнорожденные первой группы—это дѣти каторжныхъ женщинъ, рожденныхъ большею частью послѣ суда въ тюрьмахъ; въ семьяхъ же, добровольно пришедшихъ за супругами и родителями, незаконнорожденныхъ нѣтъ вовсе.

отъ 9 до 10 лѣтъ—45, отъ 15 до 16—только 11. Изъ двадцатилѣтковъ, родившихся на Сахалинѣ, какъ я говорилъ уже, не осталось ни одного. Такимъ образомъ, недостатокъ подростковъ и юношей пополняется пришлыми, которые пока одни только даютъ изъ своей среды молодыхъ жениховъ и невѣстъ. Невысокій процентъ дѣтей старшихъ возрастовъ среди сахалинскихъ уроженцевъ объясняется и дѣтскою смертною, и тѣмъ, что въ прошлые годы было на островѣ меньше женщинъ и потому меньше рождалось дѣтей, но больше всего виновата тутъ эмиграція. Взрослые, уѣзжая на материкъ, не оставляютъ дѣтей, а увозятъ ихъ съ собою. Родители сахалинскаго уроженца обыкновенно начинаютъ отбывать наказаніе еще задолго до появленія его на свѣтъ, и пока онъ родится, растетъ и достигаетъ 10-ти-лѣтняго возраста, они, въ большинствѣ, уже успѣваютъ получить крестьянскія права и уѣхать на материкъ. Положеніе же пришлаго совсѣмъ иное. Когда его родителей присылаютъ на Сахалинъ, то ему бываетъ уже 5—8—10 лѣтъ; пока они отбываютъ каторгу и поселеніе, онъ выходитъ изъ дѣтскаго возраста, и пока потомъ родители хлопочуть о крестьянскихъ правахъ, становится уже работникомъ и, прежде чѣмъ совсѣмъ уѣхать на материкъ, успѣваетъ нѣсколько разъ побывать на заработкахъ во Владивостокѣ и въ Николаевскѣ. Во всякомъ случаѣ, въ колоніи не остаются ни пришлые, ни мѣстные уроженцы, и поэтому всѣ сахалинскіе посты и селенія до настоящаго времени вѣрнѣе было бы называть не колоніей, а мѣстами временнаго водворенія.

Рожденіе каждаго новаго человѣка въ семьѣ встрѣчается непривѣтливо; надъ колыбелью ребенка не поютъ пѣсенъ и слышатся одни только зловѣщія причитыванія. Отцы и матери говорятъ, что дѣтей нечѣмъ кормить, что они на Сахалинѣ ничему хорошему не научатся, и «самое лучшее, если бы Господь милосердный прибралъ ихъ поскорѣе». Если ребенокъ плачетъ или шалитъ, то ему кричатъ со злобой: «Замолчи, чтобъ ты издохъ!» Но все-таки, что бы ни говорили и какъ бы ни причитывали, самые полезные, самые нужные и самые пріятные люди на Сахалинѣ—это дѣти, и сами ссыльные хорошо понимаютъ это и дорого цѣнятъ ихъ. Въ огрубѣвшую, нравственно истасканную сахалинскую семью они вносятъ элементъ нѣжности, чистоты,

кротости, радости. Несмотря на свою непорочность, они больше всего на свѣтѣ любятъ порочную мать и разбойника отца, и если ссыльнаго, отвыкшаго въ тюрьмѣ отъ ласки, трогаетъ ласковость собаки, то какую цѣну должна имѣть для него любовь ребенка! Я уже говорилъ, что присутствіе дѣтей оказываетъ ссыльнымъ нравственную поддержку, теперь же еще прибавлю, что дѣти часто составляютъ то единственное, что привязываетъ еще ссыльныхъ мужчинъ и женщинъ къ жизни, спасаетъ отъ отчаянія, отъ окончательнаго паденія. Мнѣ однажды пришлось записывать двухъ женщинъ свободнаго состоянія, прибывшихъ добровольно за мужьями и жившихъ на одной квартирѣ; одна изъ нихъ, бездѣтная, пока я былъ въ избѣ, все время роптала на судьбу, смѣялась надъ собой, обзывала себя дурой и окаянной за то, что пошла на Сахалинъ, судорожно сжимала кулаки, и все это въ присутствіи мужа, который находился тутъ же и виновато смотрѣлъ на меня, а другая, какъ здѣсь часто говорятъ, дѣтная, имѣющая нѣсколько душъ дѣтей, молчала, и я подумалъ, что положеніе первой, бездѣтной, должно быть ужасно. Помнится, записывая въ одной избѣ татарскаго мальчика трехъ лѣтъ, въ ермолкѣ, съ широкимъ разстояніемъ между глазами, я сказалъ ему нѣсколько ласковыхъ словъ, и вдругъ равнодушное лицо его отца, казанскаго татарина, прояснилось и онъ весело закивалъ головой, какъ бы соглашаясь со мной, что его сынъ очень хорошій мальчикъ, и мнѣ показалось, что этотъ татаринъ счастливъ.

Подъ какими вліяніями воспитываются сахалинскія дѣти и какія впечатлѣнія опредѣляютъ ихъ душевную дѣятельность, читателю понятно изъ всего вышеписаннаго. Что въ Россіи, въ городахъ и деревняхъ страшно, то здѣсь обыкновенно. Дѣти провожаютъ равнодушными глазами партію арестантовъ, закованныхъ въ кандалы; когда кандалные везутъ тачку съ пескомъ, то дѣти цѣпляются сзади и хочутъ. Играютъ они въ солдаты и въ арестанты. Мальчикъ, выйдя на улицу, кричитъ своимъ товарищамъ: «равняйся!» «отставить!» Или же онъ кладетъ въ мѣшокъ свои игрушки и кусокъ хлѣба и говоритъ матери: «Я иду бродяжить». — «Глядикось, часомъ солдатъ подстрѣлить», — шутитъ мать; онъ идетъ на улицу и бродяжитъ тамъ, а товарищи, изображающіе солдатъ, ловятъ его. Сахалинскія дѣти

говорять о бродягахъ, розгахъ, плетяхъ, знаютъ, что такое палачъ, кандалные, сожитель. Обходя избы въ Верхнемъ Армуданѣ, я въ одной не засталъ старшихъ; дома былъ только мальчикъ лѣтъ 10, бѣловолосый, сутулый, босой; блѣдное лицо покрыто крупными веснушками и кажется мраморнымъ.

— Какъ по отчеству твоего отца?—спросилъ я.

— Не знаю,—отвѣтилъ онъ.

— Какъ же такъ? Живешь съ отцомъ и не знаешь, какъ его зовутъ? Стыдно.

— Онъ у меня не настоящій отецъ.

— Какъ такъ—не настоящій?

— Онъ у мамки сожитель.

— Твоя мать замужняя или вдова?

— Вдова. Она за мужа пришла.

— Что значить—за мужа пришла?

— Убила.

— Ты своего отца помнишь?

— Не помню. Я незаконный. Меня мамка на Карѣ родила.

Сахалинскія дѣти блѣдны, худы, вялы; они одѣты въ рубища и всегда хотятъ ѣсть. Какъ увидить ниже читатель, умираютъ они почти исключительно отъ болѣзней пищеварительнаго канала. Жизнь впроголодь, питаніе иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ одною только брюквой, а у достаточныхъ—одною соленою рыбой, низкая температура и сырость убиваютъ дѣтскій организмъ чаще всего медленно, изнуряющимъ образомъ, мало-по-малу перерождая всѣ его ткани; если бы не эмиграція, то черезъ два-три поколѣнія, вѣроятно, пришлось бы имѣть дѣло въ колоніи со всѣми видами болѣзней, зависящихъ отъ глубокаго разстройства питанія. Въ настоящее время дѣти бѣднѣйшихъ поселенцевъ и каторжныхъ получаютъ отъ казны такъ-называемыя «кормовыя»: дѣтямъ отъ одного года до 15 лѣтъ выдается по 1½, а круглымъ сиротамъ, калѣкамъ, уродамъ и близнецамъ по 3 рубля въ мѣсяць. Право ребенка на эту помощь опредѣляется личнымъ усмотрѣніемъ чиновниковъ, которые слово «бѣднѣйшій» понимаютъ каждый по-своему *);

*) Размѣръ выдачи зависитъ также отъ того, разумѣть ли чиновникъ подъ калѣками и уродами только хромыхъ, безрукихъ и горбатыхъ, или также еще бугорчатныхъ, слабоумныхъ, слѣпыхъ.

Какъ помочь сахалинскимъ дѣтямъ? Прежде всего, мнѣ кажется,

полученные 1½ или 3 рубля тратятся по усмотрѣнію отцовъ и матерей. Эту денежную помощь, зависящую отъ столькихъ усмотрѣній и, благодаря бѣдности и недобросовѣст-

право на помощь не слѣдуетъ обставлять требованіями такого цѣиза какъ «бѣднѣйшій», «калъка» и т. и. Надо помогать всѣмъ просящимъ безъ исключенія и при этомъ не бояться обмана: лучше быть обманутымъ, чѣмъ самому обмануться. Форма помощи опредѣляется мѣстными условіями. Если бы отъ меня зависѣло, то на тѣ деньги, которыя расходуются теперь на «кормовыя», я устроилъ бы въ постахъ и селеніяхъ чайныя для всѣхъ женщинъ и дѣтей, выдавалъ бы кормовое и одежное довольствіе всѣмъ безъ исключенія беременнымъ женщинамъ и кормящимъ грудью, а «кормовыя» 1½—3 руб. въ мѣсяцъ сохранилъ бы только для дѣвушекъ съ 13 лѣтъ до замужества и выдавалъ бы имъ эти деньги прямо на руки.

Ежегодно изъ Петербурга благотворители присылаютъ сюда для раздачи дѣтямъ полушубки, фартучки, валенки, чепчики, гармонки, душеспасительныя книжки, перья. Начальникъ острова, получивъ эти вещи, приглашаетъ мѣстныхъ дамъ заняться распредѣленіемъ и раздачей подарковъ. Говорятъ, что вещи эти пропиваются и проигрываются отцами, что лучше бы вмѣсто гармонки прислала хлѣба и т. д., но подобныя замѣчанія не должны смущать великодушныхъ людей. Дѣти обыкновенно бываютъ очень рады, а отцы и матери безконечно благодарны. Было бы вполнѣ уместно, если бы благотворители, интересующіеся судьбою дѣтей ссыльныхъ, получали ежегодно возможно подробныя свѣдѣнія о сахалинскихъ дѣтяхъ, о числѣ ихъ, о составѣ ихъ по поламъ и возрастамъ, о числѣ грамотныхъ, нехристіанъ и т. д. Если благотворителю извѣстно, напримѣръ, сколько среди дѣтей грамотныхъ, то ужъ онъ будетъ знать, сколько нужно послать книжекъ или карандашей, чтобы никого не обидѣть, а назначать игрушки и одежду удобнѣе всего, соображаясь съ поломъ, возрастомъ и національностью дѣтей. На самомъ же Сахалинѣ необходимо всѣ дѣла, имѣющія какое-либо отношеніе къ благотворительности, изъять изъ вѣдѣнія полицейскихъ управленій, которыя и безъ того завалены дѣлами, и организацію помощи предоставить мѣстной интеллигенціи; среди нея не мало людей, которые были бы рады взять на себя это живое дѣло. Въ Александровскѣ иногда по зимамъ даются любительскіе спектакли въ пользу дѣтей. Недавно въ Корсаковскомъ посту служащіе собрали по подпискѣ денегъ и закупили разныхъ матерій, а жены ихъ нашли платевъ и бѣлья и раздали дѣтямъ.

Дѣти составляютъ бремя въ экономическомъ отношеніи и наказаніе Божіе за грѣхи, но это не мѣшаетъ ссыльнымъ, если у нихъ нѣтъ своихъ дѣтей, принимать и усыновлять чужихъ. Дѣтныя выражаютъ желаніе, чтобъ ихъ дѣти умерли, а бездѣтныя берутъ чужихъ сиротъ себѣ въ дѣти. Бываетъ, что ссыльные усыновляютъ сиротъ и бѣдныхъ дѣтей въ расчетѣ на кормовыя и всякаго рода пособія и даже на то, что пріемышъ будетъ просить на улиѣ милостыню, но въ большинствѣ, вѣроятно, ссыльными руководятъ чистыя побужденія. Въ «дѣти» поступаютъ не одни только дѣти, но также взрослые и даже старики. Такъ, поселенецъ Иванъ Нови-

ности родителей, рѣдко достигающую своего назначенія, давно бы уже слѣдовало отмѣнить. Она не уменьшаетъ бѣдности, а только маскируетъ ее, заставляя людей непосвященныхъ думать, что на Сахалинѣ дѣти обезпечены.

XVIII.

Занятія ссыльныхъ. — Сельское хозяйство. — Охота. — Рыболовство. — Периодическая рыба: кѣта и сельдь. — Тюремныя ловли. — Мастерства.

Мысль о приуроченіи труда ссыльно-каторжныхъ и поселенцевъ къ сельскому хозяйству, какъ я уже говорилъ, возникла въ самомъ началѣ сахалинской ссылки. Эта мысль сама по себѣ очень заманчива: земледѣльческій трудъ, по видимому, содержитъ всѣ элементы, необходимые для того, чтобы занять ссыльнаго, приохотить его къ землѣ и даже исправить. Къ тому же, этотъ трудъ пригоденъ для громаднаго большинства ссыльныхъ, такъ какъ наша каторга — учрежденіе по преимуществу мужицкое, и изъ каторжныхъ и поселенцевъ только одна десятая часть не принадлежитъ къ земледѣльческому классу. И эта мысль имѣла успѣхъ; по крайней мѣрѣ, до послѣдняго времени главнымъ занятіемъ ссыльныхъ на Сахалинѣ считалось сельское хозяйство и колонія не переставала называться сельско-хозяйственной.

На Сахалинѣ за все время существованія колоніи ежегодно пахали и сѣяли; перерыва не было, и съ увеличеніемъ населенія ежегодно расширялась и площадь посѣвовъ. Трудъ здѣшняго землепашца былъ не только принудительнымъ, но и тяжкимъ, и если основными признаками каторжнаго труда считать принужденіе и напряженіе физи-

---

ковъ 1-й, 60 лѣтъ, считается приемнымъ сыномъ поселенца Евгенія Ефимова, 42 лѣтъ. Въ Рыковскомъ Елисей Маклаковъ, 70 лѣтъ, записался приемнымъ сыномъ Ильи Минаева.

По *Уставу о ссыльныхъ*, малолѣтнія дѣти, слѣдующія въ Сибирь при ссылаемыхъ или же переселяемыхъ туда родителяхъ, отправляются туда на подводахъ, причемъ одна подвода дается на пять душъ; какія дѣти въ этомъ случаѣ относятся къ малолѣтнимъ, въ *Уставѣ* не сказано. Дѣти, слѣдующія за родителями, получаютъ одежду, обувь и кормовыя деньги во все продолженіе пути. Когда за осужденнымъ по доброй волѣ слѣдуетъ въ ссылку его семья, то дѣти, достигшія 14-лѣтняго возраста, отправляются только по собственному желанію. Дѣти, достигшія 17-лѣтняго возраста, могутъ покидать мѣсто ссылки и возвращаться на родину безъ разрѣшенія родителей.

ческих силъ, опредѣляемое словомъ «тяжкій», то въ этомъ смыслѣ трудно было подыскать болѣе подходящее занятіе для преступниковъ, какъ земледѣліе на Сахалинѣ; до сихъ поръ оно удовлетворяло самымъ суровымъ карательнымъ цѣлямъ.

Но было ли оно производительно, удовлетворяло ли также колонизаціоннымъ цѣлямъ, объ этомъ съ самаго начала сахалинской ссылки до послѣдняго времени были выражаемы самыя разнообразныя и чаще всего крайнія мнѣнія. Одни находили Сахалинъ плодороднѣйшимъ островомъ и называли его такъ въ своихъ отчетахъ и корреспонденціяхъ и даже, какъ говорятъ, посылали восторженные телеграммы о томъ, что ссылные, наконецъ, въ состояніи сами прокормить себя и уже не нуждаются въ затратахъ со стороны государства, другіе же относились къ сахалинскому земледѣлію скептически и рѣшительно заявляли, что сельско-хозяйственная культура на островѣ немыслима. Такое разногласіе происходило отъ того, что о сахалинскомъ земледѣліи судили болѣею частью люди, которымъ истинное положеніе дѣла было незнакомо. Колонія была основана на островѣ еще не изслѣдованномъ; съ научной точки зрѣнія представлялъ онъ совершенную *terram incognitam*, и объ его естественныхъ условіяхъ и о возможности на немъ сельско-хозяйственной культуры судили только по такимъ признакамъ, какъ географическая широта, близкое сосѣдство Японіи, присутствіе на островѣ бамбука, пробкового дерева и т. п. Для случайныхъ корреспондентовъ, судившихъ чаще всего по первымъ впечатлѣніямъ, имѣли рѣшающее значеніе хорошая или дурная погода, хлѣбъ и масло, которыми ихъ угощали въ избахъ, и то, попадали ли они сначала въ такое мрачное мѣсто, какъ Дуэ, или въ такое на видъ жизнерадостное, какъ Сіяны. Чиновники, которымъ ввѣрена была сельско-хозяйственная колонія, въ громадномъ большинствѣ, до своего поступленія на службу не были ни помѣщиками, ни крестьянами и съ сельскимъ хозяйствомъ не были знакомы вовсе; для своихъ вѣдомостей они всякій разъ пользовались только тѣми свѣдѣніями, которыя собирали для нихъ надзиратели. Мѣстные же агрономы были малосвѣдущи въ своей спеціальности и ничего не дѣлали, или же отчеты ихъ отличались завѣдомою тенденціозностью, или же, попадая въ колонію прямо со школьной скамьи, они на первыхъ по-

рахъ ограничивались одною лишь теоретическою и формальною стороною дѣла и для своихъ отчетовъ пользовались все тѣми же свѣдѣніями, которыя собирали для канцелярій нижніе чины *). Казалось бы, самыя вѣрныя свѣдѣнія можно было получать отъ людей, которые сами пашутъ и сѣютъ,

*) Въ своей резолюціи на отчетъ инспектора сельскаго хозяйства за 1890 годъ начальникъ острова говорить: «Наконецъ, есть документъ, можетъ-быть, далеко еще не совершенный, но основанный, по крайней мѣрѣ, на данныхъ наблюденій, сгруппированныхъ спеціалистомъ и освѣщенныхъ безъ желанія кому-нибудь нравиться». Этотъ отчетъ онъ называетъ «первымъ шагомъ въ этомъ направленіи»; значить, всѣ отчеты до 1890 г. писались съ желаніемъ кому-нибудь понравиться. Далѣе въ своей резолюціи ген. Кононовичъ говорить, что единственнымъ источникомъ свѣдѣній о сельскомъ хозяйствѣ на Сахалинѣ служили до 1890 г. «праздныя измышленія».

Чиновникъ-агрономъ на Сахалинѣ называется инспекторомъ сельскаго хозяйства. Должность VI класса съ хорошимъ окладомъ. Послѣ двухлѣтняго пребыванія на островѣ теперешній инспекторъ представилъ отчетъ; это—небольшая кабинетная работа, въ которой личныя наблюденія автора отсутствуютъ и выводы его не отличаются опредѣленностью, но зато въ отчетѣ излагаются вкратцѣ свѣдѣнія по метеорологіи и флорѣ, дающія довольно ясное представленіе объ естественныхъ условіяхъ населенной части острова. Отчетъ этотъ напечатанъ и, вѣроятно, будетъ включенъ въ литературу, относящуюся къ Сахалину. Что же касается тѣхъ агрономовъ, которые служили раньше, то всѣмъ имъ страшно не везло. Я уже не разъ упоминалъ о М. С. Мицулѣ, который былъ агрономомъ, потомъ сталъ завѣдующимъ и, въ концѣ-концовъ, умеръ отъ грудной жабы, не доживъ и до 45 лѣтъ. Другой агрономъ, какъ разсказываютъ, силялся доказать, что на Сахалинѣ сельское хозяйство невозможно, все посылалъ куда-то бумаги и телеграммы и тоже кончилъ, повидимому, глубокимъ нервнымъ разстройствомъ; по крайней мѣрѣ, о немъ вспоминаютъ теперь какъ о честномъ и знающемъ, но сумасшедшемъ человѣкѣ. Третій «завѣдующій по агрономической части», полякъ, былъ уволенъ начальникомъ острова съ рѣдкимъ въ чиновническихъ лѣтописяхъ скандаломъ: приказано было выдать ему прогонныя деньги въ томъ только случаѣ, когда онъ «предъявитъ заключенное имъ условіе съ каюромъ на отвозъ его до г. Николаевска»; начальство, очевидно, боялось, что агрономъ, взявши прогонныя деньги, останется на островѣ навсегда (приказъ № 349, 1888 г.). Про четвертаго агронома, вѣнца, ничего не дѣлавшаго и едва ли понимавшаго что-нибудь въ агрономіи, о. Ираклій разсказывалъ мнѣ, будто послѣ одного августовскаго мороза, побившаго хлѣбъ, онъ поѣхалъ въ Рыковское, собралъ тамъ сходъ и спросилъ важно: «Почему у васъ былъ морозъ?» Изъ толпы вышелъ самый умный и отвѣтилъ: «Не можемъ знать, ваше превосходительство, должно, милость Божія изволила такъ распорядиться». Агрономъ вполнѣ удовлетворился этимъ отвѣтомъ, сѣлъ въ тарантасъ и уѣхалъ домой съ чувствомъ исполненнаго долга.

но и этот источник оказался ненадежнымъ. Изъ страха чтобы ихъ не лишили пособій, не перестали давать зерно въ ссуду, не оставили бы ихъ на Сахалинѣ на всю жизнь, ссыльные обыкновенно показывали количество разработанной земли и урожаи ниже дѣйствительности. Зажиточные ссыльные, которые не нуждаются въ пособияхъ, тоже не говорили правды, но эти уже не изъ страха, а изъ тѣхъ самыхъ побужденій, которыя заставляли Полонія соглашаться, что облако, въ одно и то же время, похоже и на верблюда, и на хорька. Они зорко слѣдили за модой и направлениемъ мыслей, и если мѣстная администрація не вѣрила въ сельское хозяйство, то они тоже не вѣрили; если же въ канцеляріяхъ дѣлалось моднымъ противоположное направление, то и они тоже начинали увѣрять, что на Сахалинѣ, слава Богу, жить можно, урожаи хорошіе, и только одна бѣда — народъ нынче избаловался и т. п., и при этомъ, чтобы угодить начальству, они прибѣгали къ грубой лжи и всякаго рода уловкамъ. Напримѣръ, они выбирали въ полѣ самые крупные колосья и приносили ихъ къ Мицулю, и послѣдній добродушно вѣрилъ и дѣлалъ заключеніе объ отличномъ урожаѣ. Приѣзжимъ показывали картофель. величиной съ голову, полупудовыя рѣдьки, арбузы, и приѣзжие, глядя на эти чудовища, вѣрили, что на Сахалинѣ ишеница родится самъ-40 *).

При мнѣ сельско-хозяйственный вопросъ на Сахалинѣ находился въ какомъ-то особенномъ фазисѣ, когда трудно

*) «Приѣхавшій на Сахалинъ новый агрономъ (прусскій подданный),—пишетъ корреспондентъ во *Владивостокъ* 1886 г., № 43,—ознаменовалъ себя устройствомъ и открытіемъ 1 октября сахалинской сельско-хозяйственной выставки, экспонентами которой были поселенцы Александровскаго и Тымовскаго округовъ, а также казенные огороды... Выставленные поселенцами хлѣбныя сѣмена ничѣмъ особеннымъ не отличались, если не считать, что въ числѣ сѣмянъ, *якобы* уродившихся на Сахалинѣ, попадались и сѣмена, выписанныя отъ извѣстнаго Грачева для посѣва. Выставившій ишеницу поселенецъ Тымовскаго округа Сычовъ при удостовѣреніи тымовскаго начальства, что онъ имѣетъ отъ нынѣшняго урожая такой ишеницы 70 пудовъ, былъ уличенъ въ обманъ, т. е., что выставилъ ишеницу выбранную». Объ этой выставкѣ есть и въ № 50 той же газеты. «Въ особенности удивило всѣхъ присутствіе необыкновенныхъ образцовъ овощей, напримѣръ, кочанъ капусты, весомъ въ 22½ ф., рѣдька по 13 фунт., картофелины въ 3 фунта и т. д. Могу смѣло сказать, что лучшими образцами овощей не могла бы похвалиться центральная Европа».

было понять что-нибудь. Генераль-губернаторъ, начальникъ острова и окружные начальники не вѣрили въ производительность труда сахалинскихъ земледѣльцевъ; для нихъ уже не подлежало сомнѣнью, что попытка приурочить трудъ ссыльныхъ къ сельскому хозяйству потерпѣла полную неудачу и что продолжать настаивать на томъ, чтобы колонія, во что бы ни стало, была сельско-хозяйственной, значило тратить непроизводительно казенныя деньги и подвергать людей напраснымъ мученіямъ. Вотъ слова генераль-губернатора, которыя я записалъ подъ его диктовку:

«Сельско-хозяйственная колонія преступниковъ на островѣ неосуществима. Надо дать людямъ заработокъ, сельское же хозяйство должно быть лишь подспорьемъ къ нему».

Младшіе чиновники высказывали то же самое и въ присутствіи своего начальства безбоязненно критиковали прошлое острова. Сами ссыльные на вопросъ, какъ идутъ дѣла, отвѣчали нервно, безнадежно, съ горькою усмѣшкой. И, несмотря на такое опредѣленное и единодушное отношеніе къ сельскому хозяйству, все-таки ссыльные продолжаютъ пахать и сѣять, администрація продолжаетъ выдавать имъ въ ссуду зерно, и начальникъ острова, меньше всѣхъ вѣрующій въ сахалинское земледѣліе, издаетъ приказы, въ которыхъ, «въ видахъ приуроченія ссыльныхъ къ заботамъ о сельскомъ хозяйствѣ», подтверждаетъ, что перечисленіе въ крестьянское сословіе поселенцевъ, которые не подають основательной надежды на успѣхъ своихъ хозяйскихъ дѣлъ на отведенныхъ имъ участкахъ, «не можетъ состояться никогда» (№ 276, 1890 г.). Психологія такихъ противорѣчій совсѣмъ непонятна.

Количество разработанной земли до сихъ поръ было показываемо въ отчетахъ дутыми и подобранными цифрами (приказъ № 366, 1888 г.), и никто не скажетъ съ точностью, сколько въ среднемъ приходится земли на cadaго владѣльца. Инспекторъ сельскаго хозяйства опредѣляетъ количество земли въ среднемъ на участокъ по 1.555 кв. саж. или около $\frac{2}{3}$ дес., а въ частности для лучшаго, т. е. Корсаковскаго, округа—въ 935 кв. саж. Помимо того, что цифры эти могутъ быть невѣрны, значеніе ихъ умалется еще тѣмъ, что земля распределена между владѣльцами крайне неравномѣрно: прѣхавшіе изъ Россіи съ деньгами или нажившіе себѣ состояніе кулачествомъ имѣютъ по 3—5

и даже 8 десятинъ пахотной земли и есть не мало хозяевъ, особенно въ Корсаковскомъ округѣ, у которыхъ всего по нѣскольку квадратныхъ сажень. Повидимому, количество пахотной земли абсолютно увеличивается каждый годъ, средній же размѣръ участка не растеть и какъ бы грозить остаться величиной постоянной *).

Сбютъ казенное зерно, получаемое каждый разъ въ ссуду. Въ лучшемъ, т. е. Корсаковскомъ, округѣ въ 1889 г. «на всю пропорцію посѣяннаго зерна 2.060 пуд. имѣлось собственныхъ сѣмянъ только 165 пуд., а изъ 610 человекъ, которые посѣяли это количество, имѣли свое зерно только 56 человекъ» (приказъ № 318, 1889 г.). По даннымъ инспектора сельского хозяйства, на каждого взрослого жителя среднимъ числомъ высѣвается зернового хлѣба только 3 пуда 18 фунт., и меньше всего въ южномъ округѣ. Интересно при этомъ замѣтить, что въ округѣ съ болѣе благоприятными климатическими условіями сельское хозяйство ведется менѣе успѣшно, чѣмъ въ сѣверныхъ округахъ, и это, однако, не мѣшаетъ ему быть на самомъ дѣлѣ лучшимъ округомъ.

Въ двухъ сѣверныхъ округахъ ни разу не была наблюдаема сумма тепла, достаточная для полного вызрѣванія овса и пшеницы, и только два года дали сумму тепла, до-

---

*) Съ увеличеніемъ населенія становится все труднѣе отыскивать удобную землю. Прирѣчные долины, покрытыя листовнымъ лѣсомъ — ильмомъ, бояркой, бусиной и проч., гдѣ почва глубока и плодородна, представляютъ рѣдкіе оазисы среди тундръ, заболоченъ, горъ, покрытыхъ горькимъ лѣсомъ, и низменностей съ хвойнымъ лѣсомъ и съ дурно пропускающею воду подпочвой. Даже на южной части острова эти долины, или елани, чередуются съ горами и трясиной, на которыхъ скудная растительность мало отличается отъ полярной. Такъ, вся громадная площадь между Такоискою долиною и Маугой — мѣстами культурными — занята тряпной совершенно безнадежной; быть-можетъ, удастся провести по этой тряпной дорогѣ, но измѣнить ея суровый климатъ не во власти человѣческой. Какъ ни велика, повидимому, площадь Южнаго Сахалина, но до сихъ поръ земли, годной подъ пахотныя поля, огороды и усадьбы, удалось найти только 405 дес. (приказъ № 318, 1889 г.). Между тѣмъ, коммисія, съ Власовымъ и Мицулемъ во главѣ, рѣшавшая вопросъ о пригодности Сахалина для штрафной сельско-хозяйственной колоніи, нашла, что въ средней части острова земли, которую можно привести въ культурное состояніе, «должно быть гораздо больше, чѣмъ 200 тысячъ десятинъ», а въ южной части количество такой земли «простирается до 220 тысячъ».

статочную для созрѣванія ячменя *). Весна и начало лѣта бываютъ почти всегда холодныя; въ 1889 г. морозы были въ юлѣ и августѣ, и дурная осенняя погода началась съ 24 юля и продолжалась до конца октября. Съ холодомъ бороться можно и акклиматизація хлѣбныхъ растений на Сахалинѣ представляла бы благодарнѣйшую задачу, если бы не исключительно высокая влажность, борьба съ которой едва ли будетъ когда-либо возможна. Въ періодъ колошенія, цвѣтенія и налива и въ особенности созрѣванія, количество выпадающихъ на островѣ осадковъ несоразмѣрно велико, отчего поля даютъ не вполне вызрѣвшее, водянистое, морщинистое и легковѣсное зерно. Или же, благодаря обильнымъ дождямъ, хлѣбъ пропадаетъ, сгнивая или проростая въ снопахъ въ полѣ. Время уборки хлѣбовъ, особенно яровыхъ, здѣсь почти всегда совпадаетъ съ самою дождливою погодой и, случается, весь урожай остается въ полѣ, благодаря дождямъ, непрерывно идущимъ съ августа до глубокой осени. Въ отчетѣ инспектора сельскаго хозяйства приводится таблица урожаяевъ за послѣднія пять лѣтъ, составленная по даннымъ, которыя начальникъ острова называетъ «праздными вымыслами»; изъ этой таблицы можно заключить приблизительно, что средній урожай зерновыхъ хлѣбовъ на Сахалинѣ составляетъ самъ-три. Это находитъ подтвержденіе и въ другой цифрѣ: въ 1889 г. изъ собраннаго урожая зернового хлѣба на каждого взрослого приходилось въ среднемъ около 11 пуд., т. е. въ три раза больше того, что было посеяно. Зерно получалось отъ урожаяевъ плохое. Осмотрѣвъ однажды образцы зернового хлѣба, доставленнаго поселенцами, желающими обмѣнять на муку, начальникъ острова нашель, что одни изъ нихъ вовсе непригодны для посѣва, а другіе содержатъ въ примѣси значительное количество зерна недозрѣлаго и прохваченнаго морозами (приказъ № 41, 1889 г.).

При такихъ тощихъ урожаяхъ, сахалинскій хозяинъ, чтобы быть сытымъ, долженъ имѣть не менѣе 4 дес. плодородной земли, цѣнить свой трудъ ни во что и ничего не платить работникамъ; когда же въ недалекомъ будущемъ однопольная система безъ пара и удобренія истощитъ

---

*) Подробности въ *Отчетъ о состояніи сельскаго хозяйства на островѣ Сахалинѣ въ 1889 г.* г. фонъ-Фрикена.

почву и ссыльные «сознають необходимость перейти къ болѣе рациональнымъ приемамъ обработки полей и къ новой системѣ сѣвооборота», то земли и труда понадобится еще больше и хлѣбопашество поневолѣ будетъ брошено, какъ непродуцительное и убыточное.

Та отрасль сельскаго хозяйства, успѣхъ которой зависитъ не столько отъ естественныхъ условій, сколько отъ личныхъ усилій и знаній самого хозяина,—огородничество, повидимому, даетъ на Сахалинѣ хорошіе результаты. За успѣхъ мѣстной огородной культуры говоритъ уже то обстоятельство, что иногда цѣлыя семьи въ продолженіе всей зимы питаются одною только брюквою. Въ июлѣ, когда одна дама въ Александровскѣ жаловалась мнѣ, что у нея въ садикѣ еще не взошли цвѣты, въ Корсаковскѣ въ одной избѣ я видѣлъ рѣшето, полное огурцовъ. Изъ отчета инспектора сельскаго хозяйства видно, что изъ урожая 1889 г. въ Тымовскомъ округѣ приходилось на cadaго взрослого $4\frac{1}{10}$ пуд. капусты и около 2 пуд. разныхъ корнеплодныхъ овощей, въ Корсаковскомъ по 4 пуда капусты и по $4\frac{1}{8}$ пуд. корнеплодовъ. Въ томъ же году картофеля приходилось на cadaго взрослого въ Александровскомъ округѣ по 50 пуд., въ Тымовскомъ по 16 пуд. и Корсаковскомъ по 34 пуд. Картофель вообще даетъ хорошіе урожаи, и это подтверждается не только цифрами, но и личнымъ впечатлѣніемъ; я не видѣлъ закровъ или мѣшковъ съ зерномъ, не видѣлъ, чтобы ссыльные ѣли пшеничный хлѣбъ, хотя пшеницы здѣсь сѣется больше, чѣмъ ржи, но зато въ каждой избѣ я видѣлъ картофель и слышалъ жалобы на то, что зимою много картофеля сгнило. Съ развитіемъ на Сахалинѣ городской жизни растетъ мало-по-малу и потребность въ рынкѣ; въ Александровскѣ уже опредѣлилось мѣсто, гдѣ бабы продають овощи, и на улицахъ не рѣдкость встрѣтить ссыльныхъ, торгующихъ огурцами и всякою зеленью. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на югѣ, напримѣръ, въ Первой Пади, огородничество уже составляетъ серьезный промыселъ *).

---

*) До сихъ поръ слабо поддавался культурѣ почему-то только одинъ лукъ. Недостатокъ этого овоща въ экономіи ссыльнаго по-полняется черемшой (*allium victoriale*), растущею здѣсь на воляхъ. Это луковичное растеніе съ сильнымъ чесночнымъ запахомъ когда-то у постовыхъ солдатъ и ссыльныхъ считалось вѣрнымъ средствомъ

Хлѣбопашество считается главнымъ занятіемъ ссыльныхъ. Къ второстепеннымъ, дающимъ сторонніе заработки, относятся охота и рыболовство. Съ точки зрѣнія охотника, фауна позвоночныхъ животныхъ на Сахалинѣ роскошна. Изъ звѣрей, наиболѣе цѣнныхъ для промышленника, въ особенно громадномъ количествѣ водятся здѣсь соболь, лисица и медвѣдь *). Соболю распространень по всему острову.

отъ цынги, и по тѣмъ сотнямъ пудовъ, которыя ежегодно заготовлялись на зиму военной и тюремной командами, можно судить, какъ распространена была здѣсь эта болѣзнь. Черемша, говоритъ, вкусна и питательна, но не всякому пріятенъ ея запахъ; когда не только въ комнатѣ, но даже на дворѣ ко мнѣ близко подходилъ человѣкъ, употребляющій въ пищу черемшу, то мнѣ становилось душно.

Какъ велика площадь, занимаемая на Сахалинѣ сѣнокосами, еще неизвѣстно, хотя въ отчетѣ инспектора сельскаго хозяйства и приведены цифры. Каковы бы ни были цифры, но пока несомнѣнно только, что далеко не всякій хозяинъ знаетъ весною, гдѣ онъ будетъ косить лѣтомъ, и что сѣна не хватаетъ и къ концу зимы скотъ тощаетъ отъ недостатка корма. Лучшіе покосы забираютъ себѣ тѣ, кто сильнѣе, т. е. тюрьма и военныя команды, поселенцамъ же остаются или самыя дальніе покосы, или такіе, гдѣ сѣно можно жать, а не косить. Въздѣствіе дурно пропускающей подпочвы, здѣшніе луга большею частью болотисты, всегда мокры и оттого растутъ на нихъ лишь кислые злаки и осока, дающіе грубое, мало питательное сѣно. Инспекторъ сельскаго хозяйства говоритъ, что здѣшнее сѣно по своей питательности едва ли можетъ быть приравнено половинному количеству обыкновеннаго сѣна; ссыльные тоже находятъ сѣно плохимъ и зажиточные не даютъ его чистымъ, а въ примѣси съ мукой или картофелемъ. Сахалинское сѣно совсѣмъ не имѣетъ того пріятнаго запаха, что наше русское. Могутъ ли считаться хорошимъ кормовымъ средствомъ тѣ гигантскія травы, которыя растутъ въ лѣсныхъ долинахъ и по рѣкамъ, и о которыхъ такъ много говорятъ, судить не берусь. Кстати замѣчу, что сѣмена одной изъ этихъ травъ, а именно сахалинской гречи, уже появились у насъ въ продажѣ. О томъ, нужно ли на Сахалинѣ травосѣяніе и возможно ли оно, въ отчетѣ инспектора сельскаго хозяйства не говорится ни одного слова.

Теперь о скотоводствѣ. Въ 1889 г. одна дойная корова въ Александровскомъ и Корсаковскомъ округахъ приходилась на 2½ хозяйства, а въ Тымовскомъ на 3⅓. Почти такія же цифры показаны и для рабочаго скота, т. е. для лошадей и воловъ, причемъ и на этотъ разъ бѣднѣе всѣхъ оказывается лучшей, т. е. Корсаковскій округъ. Впрочемъ, эти цифры не рисуютъ настоящаго положенія дѣла, такъ какъ весь сахалинскій скотъ распределенъ между хозяевами крайне неравномѣрно. Все наличное количество скота сосредоточено въ рукахъ только богатыхъ хозяевъ, имѣющихъ большіе земельные участки или занимающихся торговлей.

*) Подробности у А. М. Никольскаго: *Островъ Сахалинъ и его фауна позвоночныхъ животныхъ*.

Говорятъ, будто за послѣднее время, вслѣдствіе порубокъ и лѣсныхъ пожаровъ, соболю удалится отъ населенныхъ мѣстъ въ болѣе дальніе лѣса. Не знаю, насколько это справедливо; при мнѣ во Владиміровкѣ, около самаго селенія, надзиратель застрѣлилъ изъ револьвера соболя, который переходилъ по бревну черезъ ручей, и тѣ ссыльные — охотники, съ которыми мнѣ приходилось говорить, охотятся обыкновенно неподалеку отъ селеній. Лисица и медвѣдь тоже живутъ на всемъ островѣ. Въ прежнее время медвѣдь не обижалъ людей и домашнихъ животныхъ и считался смирнымъ, но съ тѣхъ поръ, какъ ссыльные стали селиться по верховьямъ рѣкъ и вырубать тутъ лѣса и преградили ему путь къ рыбѣ, которая составляла его главную пищу, въ сахалинскихъ метрическихъ книгахъ и въ «вѣдомости происшествій» стала появляться новая причина смерти — «задранъ медвѣдемъ», и въ настоящее время медвѣдь уже третируется, какъ грозное явленіе природы, съ которымъ приходится бороться не на шутку. Встрѣчаются также олень и кабарга, выдра, росомаха, рысь, рѣдко волкъ и еще рѣже горностаи и тигръ *). Несмотря на та-

*) Волки держатся далеко отъ жилищъ, такъ какъ боятся домашнихъ животныхъ. Чтобы такое объясненіе не показалось невѣроятнымъ, я укажу на другой подобный же примѣръ: Буссе пишетъ, что айно, увидѣвъ въ первый разъ въ жизни свиней, испугались; да и Миддендорфъ говоритъ, что когда на Амурѣ въ первый разъ были разведены овцы, то волки не трогали ихъ. Дикіе олени распространены особенно на западномъ берегу сѣверной части острова; здѣсь зимою они собираются на тундрѣ, весною же, по словамъ Глена, когда они ходятъ къ морю, чтобы лизать соль, ихъ можно видѣть въ безчисленномъ множествѣ стадами на широкихъ равнинахъ этой части острова. Изъ птицъ водятся гусь, утки разныхъ породъ, бѣлая куропатка, глухарь, рябчикъ, крошинецъ, вальдинецъ; тяга продолжается до іюня. Я пріѣхалъ на Сахалинъ въ іюль, когда въ тайгѣ была уже гробовая тишина; островъ казался безжизненнымъ и приходилось вѣрить наблюдателямъ на слово, что тутъ водятся камчатскій соловей, синица, дроздъ и чижъ. Черныхъ воронъ много, сорокъ и скворцовъ нѣтъ. Поляковъ видѣлъ на Сахалинѣ только одну деревенскую ласточку, да и та, по его мнѣнію, попала на островъ случайно, потому что заблудилась. Мнѣ однажды показалось, что я вижу въ травѣ перепелку; взглянувъшесъ попристальнѣе, я увидѣлъ маленькаго, красиваго звѣрка, котораго зовутъ бурундукомъ. Въ сѣверныхъ округахъ это самое маленькое млекопитающее. По А. М. Никольскому, тутъ нѣтъ домашней мыши, между тѣмъ, въ бумагахъ, относящихся еще къ началу колоніи, уже упоминаются «пыль, утрусъ и мышендіе».

кое богатство дичи, охота, какъ промыселъ, въ колоніи почти не существуетъ.

Ссылные-кулаки, живающіе здѣсь состоянія торговлей, промышленяютъ обыкновенно и мѣхами, которые они приобрѣтаютъ у инородцевъ за безцѣнокъ и въ обмѣнъ на спиртъ, но ужъ это относится не къ охотѣ, а къ промышленности иного рода. Охотники изъ ссыльныхъ здѣсь всѣ на-персчетъ, ихъ очень немного. Въ большинствѣ, это не промышленники, а охотники по страсти, любители, охотящіеся съ плохими ружьями и безъ собаки, только ради забавы. Убитую дичь они сбываютъ за безцѣнокъ или пропиваютъ. Въ Корсаковскѣ одинъ поселенецъ, продавая мнѣ убитаго имъ лебедя, запросилъ «три рубля или бутылку водки». Надо думать, что охота въ ссыльной колоніи никогда не приметъ размѣровъ промысла, именно потому, что она ссыльная. Чтобы промышленять охотой, надо быть свободнымъ, отважнымъ и здоровымъ, ссыльные же, въ громадномъ большинствѣ, люди слабохарактерные, нерѣшительные, неврастеники; они на родинѣ не были охотниками и не умѣютъ обращаться съ ружьемъ, и ихъ угнетеннымъ душамъ до такой степени чуждо это вольное занятіе, что поселенецъ въ нуждѣ скорѣе предпочтетъ, подъ страхомъ наказанія, зарѣзать теленка, взятаго изъ казны въ долгъ, чѣмъ пойти стрѣлять глухарей или зайцевъ. Да и едва ли можетъ быть желательнo широкое развитіе этого промысла въ колоніи, куда для исправленія присылаются главнымъ образомъ убійцы. Нельзя позволить бывшему убійцѣ часто убивать животныхъ и совершать тѣ звѣрскія операціи, безъ которыхъ не обходится почти ни одна охота,—напримѣръ, закалывать раненнаго оленя, прикусывать горло подстрѣленной куропаткѣ и т. п.

Главное богатство Сахалина и его будущность, быть-можетъ, завидная и счастливая, не въ пушномъ звѣрѣ и не въ углѣ, какъ думаютъ, а въ періодической рыбѣ. Часть, а, быть-можетъ, и вся масса веществъ, уносимая рѣками въ океанъ, ежегодно возвращается матеріку обратно въ видѣ періодической рыбы. *Кэта*, или кита, рыба изъ лососевыхъ, имѣющая размѣры, цвѣтъ и вкусъ нашей семги, населяющая сѣверную часть Великаго океана, въ извѣстный періодъ своей жизни входитъ въ нѣкоторыя рѣки Сѣверной Америки и Сибири и съ неудержимою силой, въ количествѣ буквально

безчисленномъ, мчится вверхъ противъ теченія, доходя до самыхъ верхнихъ, горныхъ потоковъ. На Сахалинѣ это бываетъ въ концѣ іюля или въ первой трети августа. Масса рыбы, наблюдаемая въ это время, бываетъ такъ велика и ходъ ея до такой степени стремителенъ и необычаенъ, что кто самъ не наблюдалъ этого замѣчательнаго явленія, тотъ не можетъ имѣть о немъ настоящаго понятія. О быстротѣ хода и о тѣснотѣ можно бываетъ судить по поверхности рѣки, которая, кажется, кипитъ, вода принимаетъ рыбій вкусъ, весла вязнутъ и, задѣвая за рыбу, подкидываютъ ее. Въ устьяхъ рѣкъ кѣта входитъ здоровая и сильная, но затѣмъ безостановочная борьба съ быстрымъ теченіемъ, тѣснота, голодъ, треніе и ушибы о карчи и камни истощаютъ ее, она худѣетъ, тѣло ея покрывается кровоподтеками, мясо становится дряблымъ и бѣлымъ, зубы оскаливаются; рыба мѣняетъ свою фізіономію совершенно, такъ что люди непосвященные принимаютъ ее за другую породу и называютъ не кѣтой, а зубаткой. Она ослабѣваетъ мало-по-малу и уже не можетъ сопротивляться теченію и уходитъ въ затоны или же стоитъ за карчей, уткнувшись мордой въ берегъ; здѣсь ее можно брать прямо руками и даже медвѣдь достаетъ ее изъ воды лапой. Въ концѣ-концовъ, изнуренная половымъ стремленіемъ и голодомъ, она погибаетъ, и уже въ среднемъ теченіи рѣки начинаютъ встрѣчаться во множествѣ уснувшіе экземпляры, а берега въ верхнемъ теченіи бываютъ усыяны мертвою рыбой, издающею зловоніе. Всѣ эти страданія, переживаемыя рыбой въ періодъ любви, называются «кочеваніемъ до смерти», потому что неизбѣжно ведутъ къ смерти, и ни одна изъ рыбъ не возвращается въ океанъ, а всѣ погибаютъ въ рѣкахъ. «Неодолимые порывы эротическаго влеченія до издыханія, — говоритъ Миддендорфъ: — цвѣтъ идеи кочеванія; и такіе идеалы въ тупомной влажно-холодной рыбѣ!»

Не менѣе замѣчателенъ ходъ *сельди*, которая периодически появляется по побережьямъ моря весною, обыкновенно во второй половинѣ апрѣля. Сельдь идетъ громадными стадами, «въ невѣроятномъ количествѣ», по выраженію очевидцевъ. Приближеніе сельди всякій разъ узнается по слѣдующимъ характернымъ признакамъ: круговая полоса бѣлой пѣны, захватывающая на морѣ большое пространство, стаи чаекъ и альбатросовъ, киты, пускающіе фонтаны

и стада сивучей. Картина чудесная! Китовъ, слѣдующихъ въ Анивѣ за сельдью, такое множество, что корабль Крузенштерна былъ окруженъ ими и на берегъ должно было ѣздить «съ осторожностью». Во время хода сельди море представляется кипящимъ *).

Итъ возможности даже приблизительно опредѣлить, какое количество рыбы можетъ быть поймано каждый разъ во время ея хода въ сахалинскихъ рѣкахъ и у побережьявъ. Тутъ годилась бы всякая очень большая цифра.

Во всякомъ случаѣ, безъ преувеличенія можно сказать, что при широкой и правильной организаціи рыбныхъ ловель и при тѣхъ рынкахъ, какіе давно уже существуютъ въ Японіи и Китаѣ, ловля періодической рыбы на Сахалинѣ могла бы приносить миллионные доходы. Когда еще на югѣ Сахалина распоряжались японцы и рыбныя ловли въ ихъ рукахъ едва начинали развиваться, то ужъ рыба приносила около полумилліона рублей ежегодно. По расчету Мицуля, добычаніе ворвани въ южной части Сахалина требовало 611 котловъ и до 15.000 саж. дровъ, и одна лишь сельдь давала 295.806 руб. въ годъ.

Съ занятіемъ Южнаго Сахалина русскими рыбныя ловли перешли въ стадій упадка, въ которомъ находятся до сегодня. «Гдѣ недавно кипѣла жизнь, давая пищу инородцамъ-аппанамъ и солидные барыши промышленникамъ, — писалъ въ 1880 г. Л. Дейтеръ **): — тамъ теперь почти пустыня». Рыбныя ловли, производимыя теперь въ обихъ сѣверныхъ округахъ нашими сельскими, ничтожны, иначе ихъ и называть нельзя. Я былъ на Тымп, когда уже въ верховьяхъ шла кѣта и на зеленыхъ берегахъ тамъ и сямъ попадались

*) Одинъ изъ авторовъ видѣлъ японскую сѣть, которая «занимала въ морѣ окружность въ три версты и, прикрѣпленная къ берегу, образовывала родъ мѣшка, откуда постепенно вычерпывали сельдей». Буссе въ своихъ запискахъ говоритъ: «Японскіе невода часты и чрезвычайно велики. Одинъ неводъ окружаетъ пространство сажень на 70 отъ берега. Но каково было мое удивленіе, когда, не дотавивъ неводъ сажень на 10 отъ берега, японцы оставили его въ водѣ, потому что эти 10 сажень неводъ до того былъ наполненъ сельдями, что, несмотря на всѣ усилія 60 работниковъ, они не могли болѣе притянуть неводъ къ берегу... Гребцы, закладывая весла для гребки, выбрасывали ими по нѣсколько сельдей и жаловались, что онѣ мѣшаютъ гребти». Ходъ сельди и ловля ея японцами подробно описаны у Буссе и Мицуля.

***) *Морская Газета* 1880 г., № 3.

одинокія фигуры рыболововъ, вытаскивавшихъ крючками на длинныхъ палкахъ полуживую рыбу. Въ послѣдніе годы администрація, ищущая заработковъ для поселенцевъ, стала дѣлать имъ заказы на соленую рыбу. Поселенцы получаютъ соль по льготной цѣнѣ и въ долгъ, тюрьма затѣмъ покупаетъ у нихъ рыбу по дорогой цѣнѣ, чтобы поощрить ихъ, но объ этомъ ихъ новомъ ничтожномъ заработкѣ стоить упомянуть только потому, что тюремныя щи изъ рыбы мѣстнаго поселенческаго приготовленія, по отзывамъ арестантовъ, отличаются особо отвратительнымъ вкусомъ и нестерпимымъ запахомъ. Ловить и заготавливать рыбу поселенцы не умѣютъ и никто ихъ этому не учитъ; тюрьма въ районѣ теперешнихъ ловель забрала себѣ лучшія мѣста, имъ же предоставила пороги и мелн, гдѣ они рвутъ свои дешевыя самодѣлковыя сѣти о карчи и камни. Когда я былъ въ Дербинскомъ, тамъ каторжные ловили для тюрьмы рыбу. Начальникъ острова ген. Кононовичъ приказалъ собраться поселенцамъ и, обратясь къ нимъ съ рѣчью, упрекнулъ ихъ что въ прошломъ году они продали въ тюрьму рыбу, которую нельзя было ѣсть. «Каторжный — вашъ братъ, а мой сынъ, — сказалъ онъ имъ. — Обманывая казну, вы этимъ самымъ наносите вредъ вашему брату и моему сыну». Поселенцы согласились съ нимъ, но по ихъ лицамъ видно было, что и въ будущемъ году братъ и сынъ будутъ ѣсть вонючую рыбу. Даже если поселенцы какъ-нибудь научатся заготавливать рыбу, то все-таки этотъ новый заработокъ не дастъ населенію ничего, такъ какъ санитарный надзоръ рано или поздно долженъ будетъ запретить употребленіе въ пищу рыбы, пойманной въ верховьяхъ.

На тюремныхъ рыбныхъ ловляхъ въ Дербинскомъ я присутствовалъ 25 августа. Надолго затянувшійся дождь навелъ на всю природу уныніе; было трудно ходить по скользкому берегу. Сначала мы зашли въ сарай, гдѣ 16 каторжныхъ подъ руководствомъ Василенки, бывшаго таганрогскаго рыбалки, солили рыбу. Было уже посолено 150 бочекъ, около 2.000 пудовъ. Впечатлѣніе такое, что если бы Василенко не попалъ на каторгу, то никто бы тутъ не зналъ, какъ надо обращаться съ рыбой. Изъ сарая спускъ къ берегу, на которомъ шесть каторжныхъ очень острыми ножами пластаютъ рыбу, выбрасывая ея внутренности въ рѣку; вода красная, мутная. Тяжелый запахъ рыбы и грязи,

смѣшанной съ рыбьей кровью. Въ сторонѣ группа каторжаныхъ—всѣ мокрые и босикомъ или въ чиркахъ — закидываетъ небольшой неводъ. При мнѣ вытащили два раза и въ оба раза неводъ былъ полонъ. Вся кѣта имѣетъ крайне подозрительный видъ. У всѣхъ оскалены зубы, сторбилысь спицы и тѣла покрыты пятнами. Почти у каждой рыбы брюхо окрашено въ бурый или зеленый цвѣтъ, выдѣляются жидкія испражнения. Выброшенная на берегъ рыба засыпаетъ очень скоро, если она уже не заснула въ водѣ или пока билась въ неводѣ. Тѣ немногіе экземпляры, на которыхъ не было пятенъ, назывались серебрянками; ихъ бережно откладывали въ сторону, но не для тюремнаго котла, а «на балычки».

Здѣсь нетвердо знаютъ естественную исторію рыбы, заходящей періодически въ рѣки, и еще нѣтъ убѣжденія, что ее слѣдуетъ ловить только въ устьяхъ и въ нижнемъ теченіи, такъ какъ выше она становится уже негодной. Плывъ по Амуру, я слышалъ отъ мѣстныхъ старожиловъ жалобы, что у устья-де вылавливаютъ настоящую кѣту, а до нихъ доходить только зубатка; и на пароходѣ шли разговоры о томъ, что пора упорядочить рыбныя ловли, т. е. запретить ихъ въ нижнемъ теченіи *). Въ то время, какъ въ верховьяхъ Тыми тюрьма и поселенцы ловили тощую, полуживую рыбу, въ устьѣ ея контрабанднымъ образомъ промышляли японцы, загородивъ частоколомъ рѣку, а въ нижнемъ теченіи гиляки ловили для своихъ собакъ рыбу несравненно болѣе здоровую и вкусную, чѣмъ та, которая заготовлялась въ Тымовскомъ округѣ для людей. Японцы нагружали джонки и даже большія суда, и то красивое судно, которое Поляковъ въ 1881 г. встрѣтилъ у устья Тыми, вѣроятно, приходило сюда и этимъ лѣтомъ.

*) Кстати сказать, на Амурѣ, очень богатомъ рыбою, рыбныя промыслы организованы довольно слабо и, какъ кажется, потому, что промышленники купятся пригласить изъ Россіи специалистовъ. Здѣсь, напримѣръ, ловить во множествѣ осетровъ, но никакъ не могутъ приготовить икру такъ, чтобы она походила на русскую, хотя бы по внѣшнему виду. Искусство здѣшнихъ промышленниковъ остановилось на кѣтовыхъ балыкахъ и не пошло дальше. Г. Л. Дейтеръ писалъ въ *Морской Газетѣ* (1880 г., № 6), что будто бы нѣкогда на Амурѣ составила компанія рыбнаго промысла (изъ капиталистовъ), затѣяли дѣло на широкихъ основаніяхъ и сами себя угощали пикрою, фунтъ которой имъ самимъ обходился, какъ говорятъ, отъ 200 до 300 рублей серебромъ.

Чтобы рыболовство получило значеніе серьезнаго промысла, надо придвинуть колонію ближе къ устью Тыми или Пороная. Но это не единственное условіе. Необходимо также, чтобы съ ссыльнымъ населеніемъ не конкурировалъ свободный элементъ, такъ какъ нѣтъ такого промысла, въ которомъ, при столкновеніи интересовъ, свободные не брали бы верха надъ ссыльными. Между тѣмъ, съ поселенцами конкурируютъ японцы, производящіе ловлю контрабанднымъ образомъ или за пошлины, и чиновники, забирающіе лучшія мѣста для тюремныхъ ловель, и уже близко время, когда съ проведеніемъ сибирской дороги и развитіемъ судоходства слухи о невѣроятныхъ богатствахъ рыбы и пушиного звѣря привлекутъ на островъ свободный элементъ; начнется иммиграція, организуются настоящія рыбныя ловли, въ которыхъ ссыльный будетъ принимать участіе не какъ хозяинъ-промышленникъ, а лишь какъ батракъ, затѣмъ, судя по аналогіи, начнутся жалобы на то, что трудъ ссыльныхъ во многихъ отношеніяхъ уступаетъ труду свободныхъ, даже манъ и корейцевъ; съ точки зрѣнія экономической, ссыльное населеніе будетъ признано бременемъ для острова, и съ увеличеніемъ иммиграціи и развитіемъ охотной и промышленной жизни на островѣ само государство найдетъ болѣе справедливымъ и выгоднымъ стать на сторону свободнаго элемента и прекратить ссылку. Итакъ, рыба составитъ богатство Сахалина, но не ссыльной колоніи *).

*) Для тѣхъ ссыльныхъ, которые живутъ теперь у устьевъ небольшихъ рѣчекъ и у моря, рыболовство можетъ служить подспорьемъ въ хозяйствѣ и давать нѣкоторый заработокъ, но для этого надо снабжать ихъ хорошими сѣтями, селить у моря только тѣхъ, кто и на родинѣ жилъ у моря, и т. д.

Въ настоящее время японскія суда, которыя являются на югъ Сахалина для ловли рыбы, платятъ пошлину по 7 к. съ пуда зельтомъ. Обложены пошлиной также всѣ продукты, приготовленные изъ рыбы, напримѣръ, удобрительный тукъ, селедочный и тресковый жиръ, но доходъ со всѣхъ этихъ пошлинъ не достигаетъ и 20 тысячъ, и это почти единственный доходъ, получаемый нами отъ эксплуатаціи сахалинскихъ богатствъ.

Кромѣ кэты, въ сахалинскія рѣки періодически заходятъ также родственныя ей горбуша, кунджа или гои и чевница; постоянно живутъ въ прѣсныхъ водахъ Сахалина форель, щука, чебакъ, карась, пескарь и корюшка, которая называется огуречникомъ, такъ какъ сильно пахнетъ свѣжымъ огурцомъ. Изъ морскихъ рыбъ, кромѣ сельди, ловятся треска, камбала, осетръ, бычокъ, который здѣсь такъ великъ, что глотаетъ корюшку цѣлкомъ. Въ Александровскѣ одинъ каторж-

О добычѣ морской капусты я говорилъ уже при описаніи селенія Мауки. На этомъ промыслѣ въ періодъ времени съ 1 марта по 1 августа поселенецъ зарабатываетъ отъ 150 до 200 рублей; треть заработка идетъ на харчи, а двѣ трети ссыльный приноситъ домой. Это хорошій заработокъ, но, къ сожалѣнію, онъ пока возможенъ только для поселенцевъ Корсаковского округа. Плату за труды рабочіе получаютъ задѣльную и потому размѣръ самаго заработка находится въ прямой зависимости отъ навыка, усердія и добросовѣстности,—качества, которыми обладаетъ далеко не всякій ссыльный, потому и не всякій ходитъ въ Мауку *).

нѣй промышленнѣе длиннохвостыми раками, очень вкусными, которые называются здѣсь чирисами или ширисами.

Изъ морскихъ млекопитающихъ у береговъ Сахалина водятся въ громадномъ количествѣ киты, спвучи или морскіе львы, тюлени и котикки. Подходя на *Байкаль* къ Александровску, я видѣлъ много китовъ, которые гуляли парочками по проливу и рѣзвились. Близъ западнаго берега Сахалина возвышается надъ моремъ одинокая скала, называемая «Камнемъ Опасности». Очевидецъ, находившійся на шкунѣ *Ермакъ* и хотѣвшій изслѣдовать этотъ камень, писалъ: «Еще за 1½ миль отъ камня, намъ стало очевиднымъ, что скала завята сплошь громадными сивучами. Ревъ этого громаднаго дикаго стада поразилъ насъ; звѣри достигали баснословной величины, такъ что издали казались цѣлыми скалами... Сивучи были величиною около 2 сажени и больше... Кромѣ сивучей, какъ скала, такъ и море вокругъ камня кишѣли морскими котиками» (*Владивостокъ* 1896 г., № 29). О томъ, какихъ размѣровъ могутъ въ нашихъ сѣверныхъ моряхъ достигать китоловнѣй и тюленѣй промыслы, видно изъ странной цифры, приводимой однимъ изъ авторовъ: по вычисленіямъ американскихъ китоловнѣхъ арматоровъ, въ продолженіе 14 лѣтъ (до 1861 г.) вывезено изъ Охотскаго моря жиру и уха на двѣсти милліоновъ рублей (*В Зыбевскій: «Замѣчанія о китоловнѣмъ промыслѣ въ Охотскомъ морѣ».* *Морской Сборникъ* 1863 г., № 4). Но, несмотря на ихъ, повидимому, блестящее будущее, эти промыслы не обогатятъ ссыльной колоніи, потому именно, что она ссыльная. По свидѣтельству Брэма, «охота за тюленями есть повальная, безпощадная бойня, гдѣ грубость соединяется съ совершенною безчувственностью. Поэтому и не говорятъ—охотиться за тюленями, а бить тюленей». И «самыя дикія племена поступаютъ при этой охотѣ гораздо человѣчнѣе цивилизованнаго европейца». А когда убиваютъ палками котиковъ, то мозгъ брызжетъ во все стороны и глаза у бѣдныхъ животныхъ выскакиваютъ изъ орбитъ. Ссылныхъ, особенно тѣхъ, которые присланы за убійство, должно беречь отъ подобныхъ зрѣлищъ.

*) Благодаря морской капустѣ и сравнительно мягкому климату, юго-западное побережье я считаю единственнѣмъ пока мѣстомъ на

Среди ссыльныхъ много плотниковъ, столяровъ, портныхъ и проч., но большинство ихъ сидитъ безъ дѣла или занимается хлѣбопашествомъ. Одинъ каторжный слесарь дѣлаетъ берданки и уже четыре продалъ на материкъ, другой—дѣлаетъ оригинальныя цѣпочки изъ стали, третій лѣпитъ изъ гипса; но всѣ эти берданки, цѣпочки и очень дорогія шкатулки такъ же мало рисуютъ экономическое положеніе колоніи, какъ и то, что одинъ поселенецъ на югѣ собираетъ по берегу китовую кость, а другой—добываетъ трепангу. Все это случайно. Тѣ изящныя и дорогія подѣлки изъ дерева, которыя были на тюремной выставкѣ, показываютъ только, что на каторгу попадаютъ иногда очень хорошіе столяры; но онѣ не имѣютъ никакого отношенія къ тюрьмѣ, такъ какъ не тюрьма находитъ имъ сбытъ и не тюрьма обучаетъ каторжныхъ мастерствамъ: до послѣдняго времени она пользовалась трудомъ уже готовыхъ мастеровъ. Предложеніе труда мастеровъ значительно превышаетъ спросъ. «Тутъ даже фальшивыхъ бумажекъ сбывать негдѣ»,—сказалъ мнѣ одинъ каторжный. Плотники работаютъ по 20 коп. въ день на своихъ харчахъ, а портные шьютъ за водку*).

Если теперь подвести итогъ доходамъ, какіе получаютъ въ среднемъ ссыльный отъ продажи зерна въ казну, охоты, рыболовства и проч., то получится довольно жалкая цифра: 29 руб. 21 коп. **). Между тѣмъ, каждое хозяйство должно въ казну въ среднемъ 31 р. 51 к. Такъ какъ въ сумму дохода вошли также кормовыя и пособія отъ казны и деньги, полученныя по почтѣ, и такъ какъ доходъ ссыльнаго составляется, главнымъ образомъ, изъ заработковъ,

Сахалинѣ, гдѣ ссыльная колонія возможна. Въ 1885 г. въ одномъ изъ засѣданій «общества изученія Амурскаго края» было прочтено интересное сообщеніе о морской капустѣ теперешняго владѣльца промысла Я. Д. Семенова. Сообщеніе это напечатано во *Владивостокѣ* 1885 г., №№ 47 и 48.

*) До сихъ поръ мастера находили себѣ заработокъ только въ погахъ у чиновниковъ и богатыхъ ссыльныхъ. Къ чести мѣстной интеллигенціи сказать, за услуги мастеровъ она платитъ всегда щедро. О такихъ случаяхъ, какъ докторъ, кладущій въ околотовъ сапожника подъ видомъ больного, чтобы тотъ шилъ для его сына сапоги, или чиновникъ, записывающій къ себѣ въ прислуги модистку, которая нѣтъ даромъ на его жену и дѣтей,—о такихъ случаяхъ говорить здѣсь какъ о печальныхъ исключеніяхъ.

***) По даннымъ инспектора сельскаго хозяйства.

которые даетъ ему казна, платя ему подчасъ умышленно высокую цѣну, то добрая половина дохода оказывается фикціей, и долгъ въ казну, на самомъ дѣлѣ, выше, чѣмъ онъ показанъ.

XIX.

Пища ссыльныхъ.—Что и какъ ѣдятъ арестанты.—Одежда.—Церковь.—Школа.—Грамотность.

Сахалинскій ссыльный, пока состоитъ на казенномъ довольствіи, получаетъ ежедневно: 3 ф. печенаго хлѣба, 40 зол. мяса, около 15 зол. крупы и разныхъ приварочныхъ продуктовъ на 1 копейку; въ постный же день мясо замѣняется 1 фунтомъ рыбы. Для опредѣленія, насколько эта дача согласуется съ истинными потребностями ссыльнаго, далеко недостаточно общепринятаго кабинетнаго пріема, заключающагося въ сравнительной и, притомъ, чисто-внѣшней оцѣнкѣ цифровыхъ данныхъ, относящихся къ пищевому довольствію разныхъ группъ населенія за границей и въ Россіи. Если въ саксонскихъ и прусскихъ тюрьмахъ заключенные получаютъ мясо только три раза въ недѣлю, каждый разъ въ количествѣ, не достигающемъ и $\frac{1}{5}$ фунта, и если тамбовскій крестьянинъ съѣдаетъ 4 ф. хлѣба въ день, то это не значитъ, что сахалинскій ссыльный получаетъ много мяса и мало хлѣба, а значитъ только, что германскіе тюремновѣды боятся быть заподозренными въ ложной филантропіи и что пища тамбовскаго мужика отличается большимъ содержаніемъ хлѣба. Очень важно въ практическомъ отношеніи, чтобы оцѣнка пищевыхъ порціоновъ какой-либо группы населенія начиналась не съ количественнаго, а качественного ихъ анализа, и при этомъ изучались бы естественныя и бытовыя условія, при которыхъ эта группа живетъ; безъ строгой же индивидуализаціи рѣшеніе вопроса будетъ односторонне и убѣдительно, пожалуй, для однихъ только формалистовъ.

Однажды я и инспекторъ сельскаго хозяйства г. фонъ-Фрикенъ возвращались изъ Краснаго Яра въ Александровскъ: я въ тарантасѣ, онъ верхомъ. Было жарко, а въ тайгѣ душно. Арестанты, работавшіе на дорогѣ между постомъ и Краснымъ Яромъ безъ шапокъ и въ мокрыхъ отъ поту рубахахъ, когда я поровнялся съ ними, неожиданно, принявъ меня, вѣроятно, за чиновника, остановили моихъ

лошадей и обратились ко мнѣ съ жалобой на то, что имъ выдаютъ хлѣбъ, котораго нѣтъ возможности ѣсть. Когда я сказалъ, что лучше бы имъ обратиться къ начальству, то мнѣ отвѣтили:

— Мы говорили старшему надзирателю Давыдову, а онъ намъ: вы—бунтовщики.

Хлѣбъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, ужасный. При взломѣ онъ отсвѣчивалъ на солнцѣ мельчайшими капельками воды, прилипать къ пальцамъ и имѣть видъ грязной, ослизлой массы, которую неприятно было держать въ рукахъ. Мнѣ было поднесено нѣсколько порцій, и весь хлѣбъ былъ одинаково недопеченъ, изъ дурно смолотой муки и, очевидно, съ невѣроятнымъ припекомъ. Пекли его въ Ново-Михайловкѣ подъ наблюденіемъ старшаго надзирателя Давыдова.

3 фунта хлѣба, входящіе въ пищевой пай, очень часто, вслѣдствіе злоупотребленій припекомъ, содержатъ муки гораздо меньше, чѣмъ слѣдуетъ по табели *). Хлѣбонекки-каторжные въ только-что упомянутой Ново-Михайловкѣ свою порцію хлѣба продавали, а сами питались избыткомъ, который получался отъ припека. Въ Александровской тюрьмѣ, тѣ, которые довольствуются изъ котла, получаютъ порядочный хлѣбъ, живущимъ же по квартирамъ выдается хлѣбъ похуже, а работающимъ виѣ поста—еще хуже; другими словами, хорошъ только тотъ хлѣбъ, который можетъ показаться на глаза начальнику округа или смотрителю. Чтобы увеличить припекъ, хлѣбонекки и надзиратели, прикосновенные къ пищевому довольствію, пускаются на разныя ухищренія, выработанныя еще сибирской практикой, изъ которыхъ, на примѣръ, обвариваніе муки кипяткомъ—одно изъ самыхъ невинныхъ; чтобъ увеличить вѣсъ хлѣба, когда-то въ Тымовскомъ округѣ муку мѣшали съ просѣянной глиной. Злоупотребленія подобнаго рода совершаются тѣмъ легче, что чиновники не могутъ цѣлый день сидѣть въ пекарнѣ и сторожить или осматривать каждую порцію,

---

*) Табелъ о довольствіи ссыльно-каторжныхъ мужчинъ и женщинъ пищею составлена на основаніи Высочайше утвержденного 31 июля 1871 г. положенія о провіантскомъ и приварочномъ довольствіи войскъ.

а жалобъ со стороны арестантовъ почти никогда не бываетъ *).

Независимо отъ того, хорошъ хлѣбъ или плохъ, съѣдается обыкновенно не весь паекъ. Арестантъ ѣсть его съ расчетомъ, такъ какъ, по обычаю, давно уже установившемуся въ нашихъ тюрьмахъ и въ ссылки, казенный хлѣбъ служить чѣмъ-то въ родѣ ходячей размѣнной монеты. Хлѣбомъ арестантъ платитъ тому, кто убираетъ камеру, кто работаетъ вмѣсто него, кто мирволитъ его слабостямъ; хлѣбомъ онъ платитъ за иголки, нитки и мыло; чтобы разнообразить свою скудную, крайне однообразную, всегда соленую пищу, онъ копитъ хлѣбъ и потомъ мѣняетъ въ майданѣ на молоко, бѣлую булку, сахаръ, водку... Кавказскіе уроженцы въ большинствѣ болѣютъ отъ черного хлѣба и стараются поэтому спускать его. И такимъ образомъ, если слѣдуемые по табели три фунта кажутся вполне достаточными въ количественномъ отношеніи, то, при знакомствѣ съ качествомъ хлѣба и съ бытовыми условіями тюрьмы, это достоинство найка становится призрачнымъ и цифры уже теряютъ свою силу. Мясо употребляется въ пищу только соленое, рыба также **); даютъ ихъ въ варе-

*) Припекъ — это демонъ-искуситель, передъ чарами котораго устоять, какъ оказывается, очень трудно. Благодаря ему, очень многіе потеряли совѣсть и даже жизнь. Смотритель Селивановъ, о которомъ я упоминалъ уже, палъ жертвой припека, такъ какъ былъ убитъ хлѣбнекомъ-кагорнымъ, котораго распекать за то, что у того выходило мало припеку. Въ самомъ дѣлѣ, есть изъ-за чего похлопотать. Положимъ, что въ Александровской тюрьмѣ пекутъ хлѣбъ для 2.870 человекъ. Если удержатъ съ каждого пайка только по 10 зол., то получится около 300 фунтовъ въ день. Вообще, операции съ хлѣбомъ очень выгодны. Такъ, напримѣръ, чтобы сдѣлать растрату 10 тысячъ пудовъ муки и потомъ покрыть ее исподволь мукою же, удерживаемою по золотникамъ съ арестантскихъ пайковъ, достаточно 2 3 лѣтъ.

Поликовъ писалъ: «Хлѣбъ въ Мало-Тымовскомъ поселеніи былъ до такой степени плохъ, что не всякая собака ртыается ѣсть его; въ немъ была масса перемолотыхъ, цѣлыхъ зеренъ, мяквы и соломы; одинъ изъ присутствовавшихъ при осмотрѣ хлѣба моихъ сотоварищей справедливо замѣтилъ: «Да, этимъ хлѣбомъ такъ же легко завязать всѣ зубы, какъ в пайти въ нихъ зубочистку для ихъ очистки».

***) Случается, въ тюрьмѣ варятъ похлебку изъ свѣжаго мяса; это значитъ, что медвѣдь задралъ корову или произошло какое-нибудь несчастіе съ казеннымъ быкомъ или коровой. Но къ подобной убоинѣ

номъ видѣ, въ супѣ. Тюремный супъ или похлебка представляетъ полужидкую кашу отъ разварившейся крупы и картофеля, въ которой плаваютъ красные кусочки мяса или рыбы и которую хвалятъ нѣкоторые чиновники, но сами не рѣшаются ѣсть. Супъ, даже тотъ, который варятъ для больныхъ, имѣетъ очень соленый вкусъ. Ожидаютъ ли въ тюрьмѣ посѣтителей, виденъ ли на горизонтѣ пароходный дымокъ, поругались ли въ кухнѣ надзиратели или кашевары,—все это обстоятельства, которыя имѣютъ вліяніе на вкусъ супа, его цвѣтъ и запахъ; послѣдній часто бываетъ противенъ, и даже перецъ и лавровый листъ не помогаютъ. Особенно дурною славой въ этомъ отношеніи пользуется супъ изъ соленой рыбы—и понятно почему; во-первыхъ, этотъ продуктъ легко портится и потому обыкновенно спѣшать пускать въ дѣло ту рыбу, которая уже начала портиться; во-вторыхъ, въ котелъ поступаетъ и та большая рыба, которую въ верховьяхъ ловятъ каторжные поселенцы. Въ Корсаковской тюрьмѣ одно время кормили арестантовъ супомъ изъ соленой селедки; по словамъ завѣдующаго медицинской частью, супъ этотъ отличался безвкусіемъ, селедка очень скоро разваривалась на мелкіе кусочки, присутствіе мелкихъ костей затрудняло проглатываніе и производило катарры желудочно-кишечнаго канала. Какъ часто арестанты выплескиваютъ изъ мисокъ супъ, за невозможностью ѣсть его, неизвѣстно, но это бываетъ *).

Какъ ѣдятъ арестанты? Столовыхъ нѣтъ. Въ полдень къ бараку или пристройкѣ, въ которой помѣщается кухня, тянутся арестанты гусемъ, какъ къ желѣзнодорожной касѣ. У каждаго въ рукахъ какая-нибудь посуда. Къ этому времени

арестанты часто относятся какъ къ падали и отказываются ѣсть ее. Вотъ еще строки изъ Полякова: «Очень нехороша была также и мѣстная солонина; она готовилась изъ мяса казенныхъ быковъ, истощенныхъ работой на плохихъ и трудныхъ дорогахъ и убитыхъ нерѣдко накапунъ погибели, если имъ не перерѣзывалось горло полупздохшимъ». Во время хода періодической рыбы арестантовъ кормятъ свежей рыбой, отпуская по одному фунту на человека.

*) Все это администраціи извѣстно. По крайней мѣрѣ, вотъ мнѣніе на этотъ счетъ самого начальника острова: «Въ мѣстныхъ операціяхъ по приварочному довольствію каторжныхъ есть обстоятельства, невольно набрасывающія на это дѣло сомнительную тѣнь» (приказъ № 314-й, 1888 г.). Если чиновникъ говоритъ, что онъ цѣлую недѣлю или мѣсяцъ питался арестантскою пищей и чувствовалъ себя прекрасно, то это значитъ, что въ тюрьмѣ для него готовили себѣ,

супъ обыкновенно бываетъ уже готовъ и, разваренный, «прѣтъ» въ закрытыхъ котлахъ. У кашевара къ длинной палкѣ придѣланъ «бочокъ», которымъ онъ черпаетъ изъ котла и каждому подходящему наливаетъ порцію, причемъ онъ можетъ зачерпнуть бочкомъ сразу двѣ порціи мяса или ни одного кусочка, смотря по желанію. Когда, наконецъ, подходятъ самые задніе, то супъ уже не супъ, а густая, тепловатая масса на днѣ котла, которую приходится разбавлять водой *). Получивъ свои порціи, арестанты идутъ прочь: одни ѣдятъ на ходу, другіе сидя на землѣ, третьи у себя на нарахъ. Надзора за тѣмъ, чтобы всѣ непременно ѣли, не продавали и не мѣняли своихъ порцій, нѣтъ. Никто не спрашиваетъ о томъ, всѣ ли обѣдали, не заснулъ ли кто и если тѣмъ, которые распоряжаются въ кухнѣ, сказать, что на каторгѣ, въ средѣ угнетенныхъ и нравственно исковерканныхъ людей, не мало такихъ, за которыми надо слѣдить, чтобы они ѣли, и даже кормить ихъ насильно, то это замѣчаніе вызоветъ только недоумѣлое выраженіе на лицахъ и отвѣтъ: «Не могу знать, ваше высокоблагородіе!»

Изъ тѣхъ, которые получаютъ казенный пай, довольствуются изъ тюремнаго котла только 25—40% **), остальнымъ же провизія выдается на руки. Это большинство дѣлится на двѣ категоріи: одни съѣдаютъ пай у себя на квартирахъ со своими семьями или половинщиками, другіе, командированные на работы далеко за предѣлы тюрьмы, съѣдаютъ его тамъ, гдѣ работаютъ. Каждый рабочій изъ второй категоріи, по окончаніи рабочаго урока, варитъ для себя обѣдъ отдѣльно въ жестяномъ котелкѣ, если не мѣшаетъ дождь и если послѣ тяжелой работы не клонить ко сну; онъ усталъ, голоденъ, и часто, чтобы не хлопотать долго, съѣдаетъ соленое мясо и рыбу въ сыромъ видѣ. Если онъ уснулъ во время обѣда, продалъ или проигралъ въ карты свой пай, или

*) Какъ легко кашеварамъ ошибиться и приготовить по объему больше или меньше порцій, видно изъ тѣхъ количествъ, которыя владутся въ котель. Въ Александровской тюрьмѣ 3 мая 1890 г. довольствовалось изъ котла 1.279 чел.; въ котлы было положено: 13½ пуд. мяса, 5 пуд. рису, 1½ пуд. муки на подболтку, 1 пуд. соли, 24 пуд. картофеля, 1/3 ф. лавроваго листу и 2/3 ф. перцу; въ той же тюрьмѣ 29 сентября для 675 человекъ: 17 п. рыбы, 3 п. крупы, 1 п. муки, 3/2 п. соли, 12½ п. картофеля, 1/6 ф. листу и 1/3 ф. перцу.

**) 3 мая въ Александровской тюрьмѣ изъ 2.870 ч. довольствовались изъ котла 1.279, а 29 сентября изъ 2.432 ч. только 675.

испортилась у него провизія, размокъ на дождѣ хлѣбъ, то все это не касается надзора. Случается, нѣкоторые съѣдаютъ трехъ- и четырехдневную дачу въ одинъ день, а затѣмъ ѣдятъ только хлѣбъ или голодаютъ, причемъ, по словамъ завѣдующаго медицинскою частью, работая на берегу моря и рѣкъ, не брезгаютъ выброшенными ракушками и рыбой, а тайга даетъ различные корни, подчасъ ядовитые. Работавшіе въ рудникахъ, по свидѣтельству горнаго инженера Кеппена, ѣли сальные свѣчи *).

*) Администрація и мѣстные врачи находятъ довольствіе, получаемое арестантами, недостаточнымъ и въ количественномъ отношеніи. По даннымъ, взятымъ мною изъ медицинскаго отчета, най содержится въ граммахъ: бѣла — 142,9, жировъ — 37,4, углеводовъ — 659,9 въ скромные дни и 164,3, 40,0 и 671,4 — въ постные. По Эрпсману, скромная пища нашихъ фабричныхъ содержитъ жировъ 79,3, а постная — 67,4 гр. Чѣмъ больше человекъ работаетъ, чѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе физическое напряженіе, тѣмъ больше, по правиламъ гигиены, онъ долженъ получать жировъ и углеводовъ. О томъ, какъ мало надежды можно возлагать въ этомъ отношеніи на хлѣбъ и супъ, читатель можетъ судить по всему вышесказанному. Рудничные арестанты въ четыре лѣтніе мѣсяца получаютъ успешное довольствіе, состоящее изъ 4 ф. хлѣба, и 1 ф. мяса и 24 золот. крупы; по ходатайству мѣстной администраціи, такую же порцію стали называть и тѣмъ рабочимъ, которые заняты на дорожныхъ работахъ. Въ 1887 г. на Сахалинѣ, по мысли начальника главнаго тюремнаго управленія, былъ поднятъ вопросъ «о возможности измѣненія существующей на о. Сахалинѣ табели съ цѣлью удешевленія стоимости продовольствія сельско-каторжныхъ безъ ущерба для питанія организма», и были произведены опыты продовольствія по способу, рекомендованному Доброславнинымъ. Покойный профессоръ, какъ видно изъ его рапорта, находилъ неудобнымъ «ограничивать размѣръ пищи, уже столько лѣтъ выдаваемой сельско-каторжнымъ, не входя въ ближайшее изученіе тѣхъ условій работы и содержанія, въ которыхъ эти арестанты поставлены, такъ какъ едва ли можно составить здѣсь точное понятіе о качествахъ того мяса и хлѣба, которые на мѣстѣ выдаются»; тѣмъ не менѣе, все-таки онъ находилъ возможнымъ ограниченіе въ году употребленія дорогихъ мясныхъ порцій и предложилъ три табели: двѣ скоромныхъ и одну постную. На Сахалинѣ эти табели были предложены на разсмотрѣніе комиссіи, назначенной подъ предѣтельствомъ завѣдующаго медицинскою частью. И сахалинскіе врачи, участвовавшіе въ ней, оказались на высотѣ своего призванія. Они, не обинуясь, заявили, что, въ виду условій работъ на Сахалинѣ, суроваго климата, усиленнаго труда во всякое время года и при всякой погодѣ, отнускаемаго теперь довольствія недостаточно, что продовольствіе по табелямъ проф. Доброславнина, несмотря даже на сокращеніе мясныхъ порцій, обойдется гораздо дороже, чѣмъ по существующей табели. Отвѣчая на главный пунктъ вопроса, касающійся удешевленія порцій, они предложили свои собственныя табели, кото-

Поселенцы въ первые два и рѣдко три года по увольне-
ніи отъ работъ получаютъ довольствіе отъ казны и затѣмъ
кормятся на свой счетъ и свой страхъ. Цифръ или какихъ-
нибудь документальныхъ данныхъ, относящихся къ питанію
поселенцевъ, нѣтъ ни въ литературѣ, ни въ канцеляріяхъ;
но если судить по личнымъ впечатлѣніямъ и тѣмъ отрывоч-
нымъ свѣдѣніямъ, какія можно собрать на мѣстѣ, то глав-
ную пищу въ колоніи составляетъ картофель. Онъ и еще
корнеплоды, какъ рѣпа и брюква, часто бываютъ единствен-
ною пищей семьи въ теченіе очень долгаго времени. Свѣжую
рыбу ѣдятъ только во время хода ея, соленая же доступна
по цѣнѣ только болѣе зажиточнымъ *). О мясѣ и говорить
нечего. Тѣ, которые имѣютъ коровъ, предпочитаютъ про-
давать молоко, чѣмъ ѣсть его; держатъ они его не въ гли-
няной посудѣ, а въ бутылкахъ — признакъ, что оно про-
дается. Вообще, продукты своего хозяйства поселенецъ про-
дастъ очень охотно, даже въ ущербъ своему здоровью, такъ
какъ, по его соображеніямъ, деньги ему нужнѣе здоровья:
не сконивши денегъ, не уѣдешь на материкъ, а наѣсться до-
сыта и поправить здоровье можно будетъ со временемъ, на
волѣ. Изъ некультурныхъ растений употребляютъ въ пищу
черемша и разныя ягоды, какъ мороника, голубика, клюква,
моховка и проч. Можно сказать, что ссыльные, живущіе въ
колоніи, ѣдятъ исключительно растительную пищу, и это
справедливо, по крайней мѣрѣ, для громаднаго большинства.
Во всякомъ случаѣ, пища ихъ отличается скуднымъ со-
держаніемъ жировъ, и въ этомъ отношеніи они едва ли
счастливѣе тѣхъ, которые довольствуются изъ тюремнаго
котла **).

рыи, однако, общали совсѣмъ не тѣ сбереженія, какихъ хотѣло
тюремное вѣдомство. «Сбереженія матеріальнаго не будетъ,—писали
они:—но взамѣнъ того можно ожидать улучшенія количества и каче-
ства арестантскаго труда, уменьшенія числа больныхъ и слабосиль-
ныхъ, подымется общее состояніе здоровья арестантовъ, что отра-
зится благоприятно и на колонизаціи Сахалина, давъ для этой цѣли
полныхъ силъ и здоровья поселенцевъ». Это *Дѣло канцеляріи на-
чальника о-ва Сахалина* объ измѣненіи таблицы съ цѣлью удешевле-
нія содержитъ въ себѣ 20 всевозможныхъ рапортовъ, отношеній и
актовъ и заслуживаетъ, чтобы съ нимъ короче познакомились лица,
интересующіяся тюремною гигиеной.

*) Въ лавочкахъ копченая кѣта продается по 30 к. за штуку.

***) Здѣшніе инородцы, какъ я уже говорилъ, употребляютъ въ
пищу очень много жировъ, и это, несомнѣнно, помогаетъ имъ въ

Одежды и обуви арестанты, повидимому, получают достаточно. Каторжнымъ, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, выдается по армяку и полушубку ежегодно. между тѣмъ, солдатъ, который работаетъ на Сахалинѣ не меньше каторжнаго, получаетъ мундиръ на три, а шинель на два года; изъ обуви арестантъ изнашиваетъ въ годъ четыре пары чирковъ и двѣ пары бродней, солдатъ же — одну пару голенищъ и 2½ подошвъ. Но солдатъ поставленъ въ лучшія санитарныя условія, у него есть постель и мѣсто, гдѣ можно въ дурную погоду обсушиться, каторжный же поневолѣ долженъ гнить свое платье и обувь, такъ какъ, за неимѣніемъ постели, спать на армякѣ и на всякихъ обноскахъ, гниющихъ и своими испареніями портящихъ воздухъ, а обсушиться ему негдѣ; зачастую онъ и спитъ въ мокрой одеждѣ, такъ что, пока каторжнаго не поставятъ въ болѣе человѣческія условія, вопросъ, насколько одежда и обувь удовлетворяютъ въ количественномъ отношеніи, будетъ открытымъ. Что касается качества, то тутъ повторяется та же исторія, что съ хлѣбомъ: кто живетъ передъ глазами у начальства, тотъ получаетъ лучшее платье, кто же въ командировкѣ, тотъ — худшее *).

Теперь о духовной жизни, объ удовлетвореніи потребностей высшаго порядка. Колонія называется исправительной, но такихъ учрежденій или лицъ, которыя специально занимались бы исправленіемъ преступниковъ, на Сахалинѣ нѣтъ; нѣтъ также на этотъ счетъ какихъ-либо инструкцій и статей въ *Уставѣ о ссыльныхъ*, кромѣ немногихъ указаній на случаи, когда конвойный офицеръ или унтеръ-офицеръ мо-

борьбъ съ низкою температурой и чрезмерною влажностью. Мигъ говорилъ, что гдѣ-то по восточному побережью или на соседнихъ островахъ промышленники-русскіе тоже уже начинаютъ мало-по-малу употреблять въ пищу китовый жиръ.

*) Когда капитанъ Машинскій дѣлалъ просьбу для телеграфа вдоль Поронная, то его рабочимъ-каторжнымъ были присланы короткія рубахи, которыя были впору только дѣтямъ. Арестантское платье отличается рутиннымъ, неуклюжимъ покроемъ, который стѣсняетъ въ движеніяхъ рабочаго человѣка, и потому во время нагрузки парохода или на дорожныхъ работахъ вы не встрѣтите каторжнаго, одѣтаго въ длиннополый армякъ или халатъ; но неудобства отъ покроя на практикѣ легко устраняются продажей и мѣной. Такъ какъ самымъ удобнымъ для работы и вообще для жизни является обыкновенный крестьянскій покрой, то большинство ссыльныхъ ходитъ въ вольномъ платьѣ.

жить употребить противъ ссыльнаго оружіе, или когда священникъ долженъ «назидать въ обязанностяхъ вѣры и нравственности», объяснять ссыльнымъ «важность даруемаго облегченія» и т. п.; нѣтъ на этотъ счетъ и какихъ-либо опредѣленныхъ воззрѣній; но принято думать, что первенство въ дѣлѣ исправленія принадлежитъ церкви и школѣ, а затѣмъ свободной части населенія, которая своимъ авторитетомъ, тактомъ и личнымъ примѣромъ значительно можетъ способствовать смягченію нравовъ.

Въ церковномъ отношеніи Сахалинъ составляетъ часть епархіи епископа камчатскаго, курильскаго и благовѣщенскаго *). Епископы неоднократно посѣщали Сахалинъ, путешествуя съ такою же простотою и прегерпывая на пути такія же неудобства и лишенія, какъ обыкновенные священники. Въ свои пріѣзды, при закладкѣ церквей, освященіи различныхъ зданій **) и обходѣ тюремъ, они обращались къ ссыльнымъ со словами утѣшенія и надежды. О характерѣ ихъ направляющей дѣятельности можно судить по слѣдующей выдержкѣ изъ резолюціи преосвященнаго Гурія на одномъ изъ актовъ, хранящихся въ корсаковской церкви: «Если не во всѣхъ у нихъ (т. е. ссыльныхъ) имѣются вѣра и раскаяніе, то, во всякомъ случаѣ, у многихъ, что мною лично было усмотрѣно: не что иное, а именно чувство раскаянія и вѣра заставляли ихъ горько плакать, когда я поучалъ ихъ въ 1887 и 1888 гг. Назначеніе тюрьмы, кромѣ кары за преступленія, состоитъ и въ возбужденіи нравственно-добрыхъ чувствъ въ заключенныхъ, особенно, чтобы они, въ такой своей участи, не дошли до совершеннаго отчаянія». Этотъ взглядъ былъ присущъ и младшимъ представителямъ церкви; сахалинскіе священники всегда держались въ сторонѣ отъ наказанія и относились къ ссыльнымъ не какъ къ преступникамъ, а какъ къ людямъ, и въ этомъ отношеніи проявили большіе такта и пониманія своего долга, чѣмъ врачи или агрономы, которые часто вмѣшивались не въ свое дѣло.

Въ исторіи сахалинской церкви до сихъ поръ самое видное мѣсто занимаетъ о. Симеонъ Казанскій, или, какъ его

*) Такъ какъ Курильскіе острова отошли къ Японіи, то епископу правильнѣе именоваться теперь сахалинскимъ.

***) Объ освященіи еписк. Мартиніаномъ Крильонскаго маяка см. *Владивостокъ* 1883 г., № 28.

называло населеніе, погъ Семень, бывшій въ семидесятихъ годахъ священникомъ анивской или корсаковской церкви. Онъ работалъ въ тѣ еще «доисторическія» времена, когда въ Южномъ Сахалинѣ не было дорогъ и русское населеніе, особенно военное, было разбросано небольшими группами по всему югу. Почти все время погъ Семень проводилъ въ пустынѣ, передвигаясь отъ одной группы къ другой на собакахъ и оленяхъ, а лѣтомъ по морю на парусной лодкѣ, или шбшкомѣ, черезъ тайгу; онъ замерзаль, заносило его снѣгомъ, захватывали по дорогѣ болѣзни, дожимали комары и медвѣди, опрокидывались на быстрыхъ рѣкахъ лодки и приходилось купаться въ холодной водѣ; но все это переносилъ онъ съ необыкновенною легкостью, пустыню называлъ любезной и не жаловался, что ему тяжело живется. Въ личныхъ сношеніяхъ съ чиновниками и офицерами онъ держалъ себя какъ отличный товарищъ, никогда не отказывался отъ компаніи и среди веселой бесѣды умѣлъ кетати вставить какой-нибудь церковный текстъ. О каторжныхъ онъ судилъ такъ: «Для Создателя міра мы все равны», и это — въ официальной бумагѣ *). Въ его время сахалинскія церкви были бѣдно обставлены. Какъ-то, освящая иконостасъ въ анивской церкви, онъ такъ выразился по поводу этой бѣдности: «У насъ нѣтъ ни одного колокола, нѣтъ богослужебныхъ книгъ, но для насъ важно то, что есть Господь на мѣстѣ семъ». Я уже упоминалъ о немъ при описаніи Поповскихъ Юртъ. Слухъ о немъ черезъ солдатъ и ссыльныхъ прошелъ по всей Сибири и погъ Семень теперь на Сахалинѣ и далеко кругомъ — легендарная личность.

Въ настоящее время на Сахалинѣ четыре приходскихъ церкви: въ Александровскѣ, Дуэ, Рыковскомъ и Корсаковскѣ **). Церкви вообще не бѣдны, священникамъ пола-

*) Оригиналенъ тогъ его бумагъ. Просилъ у начальства себѣ на помощь каторжнаго для исполненія должности причетника, онъ писалъ: «Что же касается до того, почему у меня нѣтъ штатнаго причетника, то это объясняется тѣмъ, что пхъ въ конепсторіи налицо нѣтъ, да если бы и были, то при условіяхъ житія-бытія здѣшняго духовенства псаломщику невозможно существовать. Прѣжнее миновалось. Скоро, вѣжеться, и мнѣ придется изъ Корсакова удалиться въ мою любезную пустыню и сказать намъ: се оставляю домъ вашъ пустъ».

**) Въ районѣ Рыковского прихода есть еще церковь въ Мало-Тымовѣ, гдѣ бываетъ служба только въ храмовой праздникъ въ день

гается жалованья по тысячѣ рублей въ годъ, въ каждомъ приходѣ есть хоръ пѣвчихъ, поющихъ по нотамъ и одѣтыхъ въ парадные кафтаны. Служба бываетъ только по воскресеньямъ и большимъ праздникамъ; наканунѣ служатъ все-нощную и затѣмъ въ 9 часовъ утра обѣдню; вечерни не бываетъ. Какихъ-либо особыхъ обязанностей, обусловленныхъ исключительнымъ составомъ населенія, мѣстные батюшки не несутъ и ихъ дѣятельность такъ же обычна, какъ нашихъ сельскихъ священниковъ, т. е. заключается только въ церковныхъ службахъ по праздникамъ, требоухъ и школьныхъ занятіяхъ. О какихъ-либо собесѣдованіяхъ, увѣщеваніяхъ и т. п. мнѣ не приходилось слышать *).

Въ великомъ посту каторжные говѣютъ; на это дается имъ три утра. Когда говѣютъ кандальныя или живущіе въ

Антоія Великаго, и въ районѣ Корсаковского—три часовни: во Владимировкѣ, Крестахъ и Галкинѣ-Враскомъ. Всѣ сахалинскія церкви и часовни построены на тюремныя средства, трудами ссыльныхъ, только одна корсаковская—на средства, пожертвованныя командами *Всадника* и *Востока* и военными, жившими въ посту.

*) Проф. Владимировъ въ своемъ учебникѣ уголовного права говоритъ, что каторжникамъ о переводѣ ихъ въ разрядъ исправляющихся объявляется съ нѣкоторою торжественностью. Вѣроятно, онъ имѣетъ въ виду 301 ст. *Устава о ссыльныхъ*, по которой каторжному о переводѣ его въ названный разрядъ объявляется въ присутствіи высшаго тюремнаго начальства и приглашеннаго къ тому духовнаго лица, которое и проч. Но на практикѣ эта статья неудобно исполнима, такъ какъ духовное лицо пришлось бы приглашать каждый день; да и подобнаго рода торжественность какъ-то не вижется съ рабочею обстановкой. Также не исполняется на практикѣ законъ объ освобожденіи арестантовъ отъ работъ въ праздникъ, по которому исправляющіеся должны быть чаще освобождаемы, чѣмъ испытуемые. Такое дѣленіе каждый разъ требовало бы много времени и хлопотъ.

Необычно въ дѣятельности мѣстныхъ священниковъ развѣ лишь то, что нѣкоторые изъ нихъ несутъ миссіонерскія обязанности. При мнѣ еще на Сахалинѣ находился іеромонахъ Ираклій, родомъ бурятъ, безъ бороды и усовъ, изъ Посольскаго монастыря, что въ Забайкальѣ; онъ пробылъ на Сахалинѣ 8 лѣтъ и въ послѣдніе годы былъ священникомъ въ Рыковскомъ приходѣ. По обязанности миссіонера онъ ѣздилъ разъ или два въ годъ къ Ныйскому заливу и по Пороною крестить, приобщать и вѣнчать инородцевъ. Имъ было просвѣщено до 300 орочей. Конечно, въ путешествіяхъ по тайгѣ, да еще зимою, о какихъ-либо удобствахъ нельзя было и думать. На ночь о. Ираклій залгвалъ обыкновенно въ мѣшокъ изъ бараньей шкуры; въ мѣшкѣ у него были и табакъ, и часы. Спутники его раза два-три въ ночь зажигали костеръ и согрѣвались чаемъ, а онъ спалъ въ мѣшкѣ всю ночь.

Воеводской и Дуйской тюрьмахъ, то вокругъ церкви стоятъ часовые, и это, говорятъ, производитъ удручающее впечатлѣніе. Каторжные чернорабочіе обыкновенно въ церковь не ходятъ, такъ какъ каждымъ праздничнымъ днемъ пользуются для того, чтобы отдохнуть, починиться, сходить по ягоды; къ тому же, церкви здѣшнія тѣсны и какъ-то само собою установилось, что ходить въ церковь могутъ только одѣтые въ вольное платье, т. е. одна такъ-называемая чистая публика. При мнѣ, напримѣръ, въ Александровскѣ всякій разъ во время обѣдни переднюю половину церкви занимали чиновники и ихъ семьи; затѣмъ слѣдоваль пестрый рядъ солдатокъ, надзирательскихъ женъ и женщинъ свободнаго состоянія съ дѣтьми, затѣмъ надзиратели и солдаты, и уже позади всѣхъ у стѣны поселенцы, одѣтые въ городское платье, и каторжные писаря. Можно ли, если пожелаетъ, каторжный съ бритою головою, съ однимъ или двумя тузами на спинѣ, закованный въ кандалы или прикованный къ тачкѣ, пойти въ церковь? Одинъ изъ священниковъ, которому я задалъ этотъ вопросъ, отвѣтилъ мнѣ: «Не знаю».

Поселенцы говѣютъ, вѣнчаются и дѣтей крестятъ въ церквахъ, если живутъ близко. Въ дальнія селенія ѣздить сами священники и тамъ «постятъ» ссыльныхъ и кстати ужъ исполняютъ другія требы. У о. Ираклія были «викаріи» въ Верхнемъ Армуданѣ и въ Мало-Тимовѣ, каторжные Воронинъ и Яковенко, которые по воскресеньямъ читали часы. Когда о. Ираклій прѣзжалъ въ какое-нибудь селеніе служить, то мужикъ ходилъ по улицамъ и кричалъ во все горло: «Вылазь на молитву!» Гдѣ нѣтъ церквей и часовень, тамъ служатъ въ казармахъ или избахъ.

Когда я жилъ въ Александровскѣ, какъ-то вечеромъ зашелъ ко мнѣ здѣшній священникъ, о. Егоръ, и, посидѣвши немного, отправился въ церковь вѣнчать. И я пошелъ съ нимъ. Въ церкви уже заигали паникадило и пѣвчіе съ равнодушными лицами стояли на клиросѣ въ ожиданіи молодыхъ. Было много женщинъ, каторжныхъ и свободныхъ, съ нетерпѣніемъ поглядывавшихъ на двери. Слышалось шушуканье. Вотъ кто-то у дверей взмахнулъ рукой и шепнулъ встревоженно: «Ѣдутъ!» Пѣвчіе стали откашливаться. Отъ дверей хлынула волна, кто-то строго крикнулъ, и, наконецъ, вошли молодые: наборщикъ-каторжный, дѣтъ 25,

въ пиджакѣ, съ накрахмаленными воротничками, загнутыми на углахъ, и въ бѣломъ галстукѣ, и женщина-каторжная, года на 3—4 старше, въ синемъ платьѣ съ бѣлыми кружевами и съ цвѣткомъ на головѣ. Постлали на ковръ платокъ; женихъ первый ступилъ на него. Шафера, наборщики, тоже въ бѣлыхъ галстукахъ. О. Егоръ вышелъ изъ алтаря, долго перелистывалъ на аналоѣ книжку. «Благословенъ Богъ нашъ...»—возгласилъ онъ, и вѣнчаніе началось. Когда священникъ возлагалъ на головы жениха и невесты вѣнцы и просилъ Бога, чтобы Онъ вѣнчалъ ихъ славою и честью, то лица присутствовавшихъ женщинъ выражали умиленіе и радость, и, казалось, было забыто, что дѣйствіе происходитъ въ тюремной церкви, на каторгѣ, далеко-далеко отъ родины. Священникъ говорилъ женуху: «Возвеличися, женише, яко же Авраамъ...» Когда же послѣ вѣнчанія церковь опустѣла и запахло гарью отъ свѣчей, которыя слѣшили тушить сторожъ, то стало грустно. Вышли на паперть. Дождь. Около церкви, въ потемкахъ, толпа, два тарантаса: на одномъ молодые, другой—порожнемъ.

— Батюшка, пожалуйста!—раздаются голоса, и къ о. Егору протягиваются изъ потемокъ десятки рукъ, какъ бы для того, чтобы схватить его.—Пожалуйте! Удостоите!

О. Егора посадили въ тарантасъ и повезли къ молодымъ.

8 сентября, въ праздникъ, я послѣ обѣдни выходилъ изъ церкви съ однимъ молодымъ чиновникомъ, и какъ разъ въ это время несли на носилкахъ покойника; несли четверо каторжныхъ, оборванные, съ грубыми испитыми лицами, похожіе на нашихъ городскихъ нищихъ; слѣдомъ шли двое такихъ же, запасныхъ, женщина съ двумя дѣтьми и черный грузинъ Келбокіани, одѣтый въ вольное платье (онъ служить писаремъ и зовутъ его княземъ), и всѣ, повидимому, слѣшили, боясь не застать въ церкви священника. Отъ Келбокіани мы узнали, что умерла женщина свободнаго состоянія Ляликова, мужъ которой, поселенецъ, уѣхалъ въ Николаевскъ; послѣ нея осталось двое дѣтей, и теперь онъ, Келбокіани, жившій у этой Ляликовой на квартирѣ, не знаетъ, что ему дѣлать съ дѣтьми.

Мнѣ и моему спутнику дѣлать было нечего и мы пошли на кладбище вперёдъ, не дожидаясь, пока отпоютъ. Кладбище въ верстѣ отъ церкви, за слободкой, у самаго моря, на высокой крутой горѣ. Когда мы поднимались на гору,

похоронная процессія уже догонила насъ: очевидно, на отпѣваніе потребовалось всего 2—3 минуты. Сверху намъ было видно, какъ вздрагивать на носилкахъ гробъ, и мальчикъ, котораго вела женщина, отставалъ, оттягивая ей руку.

Съ одной стороны широкой видъ на постъ и его окрестности, съ другой—море, спокойное, сіяющее отъ солнца. На горѣ очень много могилъ и крестовъ. Вотъ два высокихъ креста рядомъ: это могилы Мицуля и смотрителя Селиванова, убитаго арестантомъ. Маленькіе кресты, стоящіе на могилахъ каторжниковъ,—всѣ подъ одинъ образецъ, и всѣ нѣмы. Мицуля будутъ еще помнить нѣкоторое время, всѣхъ же этихъ, лежащихъ подъ маленькими крестами, убивавшихъ, бѣжавшихъ, бряцавшихъ кандалами, никому нѣтъ надобности помнить. Развѣ только гдѣ-нибудь въ русской степи у костра или въ лѣсу старый обозчикъ станеть рассказывать отъ скуки, какъ въ ихъ деревнѣ разбойничаль такой-то; слушатель, взглянувъ на потемки, вздрогнетъ, крикнетъ при этомъ ночная птица.—вотъ и всѣ поминки. На крестѣ, гдѣ похороненъ ссыльный фельдшеръ, стихи:

Прохожій! Пусть тебѣ напомнитъ этотъ стихъ,
Что все на часъ подъ небесами, и т. д.

А въ концѣ:

Прости, товарищъ мой, до радостнаго утра!
—Е. Федоровъ.

Въ свѣже-вырытой могилѣ на четверть вода. Каторжные, захывавшись, съ потными лицами, громко разговаривая о чемъ-то, что не имѣло никакого отношенія къ похоронамъ, наконецъ, принесли гробъ и поставили его у края могилы. Гробъ дощатый, на-скоро сбитый, некрашенный.

— Ну?—сказалъ одинъ.

Быстро опущенный гробъ хлюпнулъ въ воду. Комья глины стучать по крышѣ, гробъ дрожить, вода брызжетъ, а каторжные, работая лопатами, продолжаютъ говорить про что-то свое, и Келбокіани, съ недоумѣніемъ глядя на насъ и разводя руками, жалуются:

— Куда я теперь ребятъ дѣну? Возись съ ними! Ходилъ къ смотрителю, просилъ, чтобы далъ бабу,—не даетъ!

Мальчикъ Алешка 3—4 лѣтъ, котораго баба привела за руку, стоитъ и глядитъ внизъ въ могилу. Онъ въ кофть не

по росту, съ длинными рукавами и въ полинявшихъ синихъ штанахъ; на колѣняхъ ярко-синія латки.

— Алешка, гдѣ мать?—спросилъ мой спутникъ.

— За-а-копали!—сказала Алешка, засмѣялся и махнулъ рукою на могилу *).

На Сахалинѣ 5 школъ, не считая Дербинской, въ которой, за неизмѣнимъ учителя, занятій не было. Въ 1889—90 гг. обучалось въ нихъ 222 человекъ: 144 мальчика и 78 дѣвочекъ, въ среднемъ по 44 на каждую. Я былъ на островѣ въ канисулярное время, при мнѣ занятій не было и потому внутренняя жизнь здѣшнихъ школъ, вѣроятно, оригинальная и очень интересная, осталась для меня неизвѣстной. Общій голосъ таковъ, что сахалинскія школы бѣдны, обставлены нищенски, существованіе ихъ случайно необязательно и положеніе крайне неопредѣленно, такъ какъ никому неизвѣстно, будутъ онѣ существовать или

Изъ всего числа записанныхъ мною, православные составляютъ 86,5%, католики и лютеране вмѣстѣ—9%, магометане—2,7%, остальные—юдеи и армяно-григоріане. Разъ въ годъ прѣзжаетъ изъ Владивостока ксендзъ, и тогда ссыльныхъ католиковъ изъ обонхъ свѣверныхъ округовъ «гоняють» въ Александровскъ, и это бываетъ какъ разъ въ весеннюю распутицу. Католики жаловались мнѣ, что ксендзъ прѣзжаетъ очень рѣдко; дѣти подолгу остаются некрещеными, и многіе родители, чтобы ребенокъ не умеръ безъ крещенія, обращаются къ православному священнику. И мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, приходилось встрѣчать православныхъ дѣтей, у которыхъ отецъ и мать—католики. Когда умираетъ католикъ, то, за неизмѣнимъ своего, приглашаютъ русскаго священника чтобы онъ пропѣлъ «Святый Боже». Въ Александровскѣ приходилъ ко мнѣ одинъ лютеранинъ, судившійся когда-то въ Петербургѣ за поджогъ; онъ говорилъ, что лютеране на Сахалинѣ составляютъ общество, и въ доказательство показывалъ мнѣ печать, на которой было вырвано: «Печать общества лютеранъ на Сахалинѣ»; въ его домѣ лютеране собираются для молитвы и обмѣна мыслей. Татары выбираютъ изъ своей среды муллу, евреи—раввина, но не официально. Въ Александровскѣ строится мечеть. Мулла Васъ-Хасанъ-Маметъ, красивый брюнетъ лѣтъ 38, уроженецъ Дагестанской области, строить ее на свой счетъ. Онъ спрашивалъ меня, пустятъ ли его по окончаніи срока въ Мекку. Въ Пейсиковской слободкѣ въ Александровскѣ стоитъ вѣтряная мельница, совершенно заброшенная: рассказываютъ, будто построилъ ее какой-то татаринъ съ женой. Оба супруга сами рубили деревья, таскали бревна и пилили доски, никто имъ не помогалъ и работа ихъ продолжалась три года. Получивъ званіе крестьянина, татаринъ перѣхалъ на материкъ, мельницу же отдалъ въ казну, а не своимъ татарамъ, такъ какъ былъ сердитъ на нихъ за то, что они не избрали его въ муллы.

нѣтъ. Завѣдуетъ ими одинъ изъ чиновниковъ канцеляріи начальника острова, образованный молодой человекъ, но это король, который царствуетъ, но не управляетъ, такъ какъ, въ сущности, школами завѣдуютъ начальники округовъ и смотрители тюремъ, отъ которыхъ зависитъ выборъ и назначеніе учителей. Преподаютъ въ школахъ ссыльные, которые на родинѣ не были учителями, люди мало знакомые съ дѣломъ и безъ всякой подготовки. Получаютъ они за свой трудъ по 10 руб. въ мѣсяцъ; платить дороже администрація находить невозможнымъ и не приглашаетъ лицъ свободного состоянія, потому что этимъ пришлось бы платить не меньше 25 руб. Очевидно, преподаваніе въ школахъ считается занятіемъ неважнымъ, такъ какъ надзиратели изъ ссыльныхъ, которые часто несутъ неопредѣленную обязанности и состоятъ только на побѣгушкахъ у чиновниковъ, получаютъ по 40 и даже по 50 руб. въ мѣсяцъ *).

Среди мужского населенія грамотные, считая взрослыхъ и дѣтей, составляютъ 29%, среди женскаго—9%. Да и эти 9% относятся исключительно къ школьному возрасту, такъ что о взрослой сахалинской женщинѣ можно сказать, что она грамотѣ не знаетъ; просвѣщеніе не коснулось ея, она поражаетъ своимъ грубымъ невѣжествомъ, и, мнѣ кажется,

---

*) Въ своемъ рапортѣ отъ 27 февраля 1890 г. начальникъ Александровскаго округа, во исполненіе предписанія начальника острова о подысканіи благонадежныхъ лицъ свободного состоянія для поселенцевъ для замѣны или ссыльно-каторжныхъ, несущихъ въ настоящее время обязанности учителей въ сельскихъ школахъ, доноситъ, что во ввѣренномъ ему округѣ не имѣется ни среди людей свободного состоянія, ни среди поселенцевъ никого, кто удовлетворялъ бы учительскому назначенію. «Такимъ образомъ,—пишетъ онъ;—встрѣчая непреодолимая затрудненія въ наборѣ лицъ, по образованію своему хоть сколько-нибудь подходящихъ для школьнаго дѣла, я не рѣшаюсь указать на кого-либо изъ проживающихъ во ввѣренномъ мнѣ округѣ изъ поселенцевъ или изъ крестьянъ изъ ссыльныхъ, коимъ возможно было бы поручить учительское дѣло». Хотя г. начальникъ округа и не рѣшается поручить ссыльнымъ учительское дѣло, но они все-таки продолжаютъ быть учителями, съ его вѣдома и по его назначенію. Во избѣжаніе подобнаго рода противорѣчій, казалось бы, проще всего пригласить настоящихъ учителей изъ Россіи или Сибири и назначить имъ такое жалованье, какое получаютъ надзиратели, но для этого понадобилось бы кореннымъ образомъ измѣнить свой взглядъ на преподавательское дѣло и не считать его менѣе важнымъ, чѣмъ дѣло надзирателя.

нигдѣ въ другомъ мѣстѣ я не видѣлъ такихъ безтолковыхъ и мало понятливыхъ женщинъ, какъ именно здѣсь, среди преступнаго и порабощеннаго населенія. Среди дѣтей, бывшихъ изъ Россіи, грамотные составляютъ 25⁰/₀, среди же родившихся на Сахалинѣ только 9⁰/₀ *).

XX.

Свободное населеніе.—Нижніе чины мѣстныхъ воинскихъ командъ.—Надзиратели.—Интеллигенція.

Солдатъ называютъ «пѣонерами» Сахалина, потому что они жили здѣсь до учрежденія каторги **). Начиная съ пятидесятихъ годовъ, когда Сахалинъ былъ занятъ, и почти до восьмидесятихъ, солдаты, кромѣ того, что лежало по уставу на ихъ прямой обязанности, исполняли еще всѣ тѣ работы, которыя несутъ теперь каторжные. Островъ былъ пустыней; на немъ не было ни жилищъ, ни дорогъ, ни скота, и солдаты должны были строить казармы и дома, рубить просѣки, таскать на себѣ грузы. Если прѣбывалъ на Сахалинѣ командированный инженеръ или ученый, то въ его распоряженіе давалось нѣсколько солдатъ, которые замѣняли ему лошадей. «Мнѣ,—пишетъ горный инженеръ Лопатинъ:—имѣвшему въ виду ходить въ глубь сахалинской тайги, нечего было и думать о ѣздѣ верхомъ и перевозкѣ тяжестей вьючными. Даже пѣшкомъ я съ трудомъ

*) Если судить по нѣкоторымъ отрывочнымъ даннымъ, по намекамъ, то грамотные благополучнѣе отбываютъ наказаніе, чѣмъ неграмотные; повидному, среди послѣднихъ относительно больше рецидивистовъ, а первые легче получаютъ крестьянскія права; въ Сіицахъ записано мною 18 грамотныхъ мужчинъ, и изъ нихъ 13, т. е. почти всѣ взрослые грамотные, имѣютъ крестьянское званіе. Въ тюрьмахъ нѣтъ еще обычая учить взрослыхъ грамотѣ, хотя зимою бывають дни, когда арестанты, по случаю дурной погоды, сидятъ безвыходно въ тюрьмѣ и томятся безъ дѣла; въ такіе дни они охотно обучались бы грамотѣ.

По безграмотству ссыльныхъ, письма на родину пишутъ обыкновенно писаря. Они описываютъ здѣшнюю печальную жизнь, бѣдности и горе, просятъ мужей о расторженіи брака и проч., но такимъ тономъ, какъ будто описываютъ вчерашнюю попойку: «Ну, вотъ, наконецъ, пишу я вамъ письмишко... Освободите меня отъ брачныхъ узъ» и т. п., или же философствуютъ, такъ что трудно бываетъ понять смыслъ письма. Одного писаря въ Тымовскомъ округѣ за витѣватость другіе писаря прозвали бакалавромъ.

**) См. *Н. В. Буссе*: «Островъ Сахалинъ и экспедиція 1853—1854 гг.».

перелѣзаль черезъ крутыя горы Сахалина, покрытыя то густымъ валежникомъ лѣсомъ, то мѣстнымъ бамбукомъ. Такимъ образомъ мнѣ пришлось пройти болѣе 1.600 верстъ пѣшкомъ» *). А за нимъ шли солдаты и тащили на себѣ его тяжелый грузъ.

Все небольшое количество солдатъ было разбросано по западному, южному и юго-восточному побережьямъ; пункты, въ которыхъ они жили, назывались постами. Теперь уже брошенные и забытые, тогда эти посты играли такую же роль, какъ теперь поселенія, и на нихъ смотрѣли, какъ на задатки будущей колоніи. Въ Муравьевскомъ посту стояла стрѣлковая рота, въ Корсаковскомъ три роты 4 сибирскаго батальона и взводъ горной батарей, въ прочихъ же постахъ, какъ, напримѣръ, Мануйскій или Сортунаскій, было только по шести солдатъ. Шестъ человекъ, отдѣленные отъ своей роты пространствомъ въ нѣсколько сотъ верстъ, отданные подъ начало унтера или даже штатскаго человека, жили совершенными Робинзонами. Жизнь была дикая, крайне однообразная и скучная. Лѣтомъ, если постъ находился на берегу, приходило судно, оставляло солдатамъ провiантъ и уходило; зимою пріѣзжалъ «попостить» ихъ священникъ, одѣтый въ мѣховую куртку и питаны и по виду похожій больше на гилеяка, чѣмъ на священника. Разнообразилась жизнь только несчастіями; то солдата уносило на сѣно-плавкѣ въ море, то задиралъ его медвѣдь, то заносило снѣгомъ, нападали бѣглые, подкрадывалась цыганка... Или же солдатъ, соскучившись сидѣть въ сараѣ, занесенномъ снѣгомъ, или ходить по тайгѣ, начиналъ проявлять «буйство, нетрезвость, дерзость», или попадался въ кражѣ, растратѣ амуниціи, или попадалъ подъ судъ за неуваженіе, оказанное имъ чьей-нибудь содержанкѣ-каторжной **).

*) *Лопатинъ*: «Рапортъ въ г. генералъ-губернатору Восточной Сибиріи». *Горный Журналъ* 1810 г., № 10.

**) Въ Корсаковскомъ полицейскомъ управленіи я видѣлъ слѣдующій, относящійся къ 1870 г. «Списокъ нижнимъ чинамъ, находящимся въ постѣ при Путятинскихъ камешноугольныхъ кояхъ, на р. Сортунаѣ»: Василий Ведерниковъ—за старшаго, онъ же сапожникъ и за хлѣбопека и кашевара.

Лука Пылковъ. Смѣшонъ со старшаго, за нерадѣніе и былъ арестованъ за пьянство и дерзость.

Харитонъ Мильниковъ Не попался ни въ чемъ, но лѣнивъ.

Евграфъ Распоновъ—почтъ и ни къ какой работѣ не способенъ.

При разнообразіи своихъ занятій, солдатъ не успѣвалъ научиться военному дѣлу и забывалъ то, чему былъ наученъ, а вмѣстѣ съ нимъ отставали и офицеры, и строевая часть находилась въ самомъ плачевномъ состояніи. Смотры всякій разъ сопровождались недоразумѣніями и выраженіемъ неудовольствія со стороны начальства *). Служба была тяжкая. Люди, смѣнившіеся съ караула, тотчасъ же шли въ конвой, съ конвоя опять въ караулъ, или на сѣнокосъ, или на выгрузку казенныхъ грузовъ; не было отдыха ни днемъ ни ночью. Жили они въ тѣсныхъ, холодныхъ и грязныхъ помѣщеніяхъ, которыя мало отличались отъ тюремъ. Въ Корсаковскомъ посту до 1875 года караулъ помѣщался въ ссыльно-каторжной тюрьмѣ; тутъ же была и военная гауптвахта въ видѣ темныхъ конуръ. «Можетъ-быть, — пишетъ врачъ Синцовскій: — для ссыльно-каторжныхъ такая стѣснительная обстановка допускается, какъ мѣра наказанія, но караулъ солдатъ тутъ не причемъ, и за что онъ долженъ испытывать подобное наказаніе — неизвѣстно» **) Или они такъ же скверно, какъ арестанты, одѣты были въ лохмотья, потому что при ихъ работѣ не хватало никакой одѣжи. Солдаты, гоняясь въ тайгѣ за бѣлками, до такой степени истрепывали свою одежду и обувь, что однажды въ Южномъ Сахалинѣ сами были приняты за бѣглыхъ и по нимъ стрѣляли.

Въ настоящее время военная охрана острова состоитъ

Ододоръ Челодковъ } Попались въ крадъ денегъ и при мнѣ замѣ-
Григорій Иваловъ } чены въ буйствѣ, нетрезвости и ослушаніи.
Завѣдующій постомъ при Путятинскихъ каменноугольныхъ до-
макъ на о. Сахалинѣ.

Губернскій секретарь *Ө. Литке.*

*) Н. См—ій рассказываетъ, что еще такъ недавно, въ 1885 г., генераль, принимая въ свое вѣдѣніе сахалинскія войска, спросилъ у одного солдата-надзирателя:

— Для чего у тебя револьверъ?

— Для сокращенія (укрошенія) ссыльно-каторжныхъ, ваше пр!

— Стрѣль изъ револьвера въ этотъ пенъ, — приказалъ генераль.

Тутъ произошло большое замѣшательство. Солдатъ никакъ не могъ высвободить револьверъ изъ кобуры и сблалъ это лишь при посторонней помощи, а извлеки револьверъ, онъ такъ неумѣло началъ съ нимъ обращаться, что приказаніе было отмѣнено: а то вмѣсто пня онъ могъ свободно пустить пулю въ кого-нибудь изъ публики. *Кронштадтскій Вѣстникъ* 1890 г., № 23.

**) Синцовскій: «Гигіеническая обстановка ссыльно-каторжныхъ». *Здоровье* 1875 г., № 16.

изъ четырехъ командъ: александровской, дуйской, тымовской и корсаковской. Къ январю 1890 г. нижнихъ чиновъ во всѣхъ командахъ было 1.548. Солдаты попрежнему несутъ тяжелый трудъ, несоразмѣрный съ ихъ силами, развитіемъ и требованіями воинскаго устава. Правда, они уже не рубятъ просѣкъ и не строятъ казармъ, но, какъ и въ прежнее время, возвращающійся съ караула или съ ученья солдатъ не можетъ разсчитывать на отдыхъ: его сейчасъ же могутъ послать въ конвой, или на сѣнокосъ, или въ погоню за бѣглецами. Хозяйственныя надобности отвлекаютъ значительное число солдатъ, такъ что чувствуется постоянный недостатокъ въ конвоѣ, и караулы не могутъ быть разсчитаны на три очереди. Въ началѣ августа, когда я былъ въ Дуэ, 60 человекъ дуйской команды косили сѣно, и изъ нихъ половина отиравилась для этого пѣшкомъ за 109 верстъ.

Сахалинскій солдатъ кротокъ, молчаливъ, послушенъ и трезвъ; пьяныхъ солдатъ, которые шумѣли бы на улицѣ, я видѣлъ только въ Корсаковскомъ посту. Поетъ онъ рѣдко и всегда одно и то же: «Десять дѣвокъ, одинъ я, куда дѣвки, туда я... Дѣвки въ лѣсъ, я за ими»,—веселая пѣсня, которую, однако, онъ поетъ съ такою скукой, что подъ звуки его голоса начинаешь тосковать по родинѣ и чувствовать всю неприглядность сахалинской природы. Онъ покорно переноситъ всѣ лишения и равнодушенъ къ опасностямъ, которыя такъ часто угрожаютъ его жизни и здоровью. Но онъ грубъ, неразвитъ и безтолковъ, и за недосугомъ не успѣваетъ проникнуться сознаніемъ воинскаго долга и чести и потому бываетъ не чуждъ ошибокъ, дѣлающихъ его часто такимъ же врагомъ порядка, какъ тѣ, кого онъ сторожить и ловить *) Эти свои недостатки онъ обнаруживаетъ осо-

---

*) Въ Воеводской тюрьмѣ мнѣ указывали одного каторжана, бывшего конвойнаго, который въ Хабаровкѣ помогъ бродягамъ бѣжать и самъ бѣжалъ съ ними. Лѣтомъ 1890 г. въ Рыковской тюрьмѣ содержалась женщина свободнаго состоянія, обвиняемая въ поджогъ; сосѣдь ея по карцеру, арестантъ Андреевъ, жаловался, что по ночамъ ему мѣшаютъ спать конвойные, которые то и дѣло ходятъ къ этой женщинѣ и шумятъ. Окружной начальникъ распорядился запечатать ее карцеръ другимъ замкомъ, а ключъ взять къ себѣ. Конвойные, однако, ключъ подобралъ, и окружной начальникъ ничего не могъ поддѣлать съ ними, и ночныя оргіи продолжались.

бенно рельефно, когда на него возлагаются обязанности, не соответствующія его развитію, когда онъ, наиримѣръ, становится тюремнымъ надзирателемъ.

По 27 ст. *Устава о ссыльныхъ* на Сахалинѣ, «тюремный надзоръ образуютъ старшіе и младшіе надзиратели, число конхъ, полагая одного старшаго на сорокъ человекъ и одного младшаго на двадцать человекъ каторжныхъ, опредѣляется ежегодно главнымъ тюремнымъ управленіемъ». Три надзирателя, одинъ старшій и два младшихъ, приходятся на 40 человекъ, т. е. 1 на 13. Если представить себѣ, что 13 человекъ работаютъ, ѣдятъ, проводятъ время въ тюрьмѣ и проч. подъ постояннымъ наблюденіемъ одного добросовѣстнаго и умѣлаго человека, и что надъ этимъ, въ свою очередь, стоитъ начало въ лицѣ смотрителя тюрьмы, а надъ смотрителемъ—начальникъ округа и т. д., то можно успокоиться на мысли, что все идетъ прекрасно. На самомъ же дѣлѣ, надзоръ до сихъ поръ былъ самымъ большимъ мѣстомъ сахалинской каторги.

Въ настоящее время на Сахалинѣ старшихъ надзирателей около 150, а младшихъ вдвое больше. Мѣста старшихъ заняты грамотными унтеръ-офицерами и рядовыми, кончившими службу въ мѣстныхъ командахъ, и разночинцами; послѣднихъ, впрочемъ, очень мало. Нижніе чины, состоящіе на дѣйствительной службѣ, составляютъ 6% всего комплекта старшихъ, зато должности младшихъ надзирателей исправляютъ почти одни только рядовые, командруемые отъ мѣстныхъ командъ. Въ случаѣ неполноты опредѣленнаго комплекта надзирателей, *Уставъ* разрѣшаетъ назначать для исполненія надзирательскихъ обязанностей нижнихъ чиновъ мѣстныхъ воинскихъ командъ, и, такимъ образомъ, молодые сибиряки, признанные неспособными даже къ службѣ въ конвоѣ, призываются къ исполненію служебныхъ обязанностей надзирателя, правда, «временно» и «въ предѣлахъ крайней необходимости», но это «временно» продолжается уже десятки лѣтъ, а «предѣлы крайней необходимости» все расширяются, такъ что нижніе чины мѣстныхъ командъ составляютъ уже 73% всего состава младшихъ надзирателей, и никто не поручится, что черезъ 2—3 года эта цифра не вырастетъ до 100. Надо замѣтить при этомъ, что въ надзиратели командуются не лучшіе солдаты, такъ какъ начальники командъ, въ интересахъ строевой

службы, отпускаютъ въ тюрьму менѣе способныхъ, а лучшихъ удерживаютъ при частяхъ *).

Въ тюрьмахъ много надзирателей, но нѣтъ порядка, и надзиратели служатъ лишь постояннымъ тормазомъ для администраціи, о чемъ свидѣтельствуеетъ самъ начальникъ острова. Почти каждый день въ своихъ приказахъ онъ штрафуетъ ихъ, смѣщаетъ на низшіе оклады или же совсѣмъ увольняетъ: одного за неблагонадежность и неисполнительность, другого—за безнравственность, недобросовѣстность и неразвитіе, третьяго—за кражу казеннаго провіанта, ввѣреннаго его храненію, а четвертаго—за укрывательство; пятый, будучи назначенъ на баржу, не только не смотрѣлъ за порядкомъ, но даже самъ подавалъ примѣръ къ расхищенію на баржѣ грецкихъ орѣховъ; шестой—состоитъ подѣ слѣдствіемъ за продажу казенныхъ топоровъ и гвоздей; седьмой—замѣченъ неоднократно въ недобросовѣстномъ завѣдываніи фуражнымъ довольствіемъ казеннаго скота; восьмой—въ предосудительныхъ сдѣлкахъ съ каторжными. Изъ приказовъ мы узнаемъ, что одинъ старшій надзиратель изъ рядовыхъ, будучи дежурнымъ въ тюрьмѣ, позволилъ себѣ войти въ женскій баракъ черезъ окно, отогнувъ предварительно гвозди, съ цѣлями романтическаго свойства, а другой, во время своего дежурства, въ часъ ночи допустилъ рядового, тоже надзирателя, въ одиночное помѣщеніе, гдѣ содержатся арестованныя женщины. Любовныя похожденія надзирателей не ограничиваются одною только тѣсною областью женскихъ барачковъ и одиночныхъ помѣщеній. Въ квартирахъ надзирателей я заставалъ дѣвушекъ-подростковъ, которыя на мой вопросъ, кто онѣ, отвѣчали: «Я—со-

*) И это даетъ поводъ къ явной несправедливости: лучшие солдаты, остающіеся въ командахъ, получаютъ одинъ только солдатскій пай, а худшіе, служащіе въ тюрьмѣ,—п пай, и жалованье. Кн. Шаховской въ своемъ *Дневн.* жаловался: «Главный контингентъ надзирателей (66%) составляютъ рядовые мѣстныхъ воинскихъ командъ, получающіе на казенномъ содержаніи по 12 р. 50 к. въ мѣсяць. Ихъ безграмотность, низкій уровень развитія, сплоскодонный взглядъ на возможное въ ихъ кругу дѣйствій взяточничество, отсутствіе прежней воинской строгости въ ихъ содержаніи и несравненно большая свобода дѣйствій, за немногими исключеніями, ведутъ или къ незаконному произволу въ обращеніи съ преступниками, или къ неумѣстному униженію передъ ними». А нынѣшній начальникъ острова того мнѣнія, что «долгодѣтній опытъ показалъ всю ненадежность надзора, командируемаго отъ мѣстныхъ командъ».

жительница». Войдешь въ квартиру надзирателя; онъ, плотный, сытый, мясистый, въ разстегнутой жилеткѣ и въ новыхъ сапогахъ, со скрипомъ, сидитъ за столомъ и «кушаетъ» чай; у окна сидитъ дѣвочка лѣтъ 14 съ поношеннымъ лицомъ, блѣдая. Онъ называетъ себя обыкновенно унтеръ-офицеромъ, старшимъ надзирателемъ, а про нее говорить, что она дочь каторжнаго, и что ей 16 лѣтъ, и что она его сожительница.

Надзиратели, во время своего дежурства въ тюрьмѣ, допускаютъ арестантовъ къ картежной игрѣ и сами участвуютъ въ ней; они пьянствуютъ въ обществѣ ссыльныхъ, торгуютъ спиртомъ. Въ приказахъ мы встрѣчаемъ также буйство, непослушаніе, крайне дерзкое обращеніе со старшими въ присутствіи каторжныхъ и, наконецъ, побои, наносимые каторжному палкой по головѣ, послѣдствіемъ чего образовались раны.

Люди грубые, неразвитые, пьянствующие и играющіе въ карты вмѣстѣ съ каторжными, охотно пользующіеся любовью и спиртомъ каторжныхъ женщинъ, недисциплинированные, недобросовѣстные могутъ имѣть авторитетъ лишь отрицательнаго свойства. Ссылное населеніе не уважаетъ ихъ и относится къ нимъ съ презрительною небрежностью. Оно въ глаза величаетъ ихъ «сухарниками» и говоритъ имъ *ты*. Администрація же нисколько не заботится о томъ, чтобы поднять ихъ престижъ, находя, вѣроятно, что заботы объ этомъ не привели бы ни къ чему. Чиновники говорятъ надзирателю *ты* и бранятъ его какъ угодно, не стѣсняясь присутствіемъ каторжныхъ. То и дѣло слышишь: «Что же ты, дуракъ, смотришь?» Или: «Ничего ты не понимаешь, болванъ!» Какъ мало уважаютъ здѣсь надзирателей, видно изъ того, что многіе изъ нихъ назначаются на «песоотвѣтствующіе служебному ихъ положенію наряды», то-есть, попросту, состоятъ при чиновникахъ въ качествѣ лакеевъ и разсылныхъ. Надзиратели изъ привилегированныхъ, какъ бы стыдятся своей должности, стараются выдѣлиться изъ массы своихъ сотоварищей хотя чѣмъ-нибудь: одинъ носить на плечахъ жгуты потолка, другой—офицерскую кокарду, третій, коллежскій регистраторъ, называетъ себя въ бумагахъ не надзирателемъ, а «завѣдующимъ работами и рабочими».

Такъ какъ сахалинскіе надзиратели никогда не возвы-

шались до пониманія цѣлей надзора, то съ теченіемъ времени, по естественному порядку вещей, сами цѣли надзора должны были мало-по-малу сузиться до теперешняго своего состоянія. Весь надзоръ теперь сводится къ тому, что рядовой сидитъ въ камерѣ, смотритъ за тѣмъ, «чтобы не шумѣли», и жалуется начальству; на работахъ онъ, вооруженный револьверомъ, изъ котораго, къ счастью, не умѣетъ стрѣлять, и шапкою, которую трудно вытянуть изъ заряженныхъ ноженъ, стоитъ, смотритъ безучастно на работы, куритъ и скучаетъ. Въ тюрьмѣ онъ—прислуга, отворяющая и запирающая двери, а на работахъ линейный человѣкъ. Хотя на каждые сорокъ каторжныхъ приходится три надзирателя—одинъ старшій и два младшихъ, но постоянно приходится видѣть, какъ 40—50 человѣкъ работаютъ подъ надзоромъ только одного, или же совсѣмъ безъ надзора. Если изъ трехъ надзирателей одинъ находится при работахъ, то другой въ это время стоитъ около казенной лавки и отдаетъ проходящимъ чиновникамъ честь, а третій—томится въ чьей-нибудь передней или безъ всякой надобности стоитъ на-вытяжку въ пріемной лазарета *).

Объ интеллигенціи придется сказать немного. Наказывать по долгу службы и присяги своего ближняго, быть способнымъ каждый часъ насиловать въ себѣ отвращеніе и ужасъ, отдаленность мѣста служенія, ничтожное жалованье, скука, постоянная близость бритыхъ головъ, кандаловъ, палачей, грошечные расчеты, дразни, а, главное, сознаніе своего полного безсилія въ борьбѣ съ окружающимъ зломъ,—все это, взятое вмѣстѣ, всегда дѣлало службу по управленію каторгой и ссылкой исключительно тяжелой и

*) Жалованья старшие надзиратели получаютъ 480, а младшіе по 216 руб. въ годъ. Черезъ опредѣленные сроки этотъ окладъ увеличивается на одну и двѣ трети и даже вдвое. Такое жалованье считается хорошимъ и служитъ соблазномъ для мелкихъ чиновниковъ, напримѣръ телеграфистовъ, которые уходятъ въ надзиратели при первой возможности. Существуетъ опасеніе, что школьные учителя, если ихъ когда-нибудь назначать на Сахалинъ и дадутъ имъ обычные 20—25 р. въ мѣсяцъ, непременно уйдутъ въ надзиратели.

За невозможностью пайти на мѣсть людей свободнаго состоянія на должности надзирателей или брать ихъ изъ мѣстныхъ войскъ, не ослабляя состава послѣднихъ, начальникъ острова въ 1888 г. разрѣшилъ зачислять на должности надзирателей благонадежныхъ въ поведеніи и испытанныхъ уже въ усердіи поселенцевъ и крестьянъ изъ ссылкиныхъ. Но эта мѣра не привела къ добру.

непривлекательной. Въ прежнее время на каторгѣ служили по преимуществу люди нечистоплотные, небрезгливые, тяжелые, которымъ было все равно, гдѣ ни служить, лишь бы ѣсть, пить, спать да играть въ карты; порядочные же люди шли сюда по нуждѣ и потомъ бросали службу при первой возможности, или спивались, сходили съ ума, убивали себя, или же мало-по-малу обстановка затягивала ихъ въ свою грязь, подобно спуту-осьминогу, и они тоже начинали красть, жестоко съѣчь...

Если судить по официальнымъ отчетамъ и корреспонденціямъ, то въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ сахалинская интеллигенція отличалась полнѣйшимъ нравственнымъ ничтожествомъ. При тогдашнихъ чиновникахъ тюрьмы обращались въ пріюты разврата, въ игорные дома, людей развращали, ожесточали, засѣкали домертва. Самымъ яркимъ администраторомъ въ этомъ смыслѣ является нѣкій майоръ Николаевъ, бывший въ продолженіе семи лѣтъ начальникомъ Дуйскаго поста. Имя его часто упоминается въ корреспонденціяхъ *). Онъ былъ изъ крѣпостныхъ сдаточныхъ. О томъ, какія способности проложили этому грубому, неотесанному человѣку дорогу къ майорскому чину, свѣдѣній нѣтъ. Когда одинъ корреспондентъ спросилъ у него, бывалъ ли онъ когда-нибудь въ средней части острова и что тамъ видѣлъ, то майоръ отвѣтилъ: «Гора да долина — долина да опять гора; извѣстно, почва вулканическая, извергательная». Онъ же на вопросъ, что за вещь черемша, отвѣтилъ: «Во-первыхъ, это не вещь, а растеніе, и, во-вторыхъ, растеніе бесполезное и вкусное; брюхо пучить отъ него, правда, да намъ это наплевать, мы съ дамами не бываемъ». Тачки для перевозки угля онъ замѣнилъ бочками, чтобы удобнѣе было катать по мосткамъ; сажалъ въ эти бочки провинившихся каторжныхъ и приказывалъ катать ихъ по берегу. «Съ часъ покатаютъ сердечнаго, глядишь, точно шелковый станеть». Желая выучить солдатъ числамъ, онъ прибѣгалъ къ игрѣ въ лото. «За переключку нумеровъ, кто самъ не можетъ, долженъ платить по гривеннику; разъ заплатить, другой разъ заплатятъ, а тамъ и пойметъ, что это невыгодно. Глядишь, туго возъ-

---

*) Между прочимъ, см. *Лукашевича*: «Мои знакомцы въ Дуэ, на Сахалинѣ» *Кронштадтскій Вѣстникъ* 1868 г., №№ 47 и 49.

мется за номера, да въ недѣлю и выучить». Подобныя благоглупости дѣйствовали на дуйскихъ солдатъ развращающимъ образомъ: случалось, что они продавали каторжнымъ свои ружья. Приступая къ наказанію одного каторжника, майоръ заранѣе объявилъ ему, что онъ живъ не останется, и дѣйствительно, преступникъ умеръ тотчасъ послѣ наказанія. Майоръ Николаевъ послѣ этого случая былъ преданъ суду и приговоренъ къ каторжнымъ работамъ.

Когда спросишь какого-нибудь старика-поселенца, были ли въ его время на островѣ хорошіе люди, то онъ сначала помолчитъ немного, какъ бы припоминая, и потомъ ужъ отвѣтитъ: «Всякое бывало». Нигдѣ старое такъ скоро не забывается, какъ на Сахалинѣ, именно благодаря чрезвычайной подвижности ссыльнаго населенія, которое здѣсь мѣняется кореннымъ образомъ каждыя пять лѣтъ, и отчасти отсутствію въ здѣшнихъ канцеляріяхъ порядочныхъ архивовъ. То, что было 20 — 25 лѣтъ назадъ, считается глубокой стариной, уже забытою, погибшею для исторіи. Уцѣлѣли только кое-какія постройки, уцѣлѣлъ Микрюковъ, десятка два анекдотовъ, да остались еще цифры, не заслуживающія никакого довѣрія, такъ какъ ни одна канцелярія тогда не знала, сколько на островѣ арестантовъ, сколько бѣжало, умерло и проч.

«Доисторическія» времена продолжались на Сахалинѣ до 1878 года, когда завѣдующимъ ссыльно-каторжными Приморской области былъ назначенъ кн. Николай Шаховской, отличный администраторъ, умный и честный человекъ *).

---

*) До 1875 г. каторгой на Сѣв. Сахалинѣ управлялъ начальникъ Дуйскаго поста, офицеръ, начальство котораго жило въ Николаевскѣ. Съ 1875 г. Сахалинъ дѣлился на два округа: Сѣверо-Сахалинскій и Южно-Сахалинскій. Оба округа, входившіе въ составъ Приморской области, въ гражданскомъ отношеніи были подчинены военному губернатору, а въ военномъ, командиру войсками Приморской области. Мѣстное управленіе принадлежало начальникамъ округовъ, причемъ званіе начальника Сѣв.-Сахалинскаго округа было присвоено завѣдующему ссыльно-каторжными на о. Сахалинѣ и Приморской области, имѣющему мѣстопребываніе въ Дуэ, а званіе начальника Южнаго округа — командиру 4-го восточнаго сибирскаго линейнаго батальона, имѣющему мѣстопребываніе въ п. Корсаковскомъ. Въ лицѣ окружныхъ начальниковъ сосредоточивалось мѣстное, какъ военное, такъ и гражданское, управленіе. Администрація была сплошь военная.

Послѣ него осталось образцовое во многихъ отношеніяхъ «дѣло объ устройствѣ о. Сахалина», хранящееся теперь въ канцеляріи начальника острова. Это былъ по преимуществу кабинетный работникъ. Арестантамъ и при немъ жило такъ же дурно, какъ и до него, но, несомнѣнно, его наблюденія, которыми онъ дѣлился съ начальствомъ и со своими подчиненными, и его «Дѣло», независимое и откровенное, быть-можетъ, послужили началомъ для новыхъ, хорошихъ вѣяній.

Въ 1879 году началъ функционировать Добровольный флотъ, и мало-по-малу должности на Сахалинѣ стали занимать уроженцы Европейской Россіи. Въ 1884 г. на Сахалинѣ было введено новое положеніе, вызвавшее усиленный приливъ или, какъ здѣсь говорятъ, сплавъ новыхъ людей *). Въ настоящее время на Сахалинѣ мы имѣемъ уже три уѣздныхъ города, въ которыхъ живутъ чиновники и офицеры съ семьями. Общество уже настолько разнообразно и интеллигентно, что въ Александровскѣ, напримѣръ, въ 1888 г. могли въ любительскомъ спектаклѣ поставить *Женитьбу*; когда здѣсь же, въ Александровскѣ, въ большіе праздники, по взаимному соглашенію, чиновники и офицеры замѣняютъ визиты денежными взносами въ пользу бѣдныхъ семейныхъ каторжныхъ или дѣтей, то на

---

*) По этому положенію, главное управленіе Сахалиномъ принадлежитъ прямурскому генераль-губернатору, а мѣстное — начальнику острова, назначаемому изъ военныхъ генераловъ. Островъ раздѣленъ на три округа. Тюрьмы и селенія въ каждомъ округѣ находятся въ единоличномъ завѣдываніи окружныхъ начальниковъ, которые соотвѣтствуютъ нашимъ исправникамъ. Они председательствуютъ въ полицейскихъ управленіяхъ. Каждую тюрьму и селеніями въ ея районѣ завѣдуетъ смотритель тюрьмы; если селеніями завѣдуетъ особый чиновникъ, то онъ называется смотрителемъ поселеній; объ эти должности соотвѣтствуютъ нашему становому приставу. При начальникѣ острова состоитъ управляющій его канцеляріей, бухгалтеръ и казначей, инспекторъ сельскаго хозяйства, землемѣръ, архитекторъ, переводчикъ японскаго и глянцаго языковъ, смотритель центральныхъ складовъ и завѣдующій медицинскою частью. Въ каждой изъ четырехъ воинскихъ командъ долженъ быть штабъ-офицеръ, два оберъ-офицера и врачъ; кромѣ того, адъютантъ управленія войскъ о. Сахалина, его помощникъ и аудиторъ. Остается еще упомянуть четырехъ священниковъ и тѣхъ служащихъ, которые не имѣютъ прямого отношенія къ тюрьмѣ, какъ, напримѣръ, начальникъ почтово-телеграфной конторы, его помощникъ, телеграфисты и смотрители двухъ маяковъ.

подписномъ листѣ обыкновенно число подписей доходить до 40. На прѣзжаго чловѣка сахалинское общество производитъ благопріятное впечатлѣніе. Оно радушно, гостепріимно и во всѣхъ отношеніяхъ выдерживаетъ сравненіе съ нашими уѣздными обществами, а въ районѣ восточнаго побережья оно считается самымъ живымъ и интереснымъ; по крайней мѣрѣ, чиновники отсюда неохотно переводятся, напримѣръ, въ Николаевскъ или въ де-Кастри. Но какъ въ Татарскомъ проливѣ бываютъ сильныя бури и моряки говорятъ, что это отголоски циклона, бушующаго въ Китайскомъ и Япоцкомъ моряхъ, такъ и въ жизни этого общества нѣтъ-нѣтъ, да и отзовутся недавнее прошлое и близость Сибири. Какіе молодцы попадали сюда на службу уже послѣ реформы 1884 г., видно изъ приказовъ о смѣщеніи съ должностей, о преданіи суду или изъ официальныхъ заявленій о безпорядкахъ по службѣ, доходившихъ «до наглаго разврата» (прик. № 87-й 1890 г.), или изъ анекдотовъ и рассказовъ, въ родѣ хотя бы разказа о каторжномъ Золотаревѣ, чловѣкѣ жалочномъ, который водилъ компанію съ чиновниками, кутилъ съ ними и игралъ въ карты; когда жена этого каторжника заставала его въ обществѣ чиновниковъ, то начинала срамить его за то, что онъ водить компанію съ людьми, которые могутъ дурно повѣять на его нравственность. И теперь встрѣчаются чиновники, которымъ ничего не стоитъ размахнуться и ударить кулакомъ по лицу ссыльнаго, даже привилегированнаго, или приказать чловѣку, который не спялъ въ-торопяхъ шапки: «Пойди къ смотрителю и скажи, чтобы онъ далъ тебѣ тридцать розогъ». Въ тюрьмѣ до сихъ поръ еще возможны такіе безпорядки, что два арестанта почти годъ считаются въ безвѣстной отлучкѣ, между тѣмъ, все это время они получаютъ довольствіе изъ котла и даже употребляются на работы (приказъ № 87-й 1890 г.). Не всякій смотритель знаетъ навѣрное, сколько въ данное время у него въ тюрьмѣ живетъ арестантовъ, сколько дѣйствительно довольствуется изъ котла, сколько бѣжало и проч. Самъ начальникъ острова находятъ, что «вообще положеніе дѣлъ въ Александровскомъ округѣ по всѣмъ отраслямъ управленія оставляетъ тяжелое впечатлѣніе и требуетъ многихъ серьезныхъ улучшеній; что же касается собственно дѣлопроизводства, то оно слишкомъ ужъ было предоставлено на волю

писарей, которые «распоряжались безконтрольно, судя по нѣкоторымъ, случайно обнаружившимся подлогамъ» (приказъ № 314-й 1888 г.) *). О томъ, въ какомъ печальномъ положеніи находится здѣсь слѣдственная часть, я буду говорить въ своемъ мѣстѣ. Въ почтово-телеграфной конторѣ обращаются съ народомъ грубо, простымъ смертнымъ выдаютъ корреспонденцію только на четвертый и пятый день по приходѣ почты; телеграфисты безграмотны, телеграфная тайна не соблюдается. Я не получилъ ни одной телеграммы, которая не была бы искажена самымъ варварскимъ образомъ, и когда однажды по какому-то случаю въ мою телеграмму вошелъ кусокъ чьей-то чужой и я, чтобы возстановить смыслъ обѣихъ телеграммъ, попросилъ исправить ошибку, то мнѣ сказали, что это можно сдѣлать не иначе, какъ только за мой счетъ.

Въ новой исторіи Сахалина играютъ замѣтную роль представители позднѣйшей формаціи, смѣсь Держиморды и Яго,—господа, которые въ обращеніи съ низшими не признаютъ ничего, кромѣ кулаковъ, розогъ и извозчицей брани, а высшихъ умиляютъ своею интеллигентностью и даже либерализмомъ.

Но, какъ бы то ни было, «Мертваго дома» уже нѣтъ. На Сахалинѣ среди интеллигенціи, управляющей и рабо-

---

*) Достаточно одинъ день порыться въ канцелярскомъ матеріалѣ чтобы придти въ отчаяніе отъ дутыхъ цифръ, невѣрныхъ итоговъ и «спраздныхъ вымысловъ» разныхъ помощниковъ смотрителей, старшихъ надзирателей и писарей. Я никакъ не могъ найти «вѣдомостей» за 1886 г. Попадаются «вѣдомости», гдѣ внизу карандашомъ въ видѣ резолюціи написано: «очевидно, неправда». Особенно сильно наврано въ отдѣлахъ, касающихся семейнаго положенія ссыльныхъ, дѣтей, состава ссыльныхъ по роду преступленій. Начальникъ острова говорилъ мнѣ, что когда ему однажды понадобилось узнать, сколько ежегодно прибывало изъ Россіи арестантовъ на пароходахъ Добровольнаго флота, начиная съ 1879 г., то пришлось обращаться за свѣдѣніями въ главное тюремное управленіе, такъ какъ въ мѣстныхъ канцеляріяхъ нужныхъ цифръ не оказалось. «За 1886 г., несмотря на неоднократныя требованія, никакихъ вѣдомостей представляемо не было,—жалуется начальникъ округа въ одномъ изъ своихъ рапортовъ.—Я поставленъ въ еще болѣе невыгодныя условія вслѣдствіе невозможности возстановить точно требуемыя свѣдѣнія за отсутствіемъ какихъ-либо данныхъ, которые въ предыдущіе годы собираемы вовсе не были. Такъ, напримеръ, въ настоящее время чрезвычайно трудно привести въ извѣстность наличный составъ къ 1 января 1887 г. даже поселенцевъ и крестьянъ».

таюшей въ канцеляріяхъ, мнѣ приходилось встрѣчать разумныхъ, добрыхъ и благородныхъ людей, присутствіе которыхъ служить достаточной гарантіей, что возвращеніе прошлаго уже невозможно. Теперь уже не катаютъ каторжныхъ въ бочкахъ и нельзя застѣчь челоуѣка или довести его до самоубійства безъ того, чтобы это не возмутило здѣшняго общества и объ этомъ не заговорили бы по Амуру и по всей Сибири. Всякое мерзкое дѣло рано или поздно всплываетъ наружу, становится гласнымъ, доказательствомъ чему служить мрачное онорское дѣло, которое, какъ ни старались скрыть его, возбудило много толковъ и попало въ газеты, благодаря самой же сахалинской интеллигенціи. Хорошіе люди и хорошія дѣла уже не составляютъ рѣдкости. Недавно въ Рыковскомъ скончалась фельдшерца, служившая много лѣтъ на Сахалинѣ ради идеи— посвятить свою жизнь людямъ, которые страдаютъ. При мнѣ въ Корсаковскѣ однажды унесло каторжнаго въ море на сѣноплавкѣ; смотритель тюрьмы майоръ Ш. отправился въ море на катерѣ и, несмотря на бурю, подвергая свою жизнь опасности, плавалъ съ вечера до двухъ часовъ ночи, пока ему не удалось отыскать въ потемкахъ сѣноплавку и снять съ нея каторжнаго *).

Реформа 1884 г. показала, что чѣмъ многочисленнѣе въ ссыльной колоніи администрація, тѣмъ лучше. Сложность и разбросанность дѣла требуютъ сложнаго механизма, участія многихъ лицъ. Необходимо, чтобы маловажныя дѣла не отвлекали чиновниковъ отъ ихъ главныхъ обязанностей. Между тѣмъ, начальникъ острова, за немѣніемъ секретаря или чиновника, который постоянно находился бы при немъ,

*) Здѣшніе чиновники при исполненіи своихъ обязанностей часто подвергаются серьезнымъ опасностямъ. Начальникъ Тимовскаго округа г. Бутаковъ, когда ходитъ пѣшкомъ вдоль всего Цороная и обратно, заболѣлъ кровавымъ носомъ и едва не погибъ. Начальникъ Корсаковскаго округа г. Бѣлый плылъ однажды на вельботѣ изъ Корсаковска въ Мауку; на пути захватила буря, пришлось уходить подальше отъ берега въ море. Носило по волнамъ и мотало чуть ли не двое сутокъ, и самъ г. Бѣлый, каторжный рулевой и солдатъ, случайно находившійся на вельботѣ, рвышили, что имъ пришелъ конецъ. Но ихъ выбросило на берегъ около Крильонскаго маяка. Когда г. Бѣлый, приди къ смотрителю маяка, поглядѣлъ на себя въ зеркало, то замѣтилъ на головѣ сѣдину, которой раньше не было; солдатъ уснулъ и его никакъ не могли разбудить въ продолженіе 40 часовъ.

большую часть дня бываетъ занятъ составленіемъ приказовъ и разныхъ бумагъ, и эта сложная, кропотливая канцелярщина отнимаетъ у него почти все время, необходимое для посѣщенія тюремъ и объѣзда селеній. Окружные начальники, помимо предсѣдательства въ полицейскихъ управленіяхъ, сами должны раздавать бабамъ кормовья, участвовать въ разнаго рода комиссіяхъ, осмотрахъ и т. п. На смотрителей тюремъ и ихъ помощниковъ возложена слѣдственная и полицейская часть. При такихъ условіяхъ сахалинскій чиновникъ долженъ или работать черезъ силу, какъ говорится, до опалѣнія, или же, махнувъ рукой, взвалить громадную часть своей работы на писарей-каторжныхъ, какъ оно и бываетъ чаще всего. Въ мѣстныхъ канцеляріяхъ писаря-каторжные заняты не только перепиской, но и сами составляютъ важныя бумаги. Такъ какъ нерѣдко они бываютъ опытнѣе и энергичнѣе чиновниковъ, особенно новичковъ, то случается, что каторжный или поселенецъ несетъ на своихъ плечахъ всю канцелярію, всю отчетность и даже слѣдственную часть. Въ продолженіе многихъ лѣтъ писарь, по невѣжеству или недобросовѣстности, запутываетъ всѣ канцелярскіе концы, и такъ какъ онъ одинъ можетъ разобраться въ этой путаницѣ, то становится необходимымъ, незамѣнимымъ, и уже начальство, даже самое строгое, бываетъ не въ состояніи обходиться безъ его услугъ. Избавиться отъ такого всепильнаго писаря можно только однимъ способомъ: посадить на его мѣсто одного или двухъ настоящихъ чиновниковъ.

Гдѣ многочисленная интеллигенція, тамъ неизбѣжно существуетъ общественное мнѣніе, которое создаетъ нравственный контроль и предъявляетъ всякому этическія требованія, уклониться отъ которыхъ уже нельзя безнаказанно никому, даже майору Николаеву. Несомнѣнно также, что, съ развитіемъ общественной жизни, здѣшняя служба мало-по-малу теряетъ свои непривлекательныя особенности, и процентъ сумасшедшихъ, ньяницъ и самоубійцъ понижается *)).

---

*) Тепорь все-таки уже возможны такіа развлеченія, какъ любительскіе спектакли, пикники, вечеринки; въ былое же время трудно было составить даже партію въ преферансъ. И духовные интересы удовлетворяются съ большою легкостью. Выписываются журналы, газеты и книги, каждый день получаютъ телеграммы сѣвернаго

XXI.

Нравственность ссыльнаго населенія.—Преступность.—Слѣдствіе и судъ.—Наказаніе.—Розги и плети.—Смертная казнь.

Одни ссыльные несутъ наказаніе мужественно, охотно сознаются въ своей винѣ и, когда ихъ спрашиваешь, за что они присланы на Сахалинъ, то обыкновенно отвѣчаютъ такъ: «За хорошія дѣла сюда не присылаютъ». Другіе же поражаютъ своимъ малодушіемъ и унылымъ видомъ, ропщутъ, плачутъ, приходятъ въ отчаяніе и клянутся, что они не виновны. Одинъ считаетъ наказаніе благомъ, такъ какъ,

агентства; во многихъ домахъ есть рояли. Здѣшніе поэты находятъ себѣ читателей и слушателей; одно время въ Александровскѣ издавался рукописный журналъ *Буточникъ*, который, впрочемъ, прекратился на 7 №. Старшіе чиновники живутъ въ хорошихъ казенныхъ квартирахъ, просторныхъ и теплыхъ, держатъ поваровъ и лошадей, а тѣ, что чиномъ пониже, панимаютъ квартиры у поселенцевъ, занимая цѣлые дома или отдѣльныя комнаты съ мебелью и всею обстановкой. Молодой чиновникъ, поэтъ, о которомъ я упоминалъ вначалѣ, снималъ комнату со множествомъ образовъ, парадною кроватью съ пологомъ и даже съ ковромъ на стѣнѣ, на которомъ изображенъ всадникъ, стрѣляющій въ тигра.

Начальникъ острова получаетъ 7.000 руб., завѣдующій медицинскою частью—4.000 р., инспекторъ сельскаго хозяйства—3.500 р., архитекторъ—3.100 р., окружные начальники—по 3.500 р. Черезъ каждые 3 года чиновникъ получаетъ полугодовой отпускъ съ сохраненіемъ содержанія. Черезъ 5 лѣтъ прибавка въ размѣръ 25% жалованья. Черезъ 10 лѣтъ—пенсія. 2 года считается за 3. Прогонны тоже не маленькіе. Помощникъ смотрителя тюрьмы, не имѣющій чина, получаетъ прогонновъ отъ Александровска до Петербурга 1.945 р. 68³/₄ к., т. е. сумму, которой было бы достаточно, чтобы совершить кругосвѣтное путешествіе съ полнымъ комфортомъ (Приказы №№ 302 и 305-й 1889 г.). Прогонны выдаются уходящимъ въ отставку, а также берущимъ отпускъ по истеченіи 5—10 лѣтъ со дня поступленія на службу; послѣдніе могутъ не уѣзжать, такъ что прогонны играютъ роль пособія или награды. Священникамъ выдаются прогонны на всехъ членовъ ихъ семей. Чиновникъ, уходящій въ отставку, требуетъ себѣ прогонновъ обыкновенно до Петропавловска по зимнему времени—13 тысячъ верстъ, или до Холмогорскаго уѣзда—11 тысячъ верстъ; одновременно, подавая прошеніе объ отставкѣ, онъ посылаетъ въ главное тюремное правленіе телеграмму съ просьбой о безплатномъ проздѣ со всею семьей до Одессы на пароходѣ Добровольнаго флота. Остается еще прибавить, что, пока чиновникъ служитъ на Сахалинѣ, дѣти его воспитываются на казенный счетъ.

И, все-таки, здѣшніе чиновники недовольны жизнью. Они раздражены, ссорятся между собою изъ-за пустяковъ и скучаютъ. У нихъ

по его словам, онъ только на которгѣ узналъ Бога, другой же старается убѣжать при первой возможности и, когда его ловятъ, отмахивается дубиной. Выбѣтъ съ зако-ренѣлыми, неисправимыми злодѣями и извергами живутъ подъ одной крышею случайные преступники, «несчастные», невиинно-осужденные *). И потому ссыльное населеніе, когда затрогивается вопросъ объ его нравственности вообще, производитъ чрезвычайно смѣшанное и спутанное впечатлѣніе, такъ что при существующихъ способахъ изслѣдованія едва ли возможны по этому вопросу какія-либо серьезныя обобщенія. О нравственности населенія судятъ обыкновенно по цифрамъ, опредѣляющимъ преступность, но въ отношеніи къ ссыльной колоніи даже этотъ обычный и простой способъ оказывается непригоднымъ. У ссыльнаго населенія, живущаго при ненормальной, исключительной обстановкѣ, своя особая, условная преступность, свой *уставъ*, и преступленія, которыя мы считаемъ легкими, здѣсь относятся къ тяжелымъ, и, наоборотъ, большое число уголовныхъ преступленій совсѣмъ не регистрируется, такъ какъ они считаются въ тюремной сферѣ явленіями обычными, почти необходимыми **).

и членовъ ихъ семействъ замѣчается предрасположеніе къ чахоткѣ, къ первичнымъ и психическимъ заболѣваніямъ. При мнѣ въ Александровскѣ одинъ молодой чиновникъ, добрыйшій человекъ, ходилъ все время, даже днемъ, съ громаднымъ револьверомъ. На мой вопросъ, зачѣмъ онъ таскаетъ въ карманѣ это громадное оружіе, онъ отвѣтилъ серьезно:

— А меня тутъ два чиновника собираются побить и уже разъ напали.

— Что же вы можете сдѣлать револьверомъ?

— Очень просто, убью, какъ собаку, не подеремошю.

*) Г. Каторскій, тюремный инспекторъ при вѣдѣшемъ генераль-губернаторѣ, сказалъ мнѣ: «Если, въ концѣ-концовъ, изъ 100 каторжныхъ выйдутъ 15—20 порядочныхъ, то этия мы обязаны не столько неправительнымъ яврамъ, которыя мы употребляемъ, сколько нашимъ русскимъ судамъ, присылающимъ на каторгу такъ много хроническаго, надежнаго элемента».

***) Естественное и необходимое стремленіе къ высшему благу—свободѣ, здѣсь разсматривается, какъ преступная наклонность, и побѣгъ наказывается каторжными работами и плетями, какъ тяжкое уголовное преступленіе; поселенецъ, изъ самыхъ чистыхъ побужденій, Христа ради, пріютившій на ночь бѣлаго, наказывается за это каторжными работами. Если поселенецъ льнется, плп ведетъ нетрезвую жизнь, то начальникъ острова можетъ сослать его въ рудники на одинъ годъ. На Сахалинѣ и догдн считаются уголовнымъ преступ-

У ссыльныхъ наблюдаются пороки и извращенія, свойственныя по преимуществу людямъ подневольнымъ, порабощеннымъ, голоднымъ и находящимся въ постоянномъ страхѣ. Лживость, лукавство, трусость, малодушіе, наущничество, кражи, всякаго рода тайные пороки—вотъ арсеналь, который выставяетъ приниженное населеніе, или, по крайней мѣрѣ, громадная часть его, противъ начальниковъ и надзирателей, которыхъ оно не уважаетъ, боится и считаетъ своими врагами. Чтобы избавиться отъ тяжелой работы или тѣлеснаго наказанія и добыть себѣ кусокъ хлѣба, щепотку чаю, соли, табаку, ссыльный прибѣгаетъ къ обману, такъ какъ опытъ показалъ ему, что въ борьбѣ за существованіе обманъ—самое вѣрное и надежное средство. Кражи здѣсь обычны и похожи на промыселъ. Арестанты набрасываются на все, что плохо лежитъ, съ упорствомъ и жадностью голодной саранчи, и при этомъ отдають преимущество съвѣстному и одеждѣ. Воруютъ они въ тюрьмѣ, другъ у друга, у поселенцевъ, на работахъ, во время нагрузки пароходовъ, и при этомъ по виртуозной ловкости, съ какою совершаются кражи, можно судить, какъ часто приходится упражняться здѣшнимъ ворами. Однажды въ Дуэ украли съ парохода живого барана и кадку съ квашней; баржа еще не отходила отъ парохода, но покражи найти не могли. Въ другой разъ обокрали командира, отвинтили иллюминаторы и компасъ; въ третій разъ забрались въ каюты иностраннаго парохода и утащили столовое

племіемъ. Въ наказаніе за долги поселенцевъ не перечисляютъ въ крестьяне. Постановленіе полиціи объ отдачѣ въ работы поселенца, за лѣность и перадрваніе къ устройству своего домообзаводства и за умышленное уклоненіе отъ платежа состоящаго за нимъ въ казну долга, срокомъ на одинъ годъ, начальникъ острова утверждаетъ съ тѣмъ, чтобы этотъ поселенецъ былъ отданъ предварительно для работковъ на пополненіе долга въ работу въ общество «Сахалинскъ» (приказъ № 45-й 1890 г.). Короче, ссыльному часто полагаются каторжныя работы и плети за проступки, которые при обыкновенныхъ условіяхъ повлекли бы выговоръ, арестъ, или тюремное заключеніе. Съ другой же стороны, кражи, совершаемыя такъ часто въ тюрьмахъ и селеніяхъ, рѣдко даютъ поводъ къ судебному разбирательству, и, если судить по официальнымъ цифрамъ, то можно придти къ совершенно ложному выводу, что ссыльные относятся къ чужой собственности даже съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ свободные.

серебро. Во время выгрузки пропадають цѣлыя тюки и бочки*).

Ссылный развлекается тайно, воровскимъ образомъ. Чтобы добыть стаканъ водки, который при обыкновенныхъ условіяхъ обходится только въ пятакъ, онъ долженъ тайно обратиться къ контрабандисту и отдать ему, если нѣтъ денегъ, свой хлѣбъ или что-нибудь изъ одежды. Единственное духовное наслажденіе—игра въ карты—возможно только ночью, при свѣтѣ огарковъ, или въ тайгѣ. Всякое же тайное наслажденіе, часто повторяемое, обращается мало-помалу въ страсть; при слишкомъ большой подражательности ссылныхъ, одинъ арестантъ заражаетъ другого, и, въ концѣ-концовъ, такіе, казалось бы, пустяки, какъ контрабандная водка и игра въ карты, ведутъ къ невѣроятнымъ безпорядкамъ. Какъ я говорилъ уже, кулаки изъ ссылныхъ на тайной торговлѣ спиртомъ и водкой наживають состоянія; это значитъ, что рядомъ съ ссылнымъ, имѣющимъ 30—50 тысячъ, надо искать людей, которые систематически растрачивають свою пищу и одежду. Картежная игра, какъ эпидемическая болѣзнь, овладѣла уже всѣми тюрьмами; тюрьмы представляютъ собою большіе игорные дома, а селенія и посты—ихъ филиальныя отдѣленія. Дѣло поставлено очень широко, и говорятъ даже, что здѣшніе картежники-организаторы, у которыхъ при случайныхъ обыскахъ находятъ сотни и тысячи рублей, ведутъ правильныя дѣловыя сношенія съ сибирскими тюрьмами, на примѣръ съ иркутской, гдѣ, какъ выражаются каторжные, идетъ «настоящая» игра. Въ Александровскѣ уже нѣсколько игорныхъ домовъ; въ одномъ изъ нихъ, на 2-й Кирничной улицѣ, произошелъ даже скандалъ, характерный для при-тоновъ подобнаго рода: застрѣлился проигравшійся надзиратель. Игра въ штоссъ туманить головы, какъ дурманъ, и каторжный, проигрывая пищу и одежду, не чувствуетъ голода и холода и, когда его сбькутъ, не чувствуетъ боли,

---

*) Мышки съ мукой каторжные бросають въ воду и достаютъ ихъ потомъ со дна, вѣроятно, почью. Помощникъ командира на одномъ пароходѣ говорилъ мнѣ: «Не успѣешь оглянуться, какъ уже разокрали цѣлое мѣсто. Напримѣръ, когда разгружаютъ бочки съ соленой рыбой, то каждый старается набить себѣ рыбой карманы, рубаху, штаны... И влетаетъ же имъ за это! Возьмешь рыбину за хвостъ—и по мордѣ, и по мордѣ...»

и, какъ это ни странно, даже во время такой работы, какъ нагрузка, когда баржа съ углемъ стучитъ бортомъ о пароходъ, плещутъ волны, и люди зеленѣютъ отъ морской болѣзни, въ баржѣ происходитъ игра въ карты и дѣловой разговоръ мѣшается съ картежнымъ: «Отваливай! Два съ боку! Есть!»

А подневольное состояніе женщины, ея бѣдность и униженіе служатъ развитію проституціи. Когда я спросилъ въ Александровскѣ, есть ли здѣсь проститутки, то мнѣ отвѣтили: «Сколько угодно!»*). Въ виду громаднаго спроса, занятію проституціей не препятствуютъ ни старость, ни безобразіе, ни даже сифилисъ въ третичной формѣ. Не препятствуетъ и ранняя молодость. Мнѣ приходилось встрѣчать на улицѣ въ Александровскѣ дѣвушку 16-ти лѣтъ, которая, по рассказамъ, стала заниматься проституціей съ 9 лѣтъ. У дѣвушки этой есть мать, но семейная обстановка на Сахалинѣ далеко не всегда спасаетъ дѣвушекъ отъ гибели. Рассказываютъ про цыгана, который продаетъ своихъ дочерей и при этомъ самъ торгуется. Одна женщина свободнаго состоянія въ Александровской слободѣ держитъ «заведеніе», въ которомъ оперируютъ только однѣ ея родныя дочери. Въ Александровскѣ вообще развратъ носить городской характеръ. Есть даже «семейныя бани», содержимыя жидомъ, и уже называютъ людей, которые промышленяютъ сводничествомъ.

Рецидивисты, т. е. вновь осужденные окружнымъ судомъ, къ 1 января 1890 г., по даннымъ казенныхъ вѣдомостей, среди каторжныхъ составляли 8⁰/₁₀. Были въ числѣ рецидивистовъ осужденные въ 3-й, 4, 5 и даже 6-й разъ, и такихъ, которые, благодаря рецидивамъ, тянули каторжную лямку уже 20—50 лѣтъ, было 175 человекъ, т. е. 3⁰/₁₀ всего числа. Но все это, такъ сказать, дугие рецидивы, такъ какъ въ числѣ рецидивистовъ показаны, главнымъ образомъ, осужденные за побѣги. Да и относительно бѣглыхъ эти цифры невѣрны, такъ какъ возвращенныхъ съ бѣговъ не всегда отдають подъ судъ, а чаще всего управляютъ съ ними домашнимъ порядкомъ. Въ какой мѣрѣ ссыльное населеніе преступно, или, иначе говоря, склонно

*) Полицейское управленіе, впрочемъ, дало мнѣ списокъ, въ которомъ было только 30 проститутокъ, свидѣтельствующихъ ежевѣдно врачомъ.

къ рецидиву, пока неизвѣстно. Правда, здѣсь судятъ за преступленія, но многія дѣла прекращаются за ненахожденіемъ виновныхъ, многія возвращаются для дополненія или разъясненія подсудности, или останавливаются въ производствѣ, за неполученіемъ необходимыхъ справокъ изъ разныхъ сибирскихъ присутственныхъ мѣстъ, и, въ концѣ-концовъ, послѣ долгой волокиты поступаютъ въ архивъ за смертью обвиняемаго, или за невозвращеніемъ его изъ бѣговъ, а, главное, едва ли можно положиться на данныя слѣдствія, которое ведутъ молодые люди, нигдѣ не получившіе образованія, и хабаровскаго окружного суда, который судить сахалинцевъ заочно, по однимъ только бумагамъ.

Въ теченіе 1889 г. подъ слѣдствіемъ и судомъ состояло 243 каторжныхъ, т. е. 1 подсудимый приходился на 25 каторжныхъ. Поселенцевъ подъ судомъ и слѣдствіемъ было 69, т. е. 1 на 55, крестьянъ же подсудимыхъ только 4, одинъ на 115. Изъ этихъ отношеній видно, что съ облегченіемъ участи, съ переходомъ ссыльнаго въ болѣе свободное состояніе, шансы его попасть подъ судъ всякій разъ уменьшаются вдвое. Всѣ эти цифры означаютъ нахожденіе подъ судомъ и слѣдствіемъ, а не преступность за 1889 г., такъ какъ въ числѣ дѣлъ за этотъ годъ показаны также дѣла, начатыя много лѣтъ назадъ и еще не оконченныя. Эти цифры могутъ дать читателю понятіе о томъ, какое громадное число людей на Сахалинѣ томится ежегодно подъ судомъ и слѣдствіемъ, благодаря тому, что дѣла тянутся по-много лѣтъ, и читатель можетъ себѣ представить, какъ губительно долженъ этотъ порядокъ отзываться на экономическомъ состояніи населенія и его психикѣ *).

*) Подъ судомъ и слѣдствіемъ за побѣгъ въ 1889 г. находился 171 каторжный. Дѣло о побѣгѣ нѣкоего Колосовскаго начато въ июль 1887 г. и остановилось вслѣдствіе неявки къ допросу свидѣтелей. Дѣло о побѣгѣ со взломомъ тюрьмы начаты въ сентябрѣ 1883 г. и предложены г. прокуроромъ на рѣшеніе приморскаго окружного суда въ июль 1889 г. Дѣло Лѣникова начато въ мартѣ 1885 г. и кончено въ февралѣ 1889 г. и т. д. Наибольшее число дѣлъ въ 1889 г. дали побѣги—70%, затѣмъ убійства и вообще прикосновенность къ убійству—14%. Если бы можно было не считать побѣговъ, то половина всѣхъ дѣлъ относилась бы къ убійствамъ. Убійство—одно изъ самыхъ частыхъ преступленій на Сахалинѣ, вѣроятно, потому, что половину ссыльныхъ составляютъ осужденные за убійство. Эдѣшніе убійцы совершаютъ убійства съ необыкновенною легкостью.

Слѣдствіе поручается обыкновенно помощнику смотрителя тюрьмы или секретарю полицейскаго управленія. По

Когда я былъ въ Рыковскомъ, тамъ на казенныхъ огородахъ одинъ каторжный хватилъ другого по шеѣ ножомъ для того, какъ объяснилъ онъ, чтобы не работать, такъ какъ подслѣдственные сидятъ въ карцерахъ и ничего не дѣлаютъ. Въ Голомъ Мысу молодой столляръ Плаксинъ убилъ своего друга изъ-за нѣсколькихъ серебряныхъ монетъ. Въ 1885 г. бѣглецы каторжные напали на айское селеніе и, повидимому, только ради сильныхъ ощущеній занялся истязаніемъ мужскихъ и женщинъ, послѣднихъ пнасплывали,—и въ заключеніе повѣсили дѣтей на перекладинахъ. Большинство убійствъ поражаютъ своимъ безсмыслиемъ и жестокостью. Дѣла объ убійствахъ тянутся страшно долго. Такъ, одно дѣло было начато въ сентябрь 1881 г., а кончено лишь въ апрѣлѣ 1888 г.; другое дѣло начато въ апрѣлѣ 1882 г., а кончено въ августѣ 1889 г. Не кончено даже еще только-что рассказанное мною дѣло объ убійствѣ айскихъ семействъ: «Дѣло объ убійствѣ айновъ рѣшено военно-полевымъ судомъ, и 11 человекъ обвиняемыхъ съсылно-каторжныхъ казнены смертною казнью, о рѣшеніи же военно-полевого суда по отношенію къ остальнымъ пяти подсудимымъ полицейскому управленію неизвѣстно. Сдѣланы представленія г. начальнику о. Сахалина рапортами отъ 13 іюня и 23 октября 1889 г.». Особенно долго тянутся дѣла о «перемѣнѣ имени и фамиліи». Такъ, одно дѣло началось въ мартѣ 1880 г. и продолжается до сихъ поръ, такъ какъ еще не получены изъ якутскаго губернскаго правленія справки; другое дѣло начато въ 1881 г., третье въ 1882 г. Подъ судомъ и слѣдствіемъ «за поддѣлку и сбытъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ»—8 каторжныхъ. Говорятъ, что фальшивыя бумажки фабрикуются на самомъ Сахалинѣ. Арестанты, разгружая иностранные пароходы, покупаютъ здѣсь у буфетчиковъ табакъ и водку и платятъ обыкновенно фальшивыми бумажками. Тотъ еврей, у котораго украли на Сахалинѣ 56 тысячъ, былъ присланъ за фальшивыя бумажки; онъ уже отбылъ срокъ и гуляетъ по Александровску въ шляпѣ, пальто и съ золотою цѣпочкой; съ чиновниками и надзирателями онъ всегда говоритъ вполголоса, полупшепотомъ, и, благодаря, между прочимъ, доносу этого гнуснаго человека, былъ арестованъ и закованъ въ кандалы многосемейный крестьянинъ, тоже еврей, который былъ осужденъ когда-то военнымъ судомъ «за бунтъ» въ безсрочную каторгу, но на пути черезъ Сибирь въ его статейномъ спискѣ посредствомъ подлога срокъ наказанія былъ сокращенъ до 4 лѣтъ. Въ *Вѣдомости о состоявшихся подъ слѣдствіемъ и судомъ въ теченіе минувшаго 1899 г.*, между прочимъ, названы дѣла «о кражѣ изъ цейхгауза корсаковской мѣстной команды»; обвиняемый находится подъ судомъ съ 1884 г., но «свѣдѣній о времени начатія и окончанія слѣдственнаго дѣла въ дѣлахъ бывшаго начальника Южно-Сахалинскаго округа не имѣется, когда дѣло окончено производствомъ—неизвѣстно»; и дѣло это, по предписанію начальника острова, въ 1889 г. передано въ окружной судъ. И по смыслу выходитъ такъ, будто виновнаго будутъ судить во второй разъ.

словамъ начальника острова, «слѣдственные дѣла начинаются безъ достаточныхъ поводовъ, ведутся вяло и неумѣло, а прикосновенные арестанты содержатся безъ всякихъ основаній». Подозрѣваемаго или обвиняемаго берутъ подъ стражу и сажаютъ въ карцеръ. Когда въ Голомъ Мысу былъ убитъ поселенецъ, то было заподозрѣно и взято подъ стражу четыре человѣка *); ихъ посадили въ темные, холодные карцеры. Черезъ нѣсколько дней троихъ выпустили и оставили только одного; этого заковали въ кандалы и приказали выдавать ему горячую пищу только черезъ два дня въ третій; затѣмъ, по жалобѣ надзирателя, велѣно было дать ему 100 розогъ, и такъ держали его въ темнотѣ, впроголодь и подъ страхомъ, пока онъ не сознался. Въ это время въ тюрьмѣ содержалась также женщина свободнаго состоянія Гаранина, подозрѣваемая въ убійствѣ мужа; она тоже сидѣла въ темномъ карцерѣ и получала горячую пищу черезъ два дня въ третій. Когда одинъ чиновникъ допрашивалъ ее при миѣ, то она заявила, что она давно уже больна и что ее не хотятъ почему-то показать доктору. Когда чиновникъ спросилъ у надзирателя, приставленнаго къ карцерамъ, почему до сихъ поръ не позаботились насчетъ доктора, то онъ отвѣтилъ буквально такъ:

— Я докладывалъ господину смотрителю, но они сказали: пусть издыхаетъ!

Это неумѣнье отличать предварительное заключеніе отъ тюремнаго (да еще въ темномъ карцерѣ каторжной тюрьмы!), неумѣнье отличать свободныхъ отъ каторжныхъ удивило меня тѣмъ болѣе, что здѣшній окружной начальникъ кончилъ курсъ по юридическому факультету, а смотритель тюрьмы служилъ когда-то въ петербургской полиціи.

Въ другой разъ я былъ въ карцерахъ уже съ начальникомъ округа, рано утромъ. Когда выпустили изъ карцеровъ четырехъ ссыльныхъ, подозрѣваемыхъ въ убійствѣ, то они дрожали отъ холода. Гаранина была въ чулкахъ безъ башмаковъ, тоже дрожала и щурилась отъ свѣта. Начальникъ округа приказалъ перевести ее въ свѣтлое помѣщеніе. Между прочимъ, на этотъ разъ я тутъ замѣтилъ грузина, ко-

---

*) По Уставу о ссыльныхъ, для взытія ссыльнаго подъ стражу начальство не стѣсняется правилами, изложенными въ законахъ судопроизводства; ссыльный можетъ быть задержанъ во всякомъ случаѣ, коль скоро есть на него подозрѣніе (ст. 484).

торый бродилъ, какъ тѣнь, около входовъ въ карцеры; онъ уже пять мѣсяцевъ сидитъ здѣсь, въ темныхъ сѣняхъ, какъ подозрѣваемый въ отравленіи, и ждетъ разслѣдованія, которое до сихъ поръ еще не началось.

Товарищъ прокурора на Сахалинѣ не живетъ и за ходомъ слѣдствія наблюдать некому. Направленіе и быстрота слѣдствія поставлены въ полную зависимость отъ разныхъ случайностей, не имѣющихъ никакого отношенія къ самому дѣлу. Въ одной вѣдомости я прочелъ, что убійство нѣкой Яковлевой совершено «съ цѣлью грабежа съ предварительнымъ покушеніемъ на изнасилованіе, на что указываетъ сдвинутая на кровати постель и свѣжія царапины и отпечатки гвоздей отъ каблуковъ на задней стѣнкѣ кровати». Такое соображеніе предрѣшаетъ судьбу всего дѣла, вскрытіе же въ подобныхъ случаяхъ не считается необходимымъ. Въ 1888 г. одинъ бѣгло-каторжный убилъ рядового Хроматыхъ, и вскрытіе было произведено только въ 1889 г., по требованію прокурора, когда уже слѣдствіе было окончено и дѣло препровождено въ судъ *).

Ст. 469 *Устава* даетъ право мѣстному начальству безъ формальнаго полицейскаго изслѣдованія опредѣлять и приводить въ исполненіе наказанія за такія преступленія и проступки ссыльныхъ, за которые по общимъ уголовнымъ законамъ полагаются наказанія, не превосходящія лишенія всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ съ заключеніемъ въ тюрьмѣ. Вообще же маловажныя дѣла на Сахалинѣ вѣдаетъ формальная полицейская расправа, которая принадлежитъ здѣсь полицейскимъ управленіямъ. Несмотря на такую широкую компетенцію этого мѣстнаго суда, которому

*) Въ прежнее время, случалось, дѣла таинственно исчезали или прекращались вдругъ «по загадочной причинѣ» (см. *Владивостокъ*, 1885 г., № 43). Между прочимъ, разъ даже украли дѣло, рѣшенное полевымъ судомъ. Г. Власовъ въ своемъ отчетѣ упоминаетъ о безсрочно-каторжнымъ Айзикѣ Шапирѣ. Этотъ еврей жилъ въ Дуэ и торговалъ здѣсь водкой. Въ 1870 г. онъ обвинялся въ растлѣніи 5-ти-лѣтней дѣвочки, но дѣло, несмотря на существованіе поличнаго и улики, было затушено. Слѣдствіе по этому дѣлу производилъ офицеръ постовой команды, который заложилъ тому же Шапирѣ ружье и состоялъ у него въ денежной зависимости; когда дѣло было отобрано отъ офицера, то не оказалось документовъ, пзобличавшихъ Шапиру. Послѣдній пользовался въ Дуэ большимъ почетомъ. Когда однажды начальникъ поста спросилъ, гдѣ Шапира, то ему отвѣтили: «Они пошли чай пить».

подсудны всѣ маловажныя дѣла, а также множество дѣлъ, которыя считаются маловажными только условно, население здѣшнее не знаетъ правосудія и живетъ безъ суда. Гдѣ чиновникъ имѣетъ право по закону безъ суда и разслѣдованія наказатъ розгами и посадить въ тюрьму, и даже послать въ рудникъ, тамъ существованіе суда имѣетъ лишь формальное значеніе *).

Наказанія за важныя преступленія опредѣляются приморскимъ окружнымъ судомъ, который рѣшаетъ дѣла по однѣмъ лишь бумагамъ, не допрашивая подсудимыхъ и свидѣтелей. Рѣшеніе окружного суда всякій разъ представляется на утвержденіе начальника острова, который, въ случаѣ несогласія съ приговоромъ, разрѣшаетъ дѣло своею властью, причѣмъ о всякомъ измѣненіи приговора доносятъ правительствующему сенату. Въ случаѣ, если какое-нибудь преступленіе кажется администраціи изъ ряда вопль выходящимъ, а наказаніе, слѣдующее за него по *Уставу о ссыльныхъ*, недостаточно высокимъ, то она ходатайствуетъ о преданіи виновнаго военно-полевому суду.

Наказанія, которыя полагаются каторжнымъ и поселенцамъ за преступленія, отличаются чрезмѣрною суровостью, и если нашъ *Уставъ о ссыльныхъ* находится въ полномъ несоотвѣтствіи съ духомъ времени и закономъ, то это прежде всего замѣтно въ той его части, которая трактуетъ о наказаніяхъ. Наказанія, унижающія преступника, ожесточающія его и способствующія огрубѣнію нравовъ и давно уже признанныя вредными для свободнаго населенія, оставлены для поселенцевъ и каторжныхъ, какъ будто ссыльное населеніе подвержено меньшей опасности огрубѣть, ожесточиться и окончательно потерять человѣческое достоинство. Розги, плети, прикованіе къ телѣжкѣ,—наказанія, позорящія личность преступника, причиняющія его тѣлу боль и мученія,—примѣняются здѣсь широко. Наказаніе плетями

*) Въ селеніи Андрее-Ивановскомъ въ дождливую ночь у С. украли свинью. Подозрѣніе пало на З., у котораго панталоны были опачканы въ свиной калъ. Сдѣлали у него обыскъ, но свинью не нашли; тѣмъ не менѣе, все-таки сельское общество приговорило отобрать свинью, принадлежащую его квартирному А., который могъ быть виновенъ въ укрывательствѣ. Начальникъ округа утвердилъ этотъ приговоръ, хотя и находилъ его несправедливымъ. «Если мы не будемъ утверждать сельскіе приговоры, — сказалъ онъ мнѣ: — то Сахалинъ тогда совсѣмъ останется безъ суда».

или розгами полагается за всякое преступленіе, будь то уголовное или маловажное; примѣняется ли оно какъ дополнительное, въ соединеніи съ другими наказаніями или самостоятельно, оно все равно составляетъ необходимое содержаніе всякаго приговора.

Самое употребительное наказаніе—розги *). Какъ показано въ *Вѣдомости*, въ Александровскомъ округѣ въ теченіе 1889 г. было наказано административнымъ порядкомъ 282 каторжныхъ и поселенцевъ: тѣлесно, т. е. розгами, 265 и иными мѣрами 17. Значить, изъ 100 случаевъ въ 94 администрація прибѣгаетъ къ розгамъ. На самомъ дѣлѣ, далеко не все число наказанныхъ тѣлесно попадаетъ въ вѣдомость: въ вѣдомости Тымовскаго округа показано за 1889 г. только 57 каторжныхъ, наказанныхъ розгами, а въ

---

*) Тузы на спишь, бритые половины головы и оковы, служившіе въ прежнее время для предупрежденія побѣговъ и для удобнѣйшаго распознаванія ссыльныхъ, утратили свое прежнее значеніе и сохраняются теперь лишь какъ позорящія наказанія. Тузы, четырехъугольный доскутъ, до двухъ вершковъ во все стороны, должны по *Уставу* быть отличнаго цвѣта отъ самой одежды; до послѣдняго времени онѣ были желтымъ, но такъ какъ это цвѣтъ амурскихъ и забайкальскихъ казаковъ, то бар. Корфъ приказалъ дѣлать тузы изъ чернаго сукна. Но на Сахалинѣ тузы утратили всякое значеніе, такъ какъ къ нимъ давно уже приглядѣлись и не замѣчаютъ ихъ. То же самое можно сказать и о бритыхъ головахъ. На Сахалинѣ бреютъ головы очень рѣдко, только возвращеннымъ съ бѣговъ, подслѣдственнымъ и прикованнымъ къ тачкамъ, а въ Корсаковскомъ округѣ вовсе не бреютъ. По *Уставу о содержащихся подѣ стражей*, всѣ кандаловъ должень быть отъ пяти до пяти съ половиною фунтовъ. Изъ женщинъ при мнѣ была закована только одна Золотая Ручка, на которой были ручные кандалы. Для испытуемыхъ ношеніе оковъ обязательно, но *Уставъ* разрѣшаетъ снимать оковы, когда это необходимо для производства работъ, а такъ какъ почти на всякой работѣ кандалы служатъ помѣхой, то громадное большинство каторжныхъ освобождено отъ нихъ. Даже далеко не всѣ безсрочные закованы, хотя по *Уставу* должны содержаться въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ. Какъ ни легки кандалы, но все же они до извѣстной степени стѣсняють движеніе. Къ нимъ тоже привыкають, хотя далеко не всѣ. Мнѣ случалось видѣть арестантовъ, уже немолодыхъ, которые при постороннихъ прикрывали кандалы полами халатовъ; у меня есть фотографія, гдѣ изображена толпа дуискихъ и воеводскихъ каторжныхъ на раскомандировкѣ, и большинство закованныхъ постаралось стать такъ, чтобы кандалы на фотографіи не вышли. Очевидно, какъ позорящее наказаніе, цѣпи во многихъ случаяхъ достигаютъ цѣли, но то чувство униженія, которое онѣ вызываютъ въ преступникѣ, едва ли имѣетъ что-нибудь общаго со стыдомъ.

Корсаковскомъ только 3, между тѣмъ, какъ въ обоихъ округахъ сѣкутъ каждый день по нѣскольку человѣкъ а въ Корсаковскомъ иногда по десятку. Поводомъ къ тому, чтобы дать человѣку 30 или 100 розогъ, служить обыкновенно всякая провинность: неисполненіе дневного урока (например, если сапожникъ не сшилъ положенныхъ трехъ паръ котовъ, то его сѣкутъ), пьянство, грубость, непослушаніе... Если не исполнили урока 20—30 рабочихъ, то сѣкутъ всѣхъ 20—30. Одинъ чиновникъ говорилъ мнѣ:

— Арестанты, особенно кандалные, любятъ подавать всякія вздорныя прошенія. Когда я былъ назначенъ сюда и въ первый разъ обходилъ тюрьму, то мнѣ было подано до 50 прошеній; я принялъ, но объявилъ просителямъ, что тѣ изъ нихъ, прошенія которыхъ окажутся незаслуживающими вниманія, будутъ наказаны. Только два прошенія оказались уважительными, остальные же—чепухой. Я велѣлъ высѣчь 48 человѣкъ. Затѣмъ въ другой разъ 25, потому все меньше и меньше, и теперь уже просьбъ мнѣ не подають. Я отучилъ ихъ.

На югѣ у одного каторжнаго по допосу другого сдѣлали обыскъ и нашли дневникъ, который былъ принятъ за черновыя корреспонденціи; ему дали 50 розогъ и 15 дней продержали въ темномъ карцерѣ на хлѣбѣ и на водѣ. Смотритель поселеній, съ вѣдома окружного начальника, подвергъ тѣлесному наказанію почти всю Лютогу. Вотъ какъ описываетъ это начальникъ острова: «Начальникъ Корсаковского округа доложилъ мнѣ, между прочимъ, о крайне серьезномъ случаѣ превышенія власти, которое позволилъ себѣ (имя рекъ) и которое состояло въ жестокомъ тѣлесномъ наказаніи нѣкоторыхъ поселенцевъ и въ мѣрѣ, далеко превышающей закономъ установленную норму. Случай этотъ, возмутительный самъ по себѣ, представляется мнѣ еще болѣе рѣзкимъ при разборѣ обстоятельствъ, вызвавшихъ это наказаніе праваго и виноватаго, не исключая даже беременной женщины, безъ всякаго разсмотрѣнія дѣла, состоявшаго въ простой и безрезультатной дракѣ между ссыльно-поселенцами» (приказъ № 258-й 1888 г.).

Чаще всего провинившемуся даютъ 30 или 100 розогъ. Это зависитъ не отъ вины, а отъ того, кто распорядился наказать его, начальникъ округа или смотритель тюрьмы: первый имѣетъ право дать до 100, а второй до 30. Одинъ

смотритель тюрьмы всегда аккуратно давалъ по 30, когда же ему пришлось однажды исполнять должность начальника округа, то свою обычную порцію онъ сразу повысилъ до 100, точно эти сто розогъ были необходимымъ признакомъ его новой власти; и онъ не измѣнялъ этому признаку до самаго пріѣзда начальника округа, а потомъ опять, такъ же добросовѣстно и сразу, съѣхалъ на 30. Наказаніе розгами отъ слишкомъ частаго употребленія въ высшей степени опошилось на Сахалинѣ, такъ что уже не вызываетъ во многихъ ни отвращенія, ни страха, и говорятъ, что между арестантами уже не мало такихъ, которые во время экзекуціи не чувствуютъ даже боли.

Плети примѣняются гораздо рѣже, только вслѣдствіе приговоровъ окружныхъ судовъ. Изъ отчета завѣдующаго медицинскою частью видно, что въ 1889 г. «для опредѣленія способности перенести тѣлесное наказаніе по приговорамъ судовъ» было освидѣтельствовано врачами 67 человекъ. Это наказаніе изъ всѣхъ употребляемыхъ на Сахалинѣ самое отвратительное по своей жестокости и обстановкѣ, и юристы Европейской Россіи, приговаривающіе бродягъ и рецидивистовъ къ плетямъ, давно бы отказались отъ этого наказанія, если бы оно исполнялось въ ихъ присутствіи. Отъ позорнаго, оскорбляющаго чувство зрѣлица они, однако, ограждены 478 ст. *Устава*, по которой приговоры русскихъ и сибирскихъ судовъ приводятся въ исполненіе на мѣстѣ ссылки.

Какъ наказываютъ плетями, я видѣлъ въ Дуэ. Бродяга Прохоровъ, онъ же Мыльниковъ, человекъ лѣтъ 35—40, бѣжалъ изъ Воеводской тюрьмы и, устроивши небольшой плотъ, поплылъ на немъ къ матерку. На берегу, однако, замѣтили въ-время и послали за нимъ въ догонку катеръ. Началось дѣло о побѣгѣ, заглянули въ статейный списокъ и вдругъ сдѣлали открытіе: этотъ Прохоровъ, онъ же Мыльниковъ, въ прошломъ году за убійство казака и двухъ внучекъ былъ приговоренъ хабаровскимъ окружнымъ судомъ къ 90 плетямъ и прикованію къ тачкѣ, наказаніе же это, по недосмотру, еще не было приведено въ исполненіе. Если бы Прохоровъ не вздумалъ бѣжать, то, быть можетъ, такъ бы и не замѣтили ошибки и дѣло обошлось бы безъ плетей и тачки, теперь же экзекуція была неизбѣжна. Въ назначенный день, 13 августа, утромъ, смотритель

тюрмы, врачъ и я подходили неснѣша къ канцеляріи; Прохоровъ, о приводѣ котораго было сдѣлано распоряженіе еще наканунѣ, сидѣлъ на крыльцѣ съ надзирателями, не зная еще, что ожидаетъ его. Увидавъ насъ, онъ всталъ и, вѣроятно, понялъ, въ чемъ дѣло, такъ какъ сильно поблѣднѣлъ.

— Въ канцелярію!—приказалъ смотритель.

Вошли въ канцелярію. Ввели Прохорова. Докторъ, молодой нѣмецъ, приказалъ ему раздѣться и выслушалъ сердце для того, чтобъ опредѣлить, сколько ударовъ можетъ вынести этотъ арестантъ. Онъ рѣшаетъ этотъ вопросъ въ одну минуту и затѣмъ съ дѣловымъ видомъ садится писать актъ осмотра.

— Ахъ, бѣдный!—говоритъ онъ жалобнымъ тономъ съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, макая перо въ чернильницу.—Тебѣ, небось, тяжело въ кандалахъ! А ты попроси вотъ господина смотрителя, онъ велитъ снять.

Прохоровъ молчитъ; губы у него блѣдны и дрожатъ.

— Тебя вѣдь понапрасну,—не понимаетъ докторъ.—Все въ понапрасну. Въ Россіи такіе подозрительные люди! Ахъ, бѣдный, бѣдный!

Актъ готовъ; его приобщаютъ къ слѣдственному дѣлу о побѣгѣ. Затѣмъ наступаетъ молчаніе. Писарь пишетъ, докторъ и смотритель пишутъ... Прохоровъ еще не знаетъ на вѣрное, для чего его позвали сюда: только по одному побѣгу или же по старому дѣлу и побѣгу вмѣстѣ? Неизвѣстность томитъ его.

— Что тебѣ снилось въ эту ночь?—спрашиваетъ, наконецъ, смотритель.

— Забылъ, ваше высокоблагородіе.

— Такъ вотъ слушай,—говоритъ смотритель, глядя въ статеишій списокъ.—Такого-то числа и года хабаровскимъ окружнымъ судомъ за убійство казака ты приговоренъ къ девяти годамъ плетямъ... Такъ вотъ сегодня ты долженъ ихъ принять.

И, похлопавъ арестанта ладонью по лбу, смотритель говоритъ наставительно:

— А все отчего? Оттого, что хочешь быть умнѣе себя, голова. Все бѣгаете, думаете лучше будетъ, а выходитъ хуже.

Идемъ все въ «помѣщеніе для надзирателей» — старое

сѣрое зданіе барачнаго типа. Военный фельдшеръ, стоящій у входа, проситъ умоляющимъ голосомъ, точно милостыни:

— Ваше высокоблагородіе, позвольте посмотрѣть, какъ наказываютъ!

Посреди надзирательской стоитъ покатая скамья съ отверстіями для привязыванія рукъ и ногъ. Палачъ Толстыхъ, высокій, плотный человекъ, имѣющій сложеніе силача-акробата, безъ сюртука, въ разстегнутой жилеткѣ*), киваетъ головой Прохорову; тотъ молча ложится. Толстыхъ неспѣшна, тоже молча, спускаетъ ему штаны до колѣнъ и начинаетъ медленно привязывать къ скамьѣ руки и ноги. Смотритель равнодушно поглядываетъ въ окно, докторъ прохаживается. Въ рукахъ у него какія-то капли.

— Можетъ, дать тебѣ стаканъ воды?—спрашиваетъ онъ.

— Ради Бога, ваше высокоблагородіе.

Наконецъ, Прохоровъ привязанъ. Палачъ беретъ плеть съ тремя ремешными хвостами и неспѣшна расправляетъ ее.

— Поддержись!—говоритъ онъ негромко и, не размахиваясь, а какъ бы только примѣриваясь, наноситъ первый ударъ.

— Ра-азъ!—говоритъ надзиратель дьячковскимъ голосомъ.

Въ первое мгновеніе Прохоровъ молчитъ и даже выраженіе лица у него не мѣняется, но вотъ по тѣлу пробѣгаетъ судорога отъ боли и раздается не крикъ, а визгъ.

— Два!—кричитъ надзиратель.

Палачъ стоитъ сбоку и бьетъ такъ, что плеть ложится поперекъ тѣла. Послѣ каждаго пяти ударовъ онъ медленно переходитъ на другую сторону и даетъ отдохнуть полминуты. У Прохорова волосы прилипли ко лбу, шея надулась; уже послѣ 5—10 ударовъ тѣло, покрытое рубцами еще отъ прежнихъ плетей, побагровѣло, посинѣло; кожаца лопается на немъ отъ каждаго удара.

— Ваше высокоблагородіе!—слышится сквозь визгъ и плачь.—Ваше высокоблагородіе! Пощадите, ваше высокоблагородіе!

И потомъ послѣ 20—30 удара Прохоровъ причитываетъ, какъ пьяный или точно въ бреду:

---

*) Онъ былъ присланъ на каторгу за то, что отрубилъ своей женѣ голову.

— Я человекъ несчастный, я человекъ убитый... За что же это меня наказываютъ?

Вотъ уже какое-то странное вытягиваніе шеи, звуки рвоты... Прохоровъ не произноситъ ни одного слова, а только мычить и хрипеть; кажется, что съ начала наказанія прошла цѣлая вѣчность, но надзиратель кричитъ только: «Сорокъ два! Сорокъ три!» До девяноста далеко. Я выхожу наружу. Кругомъ на улицѣ тихо, и раздрающіе звуки изъ надзирательской, мнѣ кажется, проносятся по всему Дуэ. Вотъ прошелъ мимо каторжный въ вольномъ платьѣ, мелькомъ взглянулъ на надзирательскую, и на лицѣ его и даже въ походкѣ выразился ужасъ. Вхожу опять въ надзирательскую, потомъ опять выхожу, а надзиратель все еще считаетъ.

Наконецъ, девяносто. Прохорову быстро распутываютъ руки и ноги и помогаютъ ему подняться. Мѣсто, по которому били, сине-багрово отъ кровоподтековъ и кровотоchnikъ. Зубы стучать, лицо желтое, мокрое, глаза блуждаютъ. Когда ему даютъ калель, онъ судорожно кусаетъ стаканъ... Помочили ему голову и повели въ околотокъ.

— Это за убійство, а за побѣгъ еще будетъ особо,—поясняютъ мнѣ, когда мы возвращаемся домой.

— Люблю смотрѣть, какъ ихъ наказываютъ!—говоритъ радостно военный фельдшеръ, очень довольный, что насытился отвратительнымъ зрѣлищемъ.—Люблю! Это такіе негодяи, мерзавцы... вѣшать ихъ!

Отъ тѣлесныхъ наказаній грубѣютъ и ожесточаются не одни только арестанты, но и тѣ, которые наказываютъ и присутствуютъ при наказаніи. Исключенія не составляютъ даже образованные люди. По крайней мѣрѣ, я не замѣчалъ, чтобы чиновники съ университетскимъ образованіемъ относились къ экзекуціямъ иначе, чѣмъ военные фельдшера или кончившіе курсъ въ юнкерскихъ училищахъ и духовныхъ семинаріяхъ. Иные до такой степени привыкаютъ къ плетямъ и розгамъ и такъ грубѣютъ, что, въ концѣ-концовъ, даже начинаютъ находить удовольствіе въ драпѣ. Про одного зрителя тюрьмы рассказываютъ, что, когда при немъ сѣкли, онъ насвистывалъ; другой, старикъ, говорилъ арестанту съ злорадствомъ: «Что ты кричишь, Господь съ тобой? Ничего, ничего, поддержишься! Всыпь ему, сыпь! Жиганц его!» Третій велѣлъ привязывать арестанта къ скамьѣ

за шею, чтобы тотъ хрипѣлъ, давалъ 5—10 ударовъ и уходилъ куда-нибудь на часть-другой, потомъ возвращался и давалъ остальные *).

Въ составъ военно-полевого суда входятъ мѣстные офицеры по назначенію начальника острова; военно-судное дѣло вмѣстѣ съ приговоромъ суда посылается на конфирмацію генераль-губернатору. Въ прежнее время приговоренные по два, по три года томилась въ карцерахъ, ожидая конфирмаціи, теперь же судьба ихъ рѣшается по телеграфу. Обычный приговоръ военнаго-полевого суда—смертная казнь черезъ повѣшеніе. Генераль-губернаторъ иногда смягчаетъ приговоръ, замѣняя казнь ста плетями, прикованіемъ къ тачкѣ и содержаніемъ въ разрядѣ испытуемыхъ безъ срока. Если приговоренъ къ казни убійца, то приговоръ смягчается

---

*) Ядрищевъ рассказываетъ про нѣкоего Демидова, который, чтобы раскрыть всѣ подробности одного преступленія, пыталъ черезъ палача жену убійцы, которая была женщина свободная, пришедшая въ Сибирь съ мужемъ добровольно и, слѣдовательно, избавленная отъ тѣлеснаго наказанія; потомъ онъ пыталъ 11-ти-лѣтнюю дочь убійцы; дѣвочку держали на воздухѣ и палачъ съкъ ее розгой съ головы до нитъ; ребенку даже было дано нѣсколько ударовъ плетью, и когда она попросила пить, ей подали соленого омули. Плетей дано было бы и больше, если бы самъ палачъ не отказался продолжать бить. «И между тѣмъ,—говоритъ Ядрищевъ:—жестокость Демидова есть естественное послѣдствіе того воспитанія, которое онъ долженъ былъ получить, долго управляя ссыльной массой» (*Положеніе ссыльныхъ въ Сибири. Вѣстникъ Европы* 1875 г., кн. XI и XII). Власовъ рассказываетъ въ своемъ отчетѣ про поручика Евфопова, слабость котораго, «съ одной стороны, привела къ тому, что казарма, въ которой жили каторжные, обратилась въ кабакъ съ карточной игрой и вертепъ преступленій разнаго рода, а съ другой—порывистая его жестокость вызвала ожесточеніе со стороны каторжныхъ. Одинъ изъ преступниковъ, желая избавиться отъ неумѣреннаго количества розогъ, убилъ надзирателя передъ наказаніемъ».

Теперешній начальникъ острова ген. Кононовичъ всегда противъ тѣлесныхъ наказаній. Когда ему представляютъ на утвержденіе приговоры полицейскихъ управленій и хабаровскаго суда, то онъ обыкновенно пишетъ: «Утверждаю, кромѣ тѣлеснаго наказанія». Къ сожалѣнію, за недосугомъ, онъ очень рѣдко бываетъ въ тюрьмахъ и не знаетъ, какъ часто у него на островѣ, даже въ 200—300 шагахъ отъ его квартиры, съкутъ людей розгамц, и о числѣ наказанныхъ судить только по вѣдомостямъ. Однажды, когда я сидѣлъ у него въ гостиной, онъ въ присутствіи нѣкоторыхъ чиновниковъ и одного пріѣзжаго горнаго инженера сказалъ мнѣ:

— У насъ, на Сахалинѣ, прибѣгаютъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ чрезвычайно рѣдко, почти никогда.

очень рѣдко. «Убійць я вѣшаю»,—сказаль мнѣ генераль-губернаторь.

Наканунѣ казни, вечеромъ и ночью, приговореннаго напутствуетъ священникъ. Напутствіе заключается въ исповѣди и бесѣдѣ. Одинъ священникъ рассказываль мнѣ:

«— Въ началѣ моей дѣятельности, когда мнѣ еще было 25 лѣтъ, пришлось мнѣ однажды напутствовать въ Воеводской тюрьмѣ двухъ приговоренныхъ къ повѣшенію за убійство поселенца изъ-за рубля сорока копеекъ. Вошелъ я къ нимъ въ карцеръ и струсилъ съ непривычки: велѣлъ не затворять за собой дверей и не уходить часовому. А они мнѣ:

— Не бойтесь, батюшка, мы васъ не убьемъ. Садитесь.

Спрашиваю: гдѣ же сѣсть? Указываютъ на нары. Я сѣлъ на боченокъ съ водой, потомъ, набравшись духу, сѣлъ на нары между обоими преступниками. Спросилъ, какой губерніи, то да сѣ, потомъ сталъ напутствовать. Только во время исповѣди гляжу—проносятъ мимо окна столбы для висѣльницъ и всякія эти принадлежности.

— Что это?—спрашиваютъ арестанты.

— Это, говорю имъ, должно-быть, у смотрителя строить что-нибудь.

— Нѣтъ, батюшка, это насъ вѣшать. Вотъ что, батюшка, нельзя ли намъ водочки выпить?

— Не знаю, говорю, пойду спрошу.

Я пошелъ къ полковнику Л. и сказаль ему, что приговоренные хотятъ выпить. Полковникъ далъ мнѣ бутылку и, чтобы разговоръ не было, приказаль разводящему увести часового. Я досталь рюмку у караульнаго и пошелъ въ карцеръ къ арестантамъ. Налилъ рюмку.

— Нѣтъ, говорятъ, батюшка, выкушайте вы сначала, а то мы пить не станемъ.

Пришлось выпить рюмку. А закусить нечѣмъ.

— Ну, говорятъ, отъ водки мысли прояснились.

Послѣ этого продолжаю ихъ напутствовать. Говорю съ ними часть-другой. Вдругъ команда:

— Выводить!

Потомъ, когда ихъ повѣсили, я съ непривычки долго боялся въ темную комнату входить.

Страхъ смерти и обстановка казни дѣйствуютъ на приговоренныхъ угнетающимъ образомъ. На Сахалинѣ еще не

было случая, чтобы преступник шелъ на казнь бодро. У каторжнаго Черношея, убійцы лавочника Никитина, когда передъ казню вели его изъ Александровска въ Дуэ, сдѣлались спазмы мочевого пузыря, и онъ то и дѣло останавливался; его товарищъ по преступленію Кинжаловъ сталъ заговариваться. Передъ казню надѣвають саванъ, читаютъ отходную. Когда казнили убійцъ Никитина, то одинъ изъ нихъ не вынесъ отходной и упалъ въ обморокъ. Самому молодому изъ убійцъ, Пазухину, уже послѣ того, какъ на него былъ надѣтъ саванъ и прочли ему отходную, было объявлено, что онъ помилованъ; казнь ему была замѣнена другимъ наказаніемъ. Но сколько долженъ былъ пережить въ короткое время этотъ человѣкъ! Всю ночь разговоръ со священниками, торжественность исповѣди, подъ утро полстакана водки, команда «выводи», саванъ, отходная, потомъ радость по случаю помилованія и тотчасъ же послѣ казни товарищей сто плетей, послѣ пятаго удара обморокъ и, въ концѣ-концовъ, прикованіе къ тачкѣ.

Въ Корсаковскомъ округѣ за убійство айно было приговорено къ смертной казни 11 человѣкъ. Всю ночь наканунѣ казни чиновники и офицеры не спали, ходили другъ къ другу, пили чай. Было общее томленіе и никто не находилъ себѣ мѣста. Двое изъ приговоренныхъ отравились борцомъ—большая неприятность для военной команды, на отвѣтственности которой находились приговоренные. Начальникъ округа слышалъ ночью суматоху, и ему было доложено, что двое отравились, но все же передъ самою казню, когда всѣ собрались около висѣлицъ, долженъ былъ задать начальнику команды вопросъ:

— Приговорено было къ смертной казни одиннадцать, а тутъ я вижу только девять. Гдѣ же остальные два?

Начальникъ команды, вмѣсто того, чтобы отвѣтить ему такъ же официально, забормоталъ нервно:

— Ну повѣсьте меня самого. Повѣсьте меня...

Было раннее октябрьское утро, сѣрое, холодное, темное. У приговоренныхъ отъ ужаса лица желтыя и шевелятся волосы на головѣ. Чиновникъ читаетъ приговоръ, дрожитъ отъ волненія и заикается отъ того, что плохо видитъ. Священникъ въ черной ризѣ даетъ всѣмъ девяти поцѣловать крестъ и шепчетъ, обращаясь къ начальнику округа:

— Ради Бога, отпустите, не могу...

Длинная процедура: нужно надѣть на каждого саванъ, подвести къ эшафоту. Когда, наконецъ, повѣсили девять человѣкъ, то получилась въ воздухѣ «цѣлая гирлянда», какъ выразился начальникъ округа, рассказывавшій мнѣ объ этой казни. Когда сняли казненныхъ, то доктора наши, что одинъ изъ нихъ еще живъ. Эта случайность имѣла особое значеніе: тюрьма, которой извѣстны тайны всѣхъ преступленій, совершаемыхъ ея членами, въ томъ числѣ палачъ и его помощники, знали, что этотъ живой не виноватъ въ томъ преступленіи, за которое его вѣшали.

— Повѣсили въ другой разъ,— заключилъ свой рассказъ начальникъ округа.— Потому я не могъ спать цѣлый мѣсяць.

XXII.

Бѣгство на Сахалинѣ.—Причины побѣговъ.—Составъ бѣглыхъ по причинѣ, разридамъ и проч.

Какъ на одно изъ главныхъ и особенно важныхъ преимуществъ Сахалина, извѣстный комитетъ 1868 г. указывалъ на его островное положеніе. На островѣ, отдѣляемомъ отъ материка бурнымъ моремъ, казалось, не трудно было создать большую морскую тюрьму по плану: «кругомъ вода, а въ середкѣ бѣда», и осуществить римскую ссылку на островъ, гдѣ о побѣгѣ можно было бы только мечтать. На дѣлѣ же, съ самаго начала сахалинской практики, островъ оказался какъ бы островомъ, *quasi insula*. Пролить, отдѣляющій островъ отъ материка, въ зимніе мѣсяцы замерзаетъ совершенно, и та вода, которая лѣтомъ играетъ роль тюремной стѣны, зимою бываетъ ровна и гладка, какъ поле, и всякій желающій можетъ пройти его пѣшкомъ или перѣхать на собакахъ. Да и лѣтомъ проливъ ненадеженъ: въ самомъ узкомъ мѣстѣ, между мысами Погоби и Лазарева, онъ не шире шести-семи верстъ, а въ тихую, ясную погоду нетрудно переплыть на плохой гилляцкой лодкѣ и сто верстъ. Даже тамъ, гдѣ проливъ широкъ, сахалинцы видятъ материковый берегъ довольно ясно; туманная полоса земли съ красивыми горными пиками изо дня въ день манитъ къ себѣ и искушаетъ ссылнаго, обѣщая ему свободу и родину. Комитетъ, кромѣ этихъ физическихъ условій, не предвидѣлъ еще, или упустилъ изъ виду, побѣги не на

материкъ, а внутрь острова, причиняющіе хлопотъ не меньше, чѣмъ побѣги на материкъ и, такимъ образомъ, островное положеніе Сахалина далеко не оправдало надеждъ комитета.

Но оно все-таки остается преимуществомъ. Изъ Сахалина бѣжать нелегко. Бродяги, на которыхъ въ этомъ отношеніи можно положиться, какъ на спеціалистовъ, заявляютъ откровенно, что бѣжать изъ Сахалина гораздо труднѣе, чѣмъ, напримѣръ, изъ Карійской или Нерчинской каторги. При совершенной распущенности и всякихъ послабленіяхъ, какія имѣли мѣсто при старой администраціи, сахалинскія тюрьмы, все-таки, оставались полными, и арестанты бѣгали не такъ часто, какъ, быть-можетъ, хотѣли того смотрители тюремъ, для которыхъ побѣги составляли одну изъ самыхъ доходныхъ статей. Нынѣшніе чиновники сознаются, что если бы не страхъ передъ физическими препятствіями, то, при разбросанности каторжныхъ работъ и слабости надзора, на островѣ оставались бы только тѣ, кому нравится здѣсь жить, то-есть никто.

Но среди препятствій, удерживающихъ людей отъ побѣговъ, страшно главнымъ образомъ не море. Непроходимая сахалинская тайга, горы, постоянная сырость, туманы, безлюдье, медвѣди, голодь, мошка, а зимою страшные морозы и метели—вотъ истинные друзья надзора. Въ сахалинской тайгѣ, гдѣ на каждомъ шагу приходится преодолевать горы валежнаго лѣса, жесткій, путающійся въ ногахъ богульникъ или бамбукъ, тонуть по поясъ въ болотахъ и ручьяхъ, отмахиваться отъ ужасной мошки, — даже вольные сытые ходоки дѣлаютъ не больше 8 верстъ въ сутки, человекъ же, истощенный тюрьмой, питающійся въ тайгѣ гнилушками съ солью и не знающій, гдѣ сѣверъ, а гдѣ югъ, не дѣлаетъ въ общемъ и 3—5 верстъ. Къ тому же, онъ вынужденъ идти не прямою дорогой, а далеко въ обходъ, чтобы не попасть на кордонъ. Проходитъ въ бѣгахъ недѣля-другая, рѣдко мѣсяцъ, и онъ, изнуренный голодомъ, поносами и лихорадкой, искусанный мошкой, съ избитыми, опухшими ногами, мокрый, грязный, оборванный, погибаетъ гдѣ-нибудь въ тайгѣ, или же черезъ силу плетется назадъ и проситъ у Бога, какъ величайшаго счастья, встрѣчи съ солдатомъ или гялякомъ, который доставилъ бы его въ тюрьму.

Причиной, побуждающею преступника искать спасенія въ бѣгахъ, а не въ трудѣ и не въ покаяніи, служить главнымъ образомъ не засыпающее въ немъ сознаніе жизни. Если онъ не философъ, которому *вездѣ* и при всѣхъ обстоятельствахъ живется одинаково хорошо, то не хотѣть бѣжать онъ не можетъ и не долженъ.

Прежде всего, ссыльнаго гонить изъ Сахалина его страстная любовь къ родинѣ. Послушать каторжниковъ, то какое счастье, какая радость жить у себя на родинѣ! О Сахалинѣ, о адѣишей землѣ, людяхъ, деревьяхъ, о климатѣ говорить съ презрительнымъ смѣхомъ, отвращеніемъ и досадой, а въ Россіи все прекрасно и уютно; самая смѣлая мысль не можетъ допустить, чтобы въ Россіи могли быть несчастные люди, такъ какъ жить гдѣ-нибудь въ Тульской или Курской губерніи, видѣть каждый день избы, дышать русскимъ воздухомъ само-по-себѣ есть уже высшее счастье. Пошли, Боже, нужду, болѣзни, слѣпоту, ибмоту и срамъ отъ людей, но только приведи помереть дома. Одна старушка, каторжница, бывшая ибкоторое время моею прислугой, восторгалась моими чемоданами, книгами, одѣяломъ и потому только, что все это не сахалинское, а изъ нашей стороны; когда ко мнѣ приходили въ гости священники, она не шла подь благословеніе и смотрѣла на нихъ съ усмѣшкой, потому что на Сахалинѣ не могутъ быть настоящие священники. Тоска по родинѣ выражается въ формѣ постоянныхъ воспоминаній, печальныхъ и трогательныхъ, сопровождаемыхъ жалобами и горькими словами, или въ формѣ несбыточныхъ надеждъ, поражающихъ часто своею нелѣпностью и похожихъ на сумасшествіе, или же въ формѣ ясно выраженнаго, несомнѣннаго упомнѣнительства *).

Гонить ссыльныхъ изъ Сахалина также стремленіе къ свободѣ, присущее человѣку и составляющее, при нормальныхъ условіяхъ, одно изъ его благороднѣйшихъ свойствъ. Пока ссыльный молодъ и крѣпокъ, то старается убѣжать возможно подале, въ Сибирь или Россію. Обыкновенно

*) Въ ивншемъ Владивостокѣ среди чиновниковъ и моряковъ нередко наблюдается ностальгія; я самъ видѣлъ тамъ двухъ сумасшедшихъ чиновниковъ—юрста и канцелярмейстера. Если эти случаи нередки въ средѣ свободныхъ и живущихъ при сравнительно здоровой обстановкѣ людей, то на Сахалинѣ, понятно само собою, они должны быть очень часты.

его ловятъ, судятъ, отправляютъ назадъ на каторгу, но это не такъ страшно; въ медленномъ, пѣшеэтапномъ хожденіи по Сибири, въ частой перемѣнѣ тюремъ, товарищей и конвойныхъ и въ дорожныхъ приключеніяхъ есть своя особенная поэзія и, все-таки, больше похожего на свободу, чѣмъ въ Воеводской тюрьмѣ или на дорожныхъ работахъ. Ослабѣвши съ годами, потерявъ вѣру въ свои ноги, онъ бѣжитъ уже куда-нибудь поближе, на Амуръ или даже въ тайгу, или на гору, только бы подальше отъ тюрьмы, чтобы не видѣть постылыхъ стѣнъ и людей, не слышать бряцанья оковъ и каторжныхъ разговоровъ. Въ Корсаковскомъ посту живетъ ссыльно-каторжный Алтуховъ, старикъ лѣтъ 60 или больше, который убѣгаетъ такимъ образомъ: беретъ кусокъ хлѣба, запираетъ свою избу и, отойдя отъ поста не больше какъ на полверсты, садится на гору и смотреть на тайгу, на море и на небо; посидѣвъ такъ дня три, онъ возвращается домой, беретъ провизію и опять идетъ на гору... Прежде его сѣкли, теперь же надъ этими его побѣгами только смѣются. Одни бѣгутъ въ расчетъ погулять на свободѣ мѣсяць, недѣлю, другимъ бываетъ достаточно и одного дня. Хотя день, да мой. Тоска по свободѣ овладѣваетъ нѣкоторыми субъектами періодически и въ этомъ отношеніи напоминаетъ запой или падучую; рассказываютъ, будто она является въ извѣстное время года или мѣсяца, такъ что благонадежные каторжные, чувствуя приближеніе припадка, всякій разъ предупреждаютъ о своемъ побѣгѣ начальство. Обыкновенно наказываютъ плетями или розгами всѣхъ бѣгуновъ безъ разбора, но ужь одно то, что часто побѣги отъ начала до конца поражаютъ своею несообразностью, бессмыслицей, что часто благоразумные, скромные и семейные люди убѣгаютъ безъ одежды, безъ хлѣба, безъ цѣли, безъ плана, съ увѣренностью, что ихъ непременно поймутъ, съ рискомъ потерять здоровье, довѣріе начальства, свою относительную свободу и иногда даже жалованье, съ рискомъ замерзнуть или быть застрѣленнымъ, — уже одна эта несообразность должна бы подсказывать сахалинскимъ врачамъ, отъ которыхъ зависитъ наказывать или не наказывать, что во многихъ случаяхъ они имѣютъ дѣло не съ преступленіемъ, а съ болѣзью.

Къ общимъ причинамъ побѣговъ слѣдуетъ отнести также пожизненность наказанія. У насъ, какъ извѣстно, каторж-

ныя работы сопряжены съ поселеніемъ въ Сибири навсегда; приговоренный къ каторгѣ удаляется изъ нормальной человѣческой среды безъ надежды когда-либо вернуться въ нее и, такимъ образомъ, какъ бы умираетъ для того общества, въ которомъ онъ родился и выросъ. Каторжные такъ и говорятъ про себя: «Мертвые съ погоста не возвращаются». Вотъ эта-то полная безнадежность ссыльнаго и его отчаянію приводятъ его къ рѣшенію: уйти, переменить судьбу,—хуже не будетъ! Если онъ бѣжить, то такъ про него и говорятъ: «Онъ пошелъ мѣнять судьбу». Если его ловятъ и возвращаютъ, то это называется такъ: не пофортунило, не пофортовало. При пожизненности ссылки, побѣги и бродяжество составляютъ неизбежное, необходимое зло и даже служатъ какъ бы предохранительнымъ клапаномъ. Если бы была какая-нибудь возможность отнять у ссыльнаго надежду на побѣгу, какъ на единственный способъ намѣнить свою судьбу, вернуться съ погоста, то его отчаянію, не находя выхода, быть-можетъ, проявляло бы себя какъ-нибудь иначе и, конечно, въ болѣе жестокой и ужасной формѣ, чѣмъ побѣгу.

Есть еще одна общая причина побѣговъ: это—вѣра въ легкость, безнаказанность и почти законность побѣговъ, хотя въ дѣйствительности они нелегки, караются жестоко и считаются важнымъ уголовнымъ преступленіемъ. Эта странная вѣра воспиталась въ людяхъ поколѣніями и начало ея теряется въ туманѣ того добраго стараго времени, когда бѣжать было въ самомъ дѣлѣ очень легко и побѣги даже поощрялись начальствомъ. Начальникъ завода или смотритель тюрьмы почиталъ для себя за наказаніе свыше, если его арестанты почему-либо не бѣгали, и радовался, когда они уходили отъ него цѣлыми толпами. Если передъ первымъ октябремъ, — временемъ, когда выдается зимняя одежда,—убѣгало 30—40 человѣкъ, то это значило обыкновенно, что 30—40 подшубковъ поступало въ пользу смотрителя. По словамъ Ядрицева, начальникъ завода, при пріемѣ каждой новой партіи, обыкновенно выкрикивалъ: «Кто хочетъ оставаться, получай одежду, а кто въ бѣга, тому незачѣтъ!». Начальство своимъ авторитетомъ какъ бы узаконивало побѣги, въ его духѣ воспитывалось все сибирское населеніе, которое и до сихъ поръ побѣгу не считаетъ грѣхомъ. Свии ссыльные рассказываютъ о

своих побѣгахъ не иначе, какъ со смѣхомъ или съ сожалѣнiемъ, что побѣгъ не удался, и ждать отъ нихъ раскаянiя или угрызений совѣсти было бы напрасно. Изъ всѣхъ бѣгавшихъ, съ которыми мнѣ приходилось говорить, только одинъ больной старикъ, прикованный къ тачкѣ за многократные побѣги, съ горечью упрекнулъ себя за то, что бѣгалъ, но при этомъ называлъ свои побѣги не преступленiемъ, а глупостью: «Когда помоложе быть, дѣлалъ глупости, а теперь страдать долженъ».

Частныя причины побѣговъ многочисленны. Укажу на недовольство тюремными порядками, на дурную пищу въ тюрьмѣ, жестокость кого-либо изъ начальниковъ, лѣность, неспособность къ труду, болѣзни, слабость воли, склонность къ подражанiю, любовь къ приключенiямъ... Случалось, что каторжные цѣлыми партiями убѣгали для того только, чтобы «погулять» по острову, и гулянья сопровождались убiйствами и всякими мерзостями, наводившими панику и озлоблявшими населенiе до крайности. Расскажу про побѣгъ ради мести. Рядовой Бѣловъ ранилъ при поимкѣ бѣгло-каторжнаго Клименко и конвоировалъ его въ Александровскую тюрьму. Клименко, выздоровѣвши, опять бѣжалъ, и на этотъ разъ съ единственною цѣлью—отомстить Бѣлову. Онъ пошелъ прямо на кордонъ и тамъ его задержали. «Веди опять своего крестника,—сказали Бѣлову товарищи:—твое счастье». Тотъ повелъ. Дорогою конвоиръ и арестантъ разговорились. Осень, вѣтеръ, холодно... Остановились покурить. Когда солдатъ поднялъ воротникъ, чтобы закурить трубку, Клименко выхватилъ у него ружье и убилъ его наповаль, потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, вернулся въ Александровскiй постъ, гдѣ былъ задержанъ и вскорѣ повѣшенъ.

А вотъ и любовь. Ссыльно-каторжный Артемъ,—фамилiя его не помню,—молодой человѣкъ лѣтъ 20, служилъ въ Найбучи сторожемъ при казенномъ домѣ. Онъ былъ влюбленъ въ анку, жившую въ одной изъ юртъ на рѣкѣ Найбѣ, и, говорятъ, пользовался взаимностью. Его заподозрили какъ-то въ кражѣ и въ наказанiе перевели въ Корсаковскую тюрьму, т. е. за 90 верстъ отъ анки. Тогда онъ сталъ бѣгать изъ поста въ Найбучи для свиданiя съ возлюбленною и бѣгалъ до тѣхъ поръ, пока его не подстрѣлили въ ногу.

Побѣги бывають также и предметомъ аферы. Вотъ одинъ изъ видовъ аферы, соединяющій въ себѣ жадность къ деньгамъ съ самымъ гнуснымъ предательствомъ. Старый, посѣдѣвшій въ бѣгахъ и приключеніяхъ бродяга высматриваетъ въ толпѣ новичковъ, кого побогаче (у новичковъ почти всегда бывають деньги), и сманиваетъ его бѣжать вмѣстѣ. Уговорить не трудно; новичокъ бѣжитъ, а бродяга гдѣ-нибудь въ тайгѣ убиваетъ его и возвращается назадъ въ тюрьму. Другой видъ аферы, болѣе распространенный, разсчитанъ на тѣ три рубля, которые выдаетъ казна за поимку бѣглаго. Предварительно уговорившись съ рядовымъ или гилыкомъ, нѣсколько человекъ, каторжныхъ бѣгутъ изъ тюрьмы и въ условленномъ мѣстѣ, гдѣ-нибудь въ тайгѣ или на морскомъ берегу, встрѣчаются со своимъ конвоиромъ; тотъ ведетъ ихъ назадъ въ тюрьму, какъ поиманныхъ, и получаетъ по три рубля за cadaго; потомъ, конечно, происходитъ дѣлежъ. Бываетъ смѣшно смотрѣть, когда маленькій тщедушный гилыкъ, вооруженный одною только палкой, приводитъ сразу 6—7 плечистыхъ, внушительнаго вида бродягъ. При мнѣ однажды рядовой Л., тоже не отличающійся крѣпкимъ сложеніемъ, привелъ 11 человекъ.

Тюремная статистика до послѣдняго времени почти не касалась бѣглыхъ. Пока можно сказать только, что чаще всего бѣгутъ сельные, для которыхъ наиболѣе чувствительна разница климатовъ Сахалина и ихъ родины. Сюда относятся, прежде всего, уроженцы Кавказа, Крыма, Бессарабіи и Малороссіи. Случается видѣть списки бѣжавшихъ или возвращенныхъ, иногда человекъ въ 50—60, гдѣ нѣтъ ни одной русской фамиліи, а все Оглы, Сулейманы и Гасаны. Не подлежитъ также сомнѣнію, что безсрочные и долгосрочные бѣгають чаще, чѣмъ каторжные третьяго разряда, и живущіе въ тюрьмѣ чаще, чѣмъ живущіе внѣ ея, молодые и ловички чаще, чѣмъ старожилы. Женщины бѣгають несравненно рѣже, чѣмъ мужчины, и это объясняется трудностями, какими обставлены для женщины побѣгъ, и отчасти тѣмъ, что на каторгѣ она скоро обиводится прочными привязанностями. Обязанности по отношенію къ жевѣ и дѣтямъ удерживають отъ побѣга, но случается, что убѣгають и семейные. Законные супруги бѣгають рѣже, чѣмъ незаконные. Бабы-каторжнныя, когда я обходилъ избы, на

мой вопросъ, гдѣ сожитель, часто мнѣ отвѣчали: «А кто-жъ его знаетъ? Поди, сыщи».

На ряду со ссыльными изъ простаго званія, бѣгають и привилегированные. Перелистывая въ корсаковскомъ полицейскомъ управленіи алфавитъ, я нашелъ бывшаго дворянина, который и бѣгалъ, и былъ судимъ за убійство, совершенное во время побѣга, и принялъ 80 или 90 плетей. Извѣстный Лагіевъ, присланный за убійство ректора Тифлисской семинаріи и бывший въ Корсаковскѣ учителемъ, бѣжалъ въ пасхальную ночь 1890 г. вмѣстѣ съ каторжнымъ Никольскимъ, сыномъ священника, и еще съ какими-то тремя бродягами. Вскорѣ послѣ Пасхи разнесся слухъ, что будто видѣли трехъ бродягъ въ «цивильномъ» платьѣ, пробравшихся берегомъ къ Муравьевскому посту, но уже Лагіева и Никольскаго съ ними не было; по всей вѣроятности, бродяги подговорили молодого Лагіева и его товарища бѣжать вмѣстѣ и дорогой убили ихъ, чтобы воспользоваться ихъ деньгами и платьемъ. Сынъ протоіерея К., присланный за убійство, бѣжалъ въ Россію, убили тамъ вновь и былъ возвращенъ на Сахалинъ. Какъ-то рано утромъ я его видѣлъ въ толпѣ каторжниковъ около рудника: необыкновенно тощій, сутулый, съ тусклыми глазами, въ старомъ лѣтнемъ пальто и въ порванныхъ брюкахъ на-выпускъ, заспанный, дрожа отъ утренняго холода, онъ подошелъ къ смотрителю, который стоялъ рядомъ со мной, и, снявши картузикъ, обнаживъ свою плѣшивую голову, сталъ просить о чемъ-то.

Для того, чтобы судить, въ какое время года чаще всего совершаются побѣги, я воспользуюсь немногими цифрами, какія успѣлъ найти и записать. Въ 1877, 1878, 1885, 1887, 1888 и 1889 гг. убѣжало 1.501 ссыльно-каторжныхъ. Это число распределяется по мѣсяцамъ такъ: январь—117, февраль—64, мартъ—20, апрѣль—20, май—147, іюнь—290, іюль—283, августъ—231, сентябрь—150, октябрь—44, ноябрь—35 и декабрь—100. Если начертить кривую побѣговъ, то высшія ея точки будутъ относиться къ лѣтнимъ мѣсяцамъ и къ тѣмъ зимнимъ, когда бываютъ наиболѣе сильные морозы. Очевидно, благоприятствующими моментами для совершенія побѣговъ служатъ теплая погода, работа внѣ тюрьмы, ходъ періодической рыбы, созрѣваніе въ тайгѣ ягодъ, а у поселенцевъ картофеля, затѣмъ море, по-

крытое льдомъ, когда Сахалинъ перестаетъ быть островомъ. Летнимъ и зимнимъ повышеніямъ благопріятствуютъ также прибытія новыхъ партій въ весенній и осенній рейсы. Въ мартѣ и въ апрѣлѣ бѣгутъ менѣе всего, потому что въ эти мѣсяцы вскрываются рѣки и невозможно бываетъ добыть пищу ни въ тайгѣ, ни у поселенцевъ, которые обыкновенно къ веснѣ уже сидятъ безъ хлѣба.

Изъ Александровской тюрьмы въ 1889 году бѣжало 15,33% ея средняго годового состава; изъ Дуйской и Воеводской тюремъ, гдѣ, кромѣ надзирателей, стерегутъ арестантовъ часовые съ ружьями, бѣжало въ 1889 году 6,4%, а изъ тюремъ Тымовскаго округа—9%. Эти цифры относятся къ одному отчетному году, но если взять наличную массу каторжныхъ за все время ея пребыванія на островѣ, то отношеніе бѣгавшихъ въ разное время къ общему составу выразится не менѣе, какъ въ 60%, то-есть изъ каждыхъ пяти человекъ, которыхъ вы видите въ тюрьмѣ или на улицѣ, навѣрное, трое уже бѣгали. Изъ разговоровъ съ зсылными я вынесъ такое впечатлѣніе: всѣ бѣгали. Рѣдко кто въ продолженіе своего каторжнаго срока не устраивалъ себѣ каникулъ *).

Обыкновенно побѣгъ задумывается еще въ пароходномъ трюмѣ или въ амурской баржѣ, когда каторжныхъ везутъ на Сахалинъ; по пути старики-бродяги, уже бѣгавшіе съ каторги, знакомятъ молодыхъ съ географіей острова, съ сахалинскими порядками, съ надзоромъ и съ тѣми благами и лишеніями, какія сулитъ побѣгъ изъ Сахалина. Если бы въ пересыльныхъ тюрьмахъ и затѣмъ въ пароходныхъ трюмахъ бродягъ держали отдѣльно отъ новичковъ, то послѣдніе, быть-можетъ, не торопились бы такъ съ побѣгомъ. Новички убѣгаютъ обыкновенно вскорѣ и даже немедленно по сдачѣ ихъ съ парохода. Въ 1879 г. въ первые же дни по прибытіи бѣжало сразу 60 человекъ, перебивъ караульныхъ солдатъ.

Для того, чтобы бѣжать, совсѣмъ нѣтъ надобности въ

---

*) Помнится, когда я подходилъ однажды на катерѣ къ пароходу, отъ борта отчаливала баржа, бликомъ набитая бѣглецами; одни были мрачны, другіе хохотали; у одного изъ нихъ совсѣмъ не было ногъ—отморозилъ. Ихъ возвращали изъ Николаевска. Глядя на эту кпшащую народомъ баржу, я могъ вообразить, сколько еще каторжныхъ бродитъ по матеріку и по острову!

тѣхъ приготовленіяхъ и предосторожностяхъ, какія описаны въ прекрасномъ разсказѣ В. Г. Короленко *Соколицы*. Побѣги строго запрещены и уже не поощряются начальствомъ, но условія мѣстной тюремной жизни, надзора и каторжныхъ работъ, да и самый характеръ мѣстности таковы, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ помѣшать побѣгу бываетъ невозможно. Если сегодня не удалось уйти изъ тюрьмы черезъ открытыя ворота, то завтра можно будетъ бѣжать изъ тайги, когда выйдутъ на работу 20—30 человекъ подъ надзоромъ одного солдата; кто не бѣжалъ изъ тайги, тотъ подождетъ мѣсяць-другой, когда отдадутъ къ какому-нибудь чиновнику въ прислуги или къ поселенцу въ работники. Всякія предосторожности, обманъ начальства, взломы, подкопы и т. п. нужны бываютъ только тому меньшинству, которое сидитъ въ кандалныхъ, въ карцерахъ и въ Воеводской тюрьмѣ, и, пожалуй, тѣмъ еще, кто работаетъ въ рудникѣ, гдѣ почти по всей линіи отъ Воеводской тюрьмы до Дуэ стоятъ и ходятъ часовые. Здѣсь начало побѣга сопряжено съ опасностью, но все же благопріятные случаи представляются почти ежедневно. Къ переодѣваньямъ и всякимъ фокусамъ, часто совершенно излишнимъ, прибѣгаютъ искатели и любители приключеній, въ родѣ Золотой Ручки, которая для того, чтобы бѣжать, переодѣвалась въ солдатское платье.

Бѣглые большею частью пробираются къ сѣверу, къ узкому мѣсту пролива, что между мысами Погоби и Лазарева, или нѣсколько сѣвернѣе: здѣсь безлюдье, легко укрыться отъ кордона, и можно достать у гиляковъ лодку или самимъ сдѣлать плотъ и переправиться на ту сторону, а если уже зима, то при хорошей погодѣ для перехода достаточно двухъ часовъ. Чѣмъ сѣвернѣе переправа, тѣмъ ближе къ устью Амура и, значитъ, меньше опасности погибнуть отъ голода и мороза; у устья Амура много гиляцкихъ деревушекъ, не далеко городъ Николаевскъ, потомъ Маринскъ, Софійскъ и казакія станицы, гдѣ на зиму можно наняться въ работники и гдѣ, какъ говорятъ, даже среди чиновниковъ есть люди, которые даютъ несчастнымъ пріютъ и кусокъ хлѣба. Случается, что бѣглые, не зная, гдѣ сѣверъ, начинаютъ кружить и попадають обратно въ то мѣсто, изъ котораго вышли *).

*) Однажды бѣглые украли въ Дуэ компасъ, чтобъ отыскать сѣ-

Бываетъ нерѣдко, что бѣглецы пытаются переплыть проливъ гдѣ-нибудь поблизости тюрьмы. Для этого нужны неключительная смѣлость, особенно счастливый случай, а, главное, многократный предварительный опытъ, научившій, какъ труденъ и рискованъ путь къ сѣверу черезъ тайгу. Убѣгающіе изъ Воеводской и Дуйской тюремъ бродяги-рецидивисты пускаются въ море немедля, въ первый же или второй день послѣ побѣга. Тутъ ужъ никакихъ соображеній насчетъ бурь и опасностей, а одинъ лишь животный страхъ погони и жажда свободы: хотъ утонуть, да на волѣ. Обыкновенно они спускаются верстъ на 5—10 южиѣ Дуэ, къ Агнево, устраиваютъ тутъ плотъ и слѣзая уплыть къ туманному берегу, отдѣленному отъ нихъ 60—70 милями бурнаго, холоднаго моря. При мнѣ изъ Воеводской тюрьмы бѣжалъ такимъ образомъ бродяга Прохоровъ, онъ же Мыльниковъ, о которомъ я говорилъ въ предыдущей главѣ *).

веръ и обойти кордонъ у мыса Погоби, и компасъ привелъ ихъ какъ разъ къ кордону. Мнѣ рассказывали, что въ послѣднее время каторжные, чтобы не идти по охраняемому западному побережью, начинаютъ уже пробовать другой путь, а именно на востокъ, къ Ныйскому заливу, оттуда по берегу Охотскаго моря на сѣверъ къ мысу Маріи и Елизаветы, и затѣмъ къ югу, чтобы переплыть проливъ противъ мыса Пронге. Рассказывали, что такой путь избралъ, между прочимъ, извѣстный Богдановъ, который бѣжалъ незадолго до моего приѣзда. Но это едва ли вѣроятно. Правда, на всемъ протяженіи Тыми есть глызкая трошинка и попадаются юрты, но круговой путь отъ Ныйскаго залива длиненъ и труденъ; надо вспомнить, сколько лишений претерпѣлъ Поляковъ, спускаясь отъ Ныйскаго залива къ югу, чтобъ одвѣнить весь рискъ путешествія отъ этого залива къ сѣверу.

О томъ, какъ жутко приходится бѣглымъ, я уже говорилъ. Бѣглецы, особенно рецидивисты, мало-по-малу привыкаютъ къ тайгѣ и къ тундрѣ, ноги ихъ приспособляются и нѣтъ ничего мудренаго, что нѣкоторые даже спятъ на ходу. Мнѣ говорили, что долѣе всѣхъ могутъ находиться въ бѣгахъ китайскіе бродяги «хунхузы», которыхъ присылаютъ на Сахалинъ изъ Приморской области, такъ какъ они будто бы могутъ по цѣлымъ мѣсяцамъ питаться одними только кореньями и травами.

*) 29 іюня 1886 г., съ военнаго судна *Тунгусъ*, не доходя 20 миль до Дуэ, замѣтили на поверхности моря черную точку; когда подошли поближе, то увидѣли слѣдующее: на четырехъ связанныхъ бревнахъ, сидя на возвышеніяхъ изъ древесной коры, плылъ куда-то два человѣка, около нихъ на плоту были ведро съ прѣсною водой, полтора каравая хлѣба, топоръ, около пуда муки, немного рису, двѣ стеариновыя свѣчи, кусокъ мыла и два кирпича чаю. Когда ихъ взяли на бортъ и спросили, кто они, то оказалось, что это арестанты

Уплываютъ также на баржахъ-шаландахъ и на сѣноплавкахъ, но море всякій разъ безжалостно разбиваетъ эти баржи или выкидываетъ ихъ на берегъ. Былъ одинъ случай, когда каторжные бѣжали на катерѣ, принадлежащемъ горному вѣдомству *). Случается, что каторжные убѣгаютъ на тѣхъ же самыхъ судахъ, которые они грузятъ. Въ 1883 году на пароходѣ *Триумфъ* бѣжалъ каторжный Францъ Кницъ, зарывшись въ угольную яму. Когда его нашли и вытащили изъ ямы, то онъ на всѣ вопросы отвѣчалъ только одно: «Дайте воды, я не пилъ пять дней».

Попавъ такъ или иначе на материкъ, бѣглецы держатъ путь къ западу, питаются Христовымъ именемъ, нанимаясь, гдѣ можно, въ работники и воруя все, что плохо лежитъ. Крадутъ они скотъ, овощи, платье,—однимъ словомъ, все, что можно съѣсть, надѣть на себя, или продать. Ихъ ловятъ, долго держатъ въ тюрьмахъ, судятъ и отсылаютъ назадъ со страшными статейными списками, но многіе, какъ извѣстно читателямъ по судебнымъ процессамъ, доходятъ

Дуйской тюрьмы, бѣжавшіе 17 іюня (значитъ, бывшіе въ бѣгахъ уже 12 дней) и что плывутъ они—«вонъ туда, въ Россію». Часа черезъ два поднялся сильный штормъ и пароходъ не могъ пристать къ Сахалину. Спрашивается, что случилось бы въ такую погоду съ бѣглецами, если бы ихъ не приняли на судно? См. объ этомъ *Владивостокъ* 1886 г., № 31.

*) Въ іюнѣ 1887 г. на Дуйскомъ рейдѣ нагружался углемъ пароходъ *Тира*. По обыкновенію, уголь доставлялся къ борту на баржахъ, которыя водилъ на буксирѣ паровой катеръ. Къ вечеру за свѣжѣло и начался штормъ. *Тира* не могла держаться на якоряхъ и ушла въ де-Кастри. Баржу вытащили на берегъ около Дуэ, а катеръ ушелъ въ Александровскій постъ и укрылся тамъ въ рѣчкѣ. Ночью, когда погода нѣсколько утихла, катерная прислуга, состоявшая изъ каторжныхъ, предъявила надзирателю подложную телеграмму изъ Дуэ, въ которой было приказаніе немедленно отправиться на катерѣ въ море для спасенія баржъ съ людьми, будто бы унесенныхъ штормомъ отъ берега. Не подозрѣвая обмана, надзиратель выпустилъ катеръ изъ пристани. Но, вмѣсто того, чтобы идти на югъ къ Дуэ, катеръ пошелъ на сѣверъ. На немъ было семь мужчинъ и три женщины. Къ утру погода измѣнилась къ худшему. Около мыса Хоэ залило въ катеръ машину; девять человекъ утонули и были выброшены на берегъ, и спасся на доскѣ только одинъ, бывший на катерѣ рулевымъ. Этотъ единственный спасшійся, по фамилиі Кузнецовъ, служить теперь на рудникѣ въ Александровскомъ посту у горнаго инженера. Онъ мнѣ подавалъ чай. Это крѣпкій, смуглый, довольно красивый мужчина лѣтъ сорока, повидному, гордый и дикій; онъ мнѣ напомнилъ Тома Айртона изъ *Дѣтей капитана Гранта*.

и до московскаго Хитрова рынка и даже до родной деревни. Въ Палевѣ хлѣбонекъ Горячій, простоватый, откровенный и, повидимому, добрый человекъ, рассказывалъ мнѣ, какъ онъ дошелъ до своей деревни, повидался съ женою и дѣтками и какъ опять былъ сосланъ на Сахалинъ, гдѣ кончаетъ уже второй срокъ. Говорятъ, и въ печати, между прочимъ, высказывалось предположеніе, будто бѣглыхъ каторжныхъ принимаютъ на свои суда американскіе китобои и увозятъ ихъ въ Америку *). Это, конечно, возможно, но я не слыхалъ ни объ одномъ такомъ случаѣ. Американскіе китобои, промышляющіе въ Охотскомъ морѣ, рѣдко подходятъ къ Сахалину и еще рѣже случается, чтобы они подходили именно въ то время, когда на пустышномъ восточномъ берегу находятся бѣглецы. По словамъ г. Курбскаго (*Голосъ* 1875 г., № 312) въ Indian-Territory, на правой сторонѣ Миссисипи, живутъ цѣлыя партіи вачеро изъ сахалинскихъ каторжниковъ. Эти вачеро, если они существуютъ на самомъ дѣлѣ, пробрались въ Америку не на китобойныхъ судахъ, а, вѣроятно, черезъ Японію. Во всякомъ случаѣ побѣги не въ Россію, а за границу, хотя и рѣдко, но бывають, и это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Еще въ двадцатыхъ годахъ нанн каторжные бѣгали изъ охотскаго солевареннаго завода на «тешы», т. е. Сандвичевы острова **).

*) «Американскіе китобои принимали бѣглыхъ изъ Ботанибел,—говорить Перчинскій Старожилъ:—будутъ принимать бѣглыхъ и на Сахалинѣ». *Москов. Вид.* 1875 г., № 67.

***) Э.....въ: «Сельно-каторжные въ Охотскѣ». *Русская Старина*, томъ XXII. А вотъ кстати интересный случай. Въ 1885 г. въ японскихъ газетахъ появилось извѣстіе, что близъ Саппоро потеряли крушеніе девять какихъ-то иностранцевъ. Власти послали въ Саппоро чиновниковъ, чтобы оказать имъ помощь. Иностранцы, какъ умѣли, объяснили посланнымъ, что они германцы, что лунка ихъ потеряла крушенію, и спаслись они на маленькой лодкѣ. Затѣмъ ихъ перевели изъ Саппоро въ Хокодате. Здѣсь съ ними заговорили по-англійски и по-русски, но ни того, ни другого языка они не понимали и отвѣчали только «жерманъ, жерманъ». Кое-какъ узнали, кто изъ нихъ капитанъ судна, и когда этому капитану предложили аташе и попросили его указать мѣсто крушенія, то онъ долго водилъ пальцемъ по картѣ и не нашелъ Саппоро. Отвѣты вообще были не ясны. Тогда въ Хокодате стоялъ наннъ *Крейсеръ*. Генераль-губернаторъ обратился къ командиру съ просьбой—дать переводчика пѣмецкаго языка. Командиръ послалъ старшаго офицера. Подозрѣвая, что это сахалинскіе каторжники, тѣ самые бѣглецы, которые недавно съѣзжали

Страхъ передъ бѣглыми каторжниками великъ, и этимъ объясняется, почему наказаніе, налагаемое за побѣги, такъ серьезно и такъ поражаетъ своею суровостію. Когда изъ Воеводской тюрьмы или изъ кандалной бѣжить какой-нибудь извѣстный бродяга, то молва объ этомъ наводитъ страхъ не только на сахалинское населеніе, но даже на жителей материка; рассказываютъ, что когда однажды бѣжалъ Блоха, то слухъ объ этомъ навелъ на жителей г. Николаевска такой страхъ, что мѣстный исправникъ нашелъ нужнымъ запросить по телеграфу: правда ли, что бѣжалъ Блоха *)? Главная опасность, какую представляютъ для общества побѣги, заключается въ томъ, во-первыхъ, что они развиваютъ и поддерживаютъ бродяжество, и во-вторыхъ, ставятъ почти каждаго бѣглаго въ нелегальное положеніе, когда онъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не можетъ не совершать новыхъ преступленій. Наибольшій контингентъ рецидивистовъ составляютъ бѣгле; самыя страшныя и дерзкія преступленія на Сахалинѣ до сихъ поръ были совершаемы бѣглыми.

Въ настоящее время, для предупрежденія побѣговъ, употребляются, главнымъ образомъ, репрессивныя мѣры. Эти мѣры уменьшаютъ число побѣговъ, но только до извѣстнаго предѣла, и репрессія, доведенная до своего идеальнаго совершенства, все-таки не исключала бы возможности побѣговъ. Есть предѣлъ, дальше котораго репрессивныя мѣры уже перестаютъ быть дѣйствительными. Какъ извѣстно, каторжный продолжаетъ бѣгать даже въ то время, когда въ него прицѣпляется часовая; его не удерживаетъ отъ побѣга

нападеніе на Крильонскій маякъ, старшій офицеръ пустился на хитрости; онъ выстроилъ ихъ въ шеренгу и скомапдовалъ по-русски: «пальце кругомъ марши!» Одинъ изъ иностранцевъ не выдержалъ своей роли и тотчасъ же исполнилъ команду и, такимъ образомъ, узнали, къ какой націи принадлежали эти хитроумные Одиссеи. См. объ этомъ *Владивостокъ* 1885 г., №№ 33 и 38.

*) Этотъ Блоха знаменитъ своими побѣгами и тѣмъ, что перерывалъ много гиляцкихъ семействъ. Въ послѣднее время онъ содержался въ кандалной въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ. Когда генералъ-губернаторъ обходилъ съ начальникомъ острова кандалныя, то послѣдній приказалъ снять съ Блохи ручныя кандалы и при этомъ взялъ съ него честное слово, что онъ уже больше не будетъ бѣгать. Интересно, что этотъ Блоха слыветъ за *честнаго*. Когда его съкутъ, то онъ кричитъ: «За дѣло меня, ваше высокоблагородіе! За дѣло! Такъ мнѣ и надо!» Очень возможно, что онъ сдержитъ свое слово. Каторжникамъ нравится репутація честнаго.

также ни штурмъ, ни увѣренность, что онъ утонетъ. И есть предѣлъ, перейдя который, репрессивныя мѣры уже сами становятся причиною побѣговъ. Такъ, напримѣръ, устрашающее наказаніе за побѣги, состоящее изъ прибавки нѣсколькихъ лѣтъ каторги къ старому сроку, увеличиваетъ число безсрочныхъ и долгосрочныхъ, и тѣмъ самымъ увеличиваетъ и число побѣговъ. Вообще говоря, репрессивныя мѣры въ борьбѣ съ побѣгами не имѣютъ будущности, онѣ сильно расходятся съ идеалами нашего законодательства, которое въ наказаніи видитъ, прежде всего, средство къ исправленію. Когда вся энергія и изобрѣтательность тюремщика изо дня въ день уходитъ только на то, чтобы поставить арестанта въ такія сложныя физическія условія, которыя сдѣлали бы невозможнымъ побѣгъ, то тутъ уже не до исправленія, и можетъ быть разговоръ только о превращеніи арестанта въ звѣря, а тюрьмы—въ звѣринецъ. Да и непрактичны эти мѣры: во-первыхъ, онѣ всегда ложатся гнетомъ на населеніе, неповинное въ бѣгахъ, и во-вторыхъ, заключеніе въ крѣпко устроенной тюрьмѣ, кандалы, всякаго рода карцеры, темныя и тачки дѣлаютъ человѣка неспособнымъ къ работѣ.

Такъ-называемыя гуманныя мѣры, всякое улучшеніе въ жизни арестанта, будетъ ли то лишній кусокъ хлѣба или надежда на лучшее будущее, тоже значительно понижаютъ число побѣговъ. Приведу примѣръ: въ 1885 г. бѣжало 25 поселенцевъ, а въ 1887 г., послѣ урожая 1886 г., только 7. Поселенцы бѣгаютъ гораздо рѣже, чѣмъ каторжные, а крестьяне изъ ссыльныхъ почти совсѣмъ не бѣгаютъ. Меньше всего бѣгаютъ изъ Корсаковскаго округа, потому что здѣсь урожаи лучше, преобладаютъ среди арестантовъ краткосрочные, климатъ мягче и легче получить крестьянскія права, чѣмъ на Сѣверномъ Сахалинѣ, а по отбытіи каторги, чтобы добыть себѣ кусокъ хлѣба, нѣтъ надобности возвращаться въ рудникъ. Чѣмъ легче живется арестанту, тѣмъ меньше опасности, что онъ убѣжитъ, и въ этомъ отношеніи можно признать очень надежными такія мѣры, какъ улучшеніе тюремныхъ порядковъ, постройка церквей, учрежденіе школъ и больницъ, обезпеченіе семействъ ссыльныхъ, заработки и т. п.

За каждаго пойманнаго и доставленнаго въ тюрьму бѣглаго, какъ я уже говорилъ, рядовые, гиляки и вообще за-

нимающіеся ловлей бѣглыхъ, получаютъ отъ казны денежное вознагражденіе въ размѣрѣ трехъ рублей за голову. Нѣтъ сомнѣнія, что денежное вознагражденіе, соблазнительное для голоднаго человѣка, помогаетъ дѣлу и увеличиваетъ число «пойманныхъ, найденныхъ мертвыми и убитыхъ», но помощь эта, конечно, совсѣмъ не окупаетъ того вреда, какой неминуемо должны причинять населенію острова дурные инстинкты, пробуждаемые въ немъ этими трехрублевками. Кто вынужденъ, какъ солдатъ или ограбленный поселенецъ, ловить бѣглыхъ, тотъ поймаётъ и безъ трехъ рублей, а кто ловитъ не по долгу службы и не по нуждѣ, а изъ соображеній корыстнаго свойства, для того ловля составляетъ гнусный промыселъ, а эти три рубля являются побряжкой самаго низменнаго свойства.

По имѣющимъ у меня даннымъ, изъ 1.501 бѣжавшихъ поймано и добровольно вернулось 1.010 каторжныхъ; найдено мертвыми и убито при преслѣдованіи 40; безъ вѣсти пропало 451 человѣкъ. Стало-быть, изъ всей массы бѣгающихъ Сахалинъ теряетъ одну треть, несмотря на свое островное положеніе. Въ *Вѣдомостяхъ*, откуда я бралъ эти цифры, добровольно вернушіеся и пойманные показаны въ одномъ числѣ, найденные мертвыми и убитые при преслѣдованіи тоже показаны нераздѣльно, и потому неизвѣстно, какое число относится на долю поимщиковъ и какой процентъ бѣглыхъ погибаетъ отъ солдатскихъ пуль *).

---

*) По степени наказуемости *Уставъ о ссыльныхъ* различаетъ побѣгъ и отлучку, побѣгъ въ Сибирь и внѣ Сибиря, а также побѣги первый, второй, третій, четвертый и послѣдующіе. Для каторжнаго признается отлучкой, а не побѣгомъ, если его ловятъ ранѣе трехъ дней, или же онъ добровольно возвращается ранѣе семи дней со времени начала побѣга. Для поселенца эти сроки увеличены въ первомъ случаѣ до семи, во второмъ до четырнадцати дней. Побѣгъ внѣ Сибиря считается болѣе важнымъ преступленіемъ и карается строже, чѣмъ побѣгъ въ Сибирь; это различіе построено, вѣроятно, на томъ соображеніи, что для побѣга въ Европейскую Россію требуется гораздо большаго напряженія злой воли, чѣмъ для побѣга въ какую-нибудь сибирскую губернію. Самое слабое наказаніе, какое полагается каторжнику за побѣгъ, это — сорокъ плетей и продолженіе срока каторжныхъ работъ на четыре года, а самое сильное — сто плетей, безсрочная каторга, прикованіе къ тѣлѣжкѣ на три года и содержаніе въ разрядѣ пельгуемыхъ двадцать лѣтъ. См. ст. 445 и 446 *Устава о ссыльныхъ*, изд. 1890 г.

XXIII.

Болезненность и смертность ссыльнаго населенія.—Медицинская организация.—Лазаретъ въ Александровскѣ.

Въ 1889 г. по всѣмъ тремъ округамъ было показано слабосильныхъ и неспособныхъ къ работѣ каторжныхъ обоюго пола 632, что составляло 10,6% всего числа. Такимъ образомъ одинъ слабосильный и неспособный къ работѣ приходится на 10 человекъ. Что касается способнаго къ работѣ населенія, то и оно не производитъ впечатлѣнія вполне здороваго. Среди ссыльныхъ мужчинъ вы не встрѣтите хорошо упитанныхъ, полныхъ и краснощекихъ; даже ничего не дѣлающіе поселенцы тощи и блѣдны. Лѣтомъ 1889 г. изъ 131 каторжныхъ, работавшихъ въ Тарайкѣ на дорогѣ, было 37 больныхъ, а остальные явились къ пріѣхавшему начальнику острова «въ самомъ ужасномъ видѣ: ободранные, многіе безъ рубахъ, искусанные москитами, исцарапанные сучьями деревьевъ, но никто не жаловался» (Приказъ 1889 г., № 318).

Обращавшихся за медицинскою помощію въ 1889 г. было 11.309; въ медицинскомъ отчетѣ, откуда я беру эту цифру, ссыльные и свободные показаны нераздѣльно, но составитель отчета замѣчаетъ, что главный контингентъ больныхъ составляли ссыльно-каторжные. Въ виду того, что солдаты лѣчатся у своихъ военныхъ врачей, а чиновники и ихъ семьи у себя на дому, надо думать, что въ число 11.309 вошли только ссыльные и ихъ семьи, причемъ каторжные составляли большинство и что такимъ образомъ каждый ссыльный и прикосновенный къ ссылкѣ обращался за медицинскою помощію не менѣе одного раза въ годъ *).

О болезненности ссыльнаго населенія я могу судить только по отчету за 1889 г., но, къ сожалѣнію, онъ составленъ по даннымъ больничныхъ «Правдивыхъ книгъ», которыя ведутся здѣсь крайне неряшливо, такъ что мнѣ пришлось еще взять на помощь церковныя метрическія книги и выписать изъ нихъ причины смерти за послѣднія десять лѣтъ. Причины смерти почти всякій разъ регистрируются священниками по запискамъ врачей и фельдшеровъ, много тутъ

*) Въ 1874 г., въ Корсаковскомъ округѣ заболѣвшіе относились къ общему числу, какъ 227,2 : 100. Свищовскій, врачъ: «Гигиеническая обстановка ссыльно-каторжныхъ». *Здоровье*, 1875 г., № 16.

фантазіи *), но въ общемъ этотъ матеріалъ по существу тотъ же, что и въ «Правдивыхъ книгахъ», не лучше и не хуже. Понятно, что обоихъ этихъ источниковъ было далеко не достаточно, и все, что найдетъ ниже читатель о болѣзненности и смертности, не картина, а одни лишь слабыя контуры.

Тѣ болѣзни, которыя въ отчетѣ отнесены къ двумъ отдѣльнымъ группамъ—заразно-повальнымъ и эпидемическимъ, до сихъ поръ на Сахалинѣ имѣли слабое распространеніе. Такъ, корь въ 1889 г. было зарегистрирована только 3 раза, а скарлатина, дифтеритъ и крупъ ни разу. Смерть отъ этихъ болѣзней, которымъ подверженъ по преимуществу дѣтскій возрастъ, упоминается въ метрическихъ книгахъ за десять лѣтъ только 45 разъ. Въ это число вошли «жабы» и «воспаленія горла», имѣвшія заразный и эпидемическій характеръ, на что всякій разъ указывалъ мнѣ рядъ дѣтскихъ смертей въ короткій промежутокъ времени. Эпидеміи обыкновенно начинались въ сентябрѣ, или октябрѣ, когда на пароходахъ Добровольнаго флота привозили въ колонію больныхъ дѣтей; теченіе эпидемій бывало продолжительное, но вялое. Такъ, въ 1880 г. въ Корсаковскомъ приходѣ «жаба» началась въ октябрѣ и кончилась въ апрѣлѣ слѣдующаго года, похитивъ всего 10 дѣтей; эпидемія дифтерита въ 1888 г. началась въ Рыковскомъ приходѣ осенью и продолжалась всю зиму, затѣмъ перешла въ Александровскій и Дуйскій приходы и погасла здѣсь въ ноябрѣ 1889 г., т. е. держалась цѣлый годъ; умерло 20 дѣтей. Оспа зарегистрирована въ отчетѣ одинъ разъ, а за десять лѣтъ умерло отъ нея 18 душъ; были двѣ эпидеміи въ Александровскомъ округѣ: одна въ 1886 г. съ декабря по іюнь и другая въ 1889 г. осенью. Тѣхъ грозныхъ эпидемій оспы, которая когда-то эпидемически проходили черезъ всѣ острова Японскаго и Охотскаго морей до Камчатки включительно и уничтожали порой цѣлыя племена, въ родѣ айно, теперь уже не бываетъ здѣсь, или, по крайней мѣрѣ, про нихъ не слышно. Рябья лица среди гиляковъ встрѣчаются часто, но виновата въ этомъ

---

*) Между прочимъ, я встрѣчалъ тутъ такіе диагнозы, какъ немѣренное питье отъ груди, неразвитость къ жизни, душевная болѣзнь сердца, воспаленіе гѣла, внутреннее истощеніе, курьезный пневмоній, Шперъ и проч.

вѣтреная оспа (*varicella*), которая, по всей вѣроятности, не переводится у инородцевъ *).

Что касается тифовъ, то въ отчетѣ брюшной былъ зарегистрированъ 23 раза со смертностью въ 30%, возвратный же и сыпной по 3 раза, безъ смертныхъ случаевъ. Въ метрическихъ книгахъ смерть отъ тифовъ и горячекъ показана 50 разъ, но все это единичные случаи, разбросанные по книгамъ всѣхъ четырехъ приходоу на протяженіи десяти лѣтъ. Ни въ одной корреспонденціи я не встрѣчалъ указанія на тифозныя эпидеміи и, по всей вѣроятности, ихъ не было. По отчету, брюшной тифъ наблюдался только въ двухъ сѣверныхъ округахъ; причиною его указаны недостатокъ чистой питьевой воды, загрязненіе почвы близъ тюремъ и рѣкъ, а также тѣснота и скученность. Мнѣ лично ни разу не пришлось видѣть на Сѣв. Сахалинѣ брюшного тифа, хотя я обошелъ тамъ всѣ избы и бывалъ въ лазаретахъ; нѣкоторые врачи увѣряли меня, что этой формы на островѣ нѣтъ вовсе, и она осталась у меня подъ большимъ сомнѣніемъ. Что же касается возвратнаго и сыпного тифа, то всѣ случаи, до сихъ поръ бывшіе на Сахалинѣ, я отношу къ привознымъ, какъ скарлатину и дифтеритъ; надо думать, что острия инфекціонныя болѣзни до сихъ поръ находили на островѣ почву неблагопріятную для своего развитія.

«Неточно опредѣленные лихорадочныя» болѣзни зарегистрированы 17 разъ. Въ отчетѣ эта форма описана такъ: «появлялась она преимущественно въ зимніе мѣсяцы, выражалась лихорадкою ремиттирующаго типа, иногда съ появленіемъ *roseola* и общимъ угнетеніемъ мозговыхъ центровъ, черезъ короткій промежутокъ времени 5 — 7 дней лихорадка проходила и наступало быстрое выздоровленіе». Этотъ тифондъ очень распространенъ здѣсь, особенно въ

---

*) Объ эпидеміи этой болѣзни, охватившей весь Сахалинъ въ 1868 году, и объ оснопрививаніи у инородцевъ въ 1858 году см. Васильева: *Поездка на остр. Сахалинъ. Архивъ Судебной Медицины* 1870 г., № 2. Противъ зуду при *varicella* гиліаки употребляютъ топленый тюлений жиръ, которымъ намазываютъ все тѣло. Отъ того, что гиліаки никогда не моются, у нихъ вѣтреная оспа сопровождалась такимъ зудомъ, какого никогда не бывало у русскихъ; отъ расчесыванія образовывались язвы. Въ 1858 году на Сахалинѣ была настоящая оспа, чрезвычайно злокачественная: одинъ старый гиліакъ говорилъ д-ру Васильеву, что изъ троихъ двое умирало.

сѣверныхъ округахъ, но въ отчетъ не попадаетъ и сотая часть всѣхъ случаевъ, такъ какъ больные обыкновенно не лѣчатся отъ этой болѣзни и переносятъ ее на ногахъ, а если лежать, то дома на печи. Какъ мнѣ пришлось убѣдиться въ мое короткое пребываніе на островѣ, въ этиологій этой болѣзни играетъ главную роль простуда, заболѣваютъ работающіе въ холодную и сырую погоду въ тайгѣ и ночующіе подъ открытымъ небомъ. Чаше всего встрѣчаются такіе больные на дорожныхъ работахъ и на мѣстахъ новыхъ поселеній. Это настоящая febris sachalinensis.

Крупозною пневмоніей въ 1889 г. заболѣло 27, умерла треть. Эта болѣзнь, повидимому, опасна въ одинаковой мѣрѣ какъ для ссыльныхъ, такъ и свободныхъ. За десятилѣтній періодъ въ метрическихъ книгахъ смерть отъ нея упоминается 125 разъ; 28% приходится на май и іюнь, когда на Сахалинѣ бываетъ отвратительная, переменчивая погода и начинаются работы далеко внѣ тюрьмы, 46% на декабрь, январь, февраль и мартъ, т. е. на зиму*). Къ заболѣванію крупозной пневмоніей располагаютъ здѣсь главнымъ образомъ сильныя холода зимой, рѣзкія перемены погоды и тяжелыя работы въ дурную погоду. Въ рапортѣ врача окружного лазарета г. Перлина отъ 24 марта 1889 г., копию котораго я привезъ съ собой, между прочимъ сказано: «меня постоянно ужасала большая заболѣваемость сельско-каторжныхъ рабочихъ острымъ воспаленіемъ легкихъ»; и вотъ, по мнѣнію д-ра Перлина, причины: «доставка за восемь верстъ бревенъ отъ 6 до 8 вершковъ въ діаметрѣ четырехъ-саженной длины производится тремя рабочими; предполагая тяжесть бревна въ 25—35 пуд. въ снѣжную дорогу, при теломъ одѣяніи, ускоренной дѣятельности дыхательной и кровеносной системъ» и т. д. **)

Дизентерія, или кровавый поносъ, зарегистрирована была только 5 разъ. Въ 1880 г. въ Дуэ и въ 1887 г. въ Александровскѣ, повидимому, были эпидеміи кроваваго поноса,

---

*) Въ июль, августъ и сентябрь 1889 г. не было ни одного случая. Въ октябрь за послѣдніа десять лѣтъ смерть отъ крупозной пневмоніи была только одинъ разъ; этотъ мѣсяць на Сахалинѣ можно считать самымъ здоровымъ.

**) Кстати, въ этомъ рапортѣ я нашелъ такую подробность: «каторжные подвергаются жестокимъ наказаніямъ розгами, такъ что прямо изъ-подъ наказанія безчувственными приносятся въ лазаретъ».

и всѣхъ смертей за десятилѣтній періодъ въ метрическихъ книгахъ показано 8. Въ старыхъ корреспонденціяхъ и рапортахъ часто упоминается кровавый поносъ, который въ былыя времена, по всей вѣроятности, былъ на островѣ такъ же обыкновененъ, какъ чума. Страдали имъ сильные, солдаты и инородцы, и при этомъ, какъ на причину его, указывалось на дурную пищу и тяжелыя жизненныя условія *).

Азіатская холера на Сахалинѣ не была еще ни разу. Рожу и госпитальную гангрену наблюдали я самъ и, повидимому, обѣ эти болѣзни не переводятся въ здѣшнихъ лазаретахъ. Коклюша въ 1889 г. не было. Перемежающаяся лихорадка показана 428 разъ, причемъ на долю Александровскаго округа приходится больше половины; причинами въ отчетѣ названы теплота жилищъ безъ достаточнаго притока свѣжаго воздуха, загрязненіе почвы около жилищъ, работы въ мѣстностяхъ, подверженныхъ періодическимъ заливаніямъ, и устройство поселеній въ такихъ мѣстностяхъ. Всѣ эти нездоровыя условія налицо, но, тѣмъ не менѣе, все-таки островъ не производитъ впечатлѣнія малярійной мѣстности. Обходя избы, я не встрѣчалъ больныхъ маляріей и не помню ни одного такого селенія, гдѣ бы жаловались на эту болѣзнь. Очень возможно, что многіе изъ зарегистрированныхъ были больны лихорадкой еще на родинѣ и прибыли на островъ уже съ увеличенной селезенкой.

Смерть отъ сибирской язвы въ метрическихъ книгахъ упоминается только одинъ разъ. Ни сапъ, ни водобоязнь на островѣ еще не наблюдалась.

На долю болѣзней дыхательныхъ органовъ приходится одна треть умершихъ, въ частности же бугорчатка беретъ 15⁰/₀. Въ метрическихъ книгахъ записаны только христіане, но если прибавить еще магометанъ, умирающихъ обыкновенно отъ чахотки, то процентъ выйдетъ внушительный. Во всякомъ случаѣ, взрослые на Сахалинѣ подвержены чахоткѣ въ сильной степени: здѣсь она самая частая и самая опасная болѣзнь. Больше всего умираютъ въ декабрѣ, когда на Сахалинѣ бываетъ очень холодно, и въ мартѣ и

---

*) Д-ръ Васильевъ часто встрѣчалъ на Сахалинѣ гиліковъ, страдавшихъ кровавымъ поносомъ.

апрѣль; меньше всего—въ сентябрѣ и октябрѣ. Вотъ составъ умершихъ отъ туберкулеза по возрастамъ:

отъ 0 до 20 лѣтъ	—	3 ⁰ / ₀
— 20 » 25 »	—	6 ⁰ / ₀ ¹
— 25 » 35 »	—	43 ⁰ / ₀
— 35 » 45 »	—	27 ⁰ / ₀
— 45 » 55 »	—	12 ⁰ / ₀
— 55 » 65 »	—	6 ⁰ / ₀
— 65 » 75 »	—	2 ⁰ / ₀

Стало-быть, опасности умереть отъ чахотки на Сахалинѣ подвержены наиболѣе всего возрасты 25—35 и 35—45 л.,— рабочіе, цвѣтущіе возрасты *). Вольшинство умершихъ отъ чахотки—каторжные (66⁰/₀). Вотъ это-то преобладаніе рабочихъ возрастовъ и каторжныхъ даетъ право заключить, что значительная смертность отъ чахотки въ ссыльной колоніи зависить, главнымъ образомъ, отъ неблагоприятныхъ условій жизни въ общихъ тюремныхъ камерахъ и непосильной тяжести каторжныхъ работъ, отнимающихъ у рабочаго больше, чѣмъ можетъ дать ему тюремная пища. Суровый климатъ, всякія лишенія, претерѣваемыя во время работъ, пробѣговъ и заключенія въ карцерахъ, безпокойная жизнь въ общихъ камерахъ, недостатокъ жировъ въ пищѣ, тоска по родинѣ,— вотъ главныя причины сахалинской чахотки.

Сифилисъ въ 1889 г. былъ зарегистрированъ 246 разъ, съ 5 смертями. Все это, какъ сказано въ отчетѣ, были старые сифилитики, со вторичными и третичными формами. Сифилитики, которыхъ мнѣ приходилось видѣть, производили жалкое впечатлѣніе; эти запущенные, застарѣлые случаи указывали на полное отсутствіе санитарнаго надзора, который, въ сущности, при малочисленности ссыльнаго населенія, могъ бы быть идеальнымъ. Такъ, въ Рыковскомъ я видѣлъ еврея съ сифилитической чахоткой; онъ давно не лѣчился, разрушался мало-по-малу, и семья нетерпѣливо, ожидала его смерти,—и это въ какой-нибудь полуверстѣ отъ больницы! Въ метрическихъ книгахъ смерть отъ сифилиса упоминается 13 разъ **).

*) Припоминаю читателю, что эти возрасты относятся ко всему ссыльному населенію какъ 24,3⁰/₀ и 24,1⁰/₀.

***) Сифилисъ чаще всего наблюдается въ Александровскомъ посту. Въ отчетѣ объясняется это скопленіемъ здѣсь значительнаго числа

Больныхъ цынгою было зарегистрировано въ 1889 г. 271, умерло 6. Въ метрическихъ книгахъ смерть отъ цынги показана 19 разъ. Лѣтъ 20—25 назадъ эта болѣзнь встрѣчалась на островѣ несравненно чаще, чѣмъ въ послѣднее дѣсятилѣтіе, и отъ нея погибало много солдатъ и арестантовъ. Нѣкоторые старые корреспонденты, стоявшіе за учрежденіе ссыльной колоніи на островѣ, совершенно отрицали цыngu и, въ то же время, восхваляли черемшу, какъ превосходное средство отъ цынги, и писали, что населеніе заготовляло на зиму сотни пудовъ этого средства. Цынга, свирѣпствовавшая на Татарскомъ берегу, едва ли стала бы щадить Сахалинъ, гдѣ условія жизни въ постахъ были нисколько не лучше. Въ настоящее время чаще всего эту болѣзнь привозятъ съ собою арестанты на пароходахъ Добровольнаго флота. Это удостовѣряетъ и медицинскій отчетъ. Окружной начальникъ и тюремный врачъ въ Александровскѣ говорили мнѣ, что 2-го мая 1890 г. на *Петербургъ* прибыло 500 арестантовъ, и изъ нихъ не менѣе 100 болѣли цынгою; 51 были положены врачомъ въ лазаретъ и околотокъ. Одинъ изъ этихъ цынготныхъ, полтавскій хохоль, котораго я еще засталъ въ лазаретѣ, говорилъ мнѣ, что заболѣлъ онъ цынгою въ харьковскомъ централѣ *). Изъ общихъ разстройствъ питанія, кромѣ

вновь прибывшихъ арестантовъ и ихъ семействъ, войскъ, ремесленниковъ и всего приплагаго населенія, приходомъ судовъ на Александровскій и Дуевскій рейды, лѣтними отхожими промыслами. Въ отчетѣ указаны и яры, употребляемые противъ сифилиса: 1) осмотръ каторжныхъ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца, 2) осмотръ партій, вновь прибывающихъ на островъ; 3) еженедѣльный осмотръ женщинъ сомнительной нравственности; 4) наблюденіе за бывшими больными сифилисомъ. Но, несмотря на всѣ эти осмотры и наблюденія, «значительный % сифилитиковъ ускользаетъ отъ регистраціи.

Д-ръ Васильевъ, командированный въ 1869 г. на Сахалинъ для подаанія медицинскаго пособія инородцамъ, но встрѣчалъ гадликовъ больныхъ сифилисомъ. Аппо называютъ сифилисъ японской болѣзью. Японцы, прѣлагающіе на рыбные промыслы, обязаны представить консулу медицинское свидѣтельство въ томъ, что они не больны сифилисомъ.

*) Продолжительное пребываніе въ центральныхъ тюрьмахъ и пароходныхъ трюмахъ располагаетъ къ заболѣванію цынгою, и случилось, что арестанты заболѣвали цынгой партіями вскорѣ по прибытіи на островъ. «Послѣдній транспортъ каторжныхъ съ *Кострома*, — пишетъ одинъ корреспондентъ: — прибылъ здоровымъ, теперь весь въ цынгу». *Владивостокъ* 1885 г., № 30.

цынги, я упомяну еще о маразмѣ, отъ котораго на Сахалинѣ умираютъ далеко не старые люди, принадлежащіе къ рабочимъ возрастамъ. Одинъ показанъ умершимъ 27, другою 30, остальные 35, 43, 46, 47, 48... лѣтъ. И едва ли это описка фельдшера или священника, такъ какъ «старческий маразмъ», какъ причина смерти у людей не старыхъ и не достигшихъ 60 лѣтъ, упоминается въ метрическихъ книгахъ 45 разъ. Средняя продолжительность жизни русскаго ссыльнаго еще неизвѣстна, но если судить на глазъ, то сахалинцы рано старятся и дряхлѣютъ, и каторжный или поселенецъ 40 лѣтъ большею частью выглядывать уже старикомъ.

Съ нервными болѣзнями ссыльные обращаются въ лазареты не часто. Такъ, въ 1889 г. невралгій и судороги были зарегистрированы только 16 разъ *). Очевидно, лѣчатся только тѣ нервныя больныя, которыхъ привозятъ или приводятъ. Воспаленіе мозга, апоплексія и параличъ дали 24 случая, съ 10 смертями, эпилепсія зарегистрирована 31 разъ, а разстройство умственныхъ способностей 25 разъ. Психическія больныя, какъ я говорилъ уже, на Сахалинѣ не имѣютъ отдѣльнаго помѣщенія; при мнѣ одни изъ нихъ помѣщались въ селеніи Корсаковскомъ, вмѣстѣ съ сифилитиками, причеиъ одинъ даже, какъ мнѣ рассказывали, заразился сифилисомъ, другіе, живя на волѣ, работали наравнѣ со здоровыми, сожительствовали, убѣгали, были судимы. Я лично встрѣчалъ въ постахъ и селеніяхъ немало сумасшедшихъ. Помнится, въ Дуэ одинъ бывшій солдатъ все толковалъ про воздушный и небесный океаны, про свою дочь Надежду и шаха персидскаго и про то, что онъ убилъ Крестовоздвиженскаго дьячка. При мнѣ однажды во Владиміровкѣ нѣкій Вѣтряковъ, отбывшій пять лѣтъ каторги, съ тушымъ, идіотскимъ выраженіемъ подошелъ къ смотрителю поселеній, г. Я., и по-пріятельски протянулъ ему руку. «Какъ ты со мной здороваешься?» удивился г. Я. Оказалось, что Вѣтряковъ пришелъ попросить, нельзя ли ему получить изъ казны плотничій топоръ. «Построю

---

*) Каторжнаго съ мнѣренію или пшиасомъ легко заподозрѣть въ симуляціи и не пустить въ лазаретъ; однажды я видѣлъ, какъ цѣлая толпа каторжныхъ прослѣась у смотрителя тюрьмы въ лазаретъ и онъ отказывалъ всѣмъ, не желая разбирать ни больныхъ, ни здоровыхъ.

себѣ шалашъ, потомъ буду избу рубить», сказалъ онъ. Это давно уже признанный сумасшедшій, былъ на испытаніи у врача, параноикъ. Я спросилъ, какъ зовутъ его отца. Онъ отвѣтилъ: «Не знаю». И все-таки ему выдали топоръ. Не говорю ужъ о случаяхъ нравственнаго помѣшательства, о начальномъ періодѣ прогрессивнаго паралича и проч., гдѣ нужна болѣе или менѣе тонкая діагностика. Эти всѣ работаютъ и сходятъ за здоровыхъ. Нѣкоторые пріѣзжаютъ уже больными или привозятъ съ собою зародышъ болѣзни; такъ, въ метрической книгѣ записанъ умершимъ отъ прогрессивнаго паралича каторжный Городовъ, осужденный за заранѣе обдуманное убійство, которое, быть-можетъ, совершилъ онъ, уже будучи больнымъ. Другіе же заболѣваютъ на островахъ, гдѣ каждый день и каждый часъ представляется достаточно причинъ, чтобы человѣку некрѣпкому, съ расшатанными нервами, сойти съ ума*).

Желудочно-кишечныя заболѣванія въ 1889 г. были зарегистрированы 1.760 разъ. За десять лѣтъ умерло 338; изъ этого числа 66% относится къ дѣтскому возрасту. Самые опасныя мѣсяцы для дѣтей—это іюль и, особенно, августъ, на долю которыхъ приходится треть всего числа умершихъ дѣтей. Взрослые отъ желудочно-кишечныхъ расстройствъ умираютъ чаще всего тоже въ августѣ, быть-можетъ, оттого что въ этомъ мѣсяцѣ идетъ періодическая рыба, которою объѣдаются. Катарръ желудка здѣсь обыкновенная болѣзнь. Уроженцы Кавказа всегда жалуются, что у нихъ «сердце болитъ», и послѣ ржаного хлѣба и тюремныхъ щей у нихъ бываетъ рвота.

Съ женскими болѣзнями обращались въ 1889 г. въ лазаретъ не часто, всего 105 разъ. Между тѣмъ, въ колоніи почти нѣтъ здоровыхъ женщинъ. Въ актѣ одной изъ комиссій по продовольствію каторжныхъ, въ которой участвовалъ завѣдующій медицинскою частью, сказано, между прочимъ: «около 70% ссыльно-каторжныхъ женщинъ страдаютъ хроническими женскими болѣзнями». Случалось, что во всей вновь прибывшей партіи арестантокъ не оказывалось ни одной здоровой.

Изъ глазныхъ болѣзней чаще всего наблюдается конъ-

*) Напримѣръ, угрызения совѣсти, тоска по родинѣ, постоянно оскорбляемое самолюбіе, одиночество и всякія каторжныя дрязги...

конъюнктивитъ; эпидемическая форма его не переводится у инородцевъ *). О болѣе серьезныхъ страданіяхъ глазъ я не могу сказать ничего, такъ какъ въ отчетѣ всѣ глазныя болѣзни сплошь показаны одною цифрой 211. Въ избахъ я встрѣчалъ одноглазыхъ, съ бѣлками и слѣпыхъ; видѣлъ и слѣпыхъ дѣтей.

Съ травматическими поврежденіями, съ вывихами, переломами, ушибами и ранами всякаго рода обращались въ 1889 г. за помощью 1.217 человекъ. Все это поврежденія, полученные на работахъ, при всякаго рода несчастныхъ случаяхъ, въ бѣгахъ (огнестрѣльные раны), въ дракѣ. Къ этой же группѣ отнесены 4 случая, когда были доставлены въ лазаретъ ссыльно-каторжныя женщины, избитыя своими сожителями **). Озлобленіе было зарегистрировано 290 разъ.

Случаевъ неестественной смерти среди православнаго населенія за 10 лѣтъ было 170. Изъ этого числа 20 казнены черезъ повѣшеніе, 2 повѣшены неизвѣстно кѣмъ; самоубійствъ произошло 27, причемъ въ Сѣв. Сахалинѣ стрѣлялись (одинъ застрѣлился стоя на часахъ), а въ Южномъ отравлялись борцомъ; много утонувшихъ, замерзшихъ, задавленныхъ деревьями; одинъ разорванъ медвѣдемъ. Помимо такихъ причинъ, какъ параличъ сердца, разрывъ сердца, апоплексія, общій параличъ тѣла и т. п., въ метрическихъ книгахъ показаны еще «скоропостижно» умер-

---

*) Д-ръ Васильевъ: У гилъковъ имѣетъ большое вліяніе на происхожденіе болѣзни постоянное созерцаніе сибѣрской пустыни... Я по опыту знаю, что въ нѣсколько дней отъ постоянного созерцанія сибѣрской пустыни можно получить бленорейное воспаленіе слизистой оболочки глазъ». Каторжныя очень склонны къ заболѣванію куриною слѣпотой. Иногда она «навалываетъ» на цѣлыя партіи, такъ что каторжныя идутъ ошупью, держась другъ за друга.

**) Составитель отчета комментируетъ эти случаи такимъ замѣчаніемъ: «Раздача ссыльно-каторжныхъ женщинъ въ сожительство ссыльно-поселенцамъ имѣетъ характеръ принудительный для первыхъ». Нѣкоторые каторжныя, чтобы ихъ не посылали на работы, увѣчать себя, напримѣръ, отрубаютъ себѣ на правой рукѣ пальцы. Особенно изобрѣтательны въ этомъ отношеніи симулянты; они прикладываютъ къ тѣлу раскаленные пятки, нарочно отмораживаютъ себѣ ноги, употребляютъ какой-то кавказскій порошокъ, который, будучи всыпанъ въ небольшую рану или даже ссадину, производитъ язву грязную, съ гнилостнымъ распадомъ; одинъ всыпалъ себѣ въ уретру нюхательнаго табаку и т. д. Больше всѣхъ любятъ симулировать мазны, которыхъ присылаютъ сюда изъ Приморской области.

шими 17 человекъ; изъ нихъ больше половины было въ возрастѣ отъ 22 до 40 лѣтъ, и только одному было больше 50.

Вотъ и все, что я могу сказать о заболѣваемости въ ссыльной колоніи. Несмотря на чрезвычайно слабое развитіе инфекціонныхъ болѣзней, я все-таки не могу не признать ее значительной, хотя бы на основаніи только-что приведенныхъ цифръ. Больныхъ, обратившихся за медицинскою помощью въ 1889 г., было 11.309; но такъ какъ большинство каторжныхъ въ лѣтнее время живетъ и работаетъ далеко внѣ тюрьмы, гдѣ лишь при большихъ партіяхъ находятся фельдшера, и такъ какъ большинство поселенцевъ, за дальностью разстоянія и по причинѣ дурной погоды, лишено возможности ходить и ѣздить въ лазареты, то эта цифра касается, главнымъ образомъ, той части населенія, которое живетъ въ постахъ, вблизи врачебныхъ пунктовъ. По даннымъ отчета, въ 1889 г. умерло 194, или 12,5⁰/₀, на 1.000. На этомъ показателѣ смертности можно было бы построить великолѣпную иллюзію и признать нашъ Сахалинъ самымъ здоровымъ мѣстомъ въ свѣтѣ; но приходится считаться съ слѣдующимъ соображеніемъ: при обыкновенныхъ условіяхъ на дѣтскіе возрасты падаетъ больше половины всѣхъ умершихъ и на старческій возрастъ нѣсколько менѣе четверти, на Сахалинѣ же дѣтей очень немного, а стариковъ почти нѣтъ, такъ что коэффициентъ въ 12,5⁰/₀, въ сущности, касается только рабочихъ возрастовъ; къ тому же, онъ показанъ ниже дѣйствительнаго, такъ какъ при вычисленіи его въ отчетѣ бралось населеніе въ 15.000, т. е., по крайней мѣрѣ, въ полтора раза больше, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ.

Въ настоящее время на Сахалинѣ имѣется три врачебныхъ пункта, по числу округовъ: въ Александровскѣ, Рыковскомъ и Корсаковскѣ. Лѣчебницы называются, по старому, окружными лазаретами, а тѣ избы или камеры, куда помѣщаютъ больныхъ съ легкими формами, — околотками. На каждый округъ полагается по одному врачу, а во главѣ всего дѣла стоитъ завѣдующій медицинскою частью, докторъ медицины. У военныхъ командъ свои лазареты и врачи, и случается нерѣдко, что военные врачи временно исправляютъ должность тюремныхъ: такъ, при мнѣ, за отсутствіемъ завѣдующаго медицинскою частью, уѣхавшаго на тюремную выставку, и тюремнаго врача, подавшаго въ от-

ставку, лазаретомъ въ Александровскѣ завѣдывалъ военный врачъ; также въ Дуэ при мнѣ во время экзекуціи военный врачъ замѣнялъ тюремнаго. Здѣшніе лазареты руководствуются уставомъ гражданскихъ лѣчебныхъ заведеній и содержатся на счетъ тюремныхъ суммъ.

Я скажу нѣсколько словъ объ Александровскомъ лазаретѣ. Состоитъ онъ изъ нѣсколькихъ корпусовъ барачной системы *), рассчитанъ на 180 кроватей. Когда я подходилъ къ лазарету, новые бараки блестяли на солнцѣ своими тяжелыми, круглыми бревнами и издавали хвойный запахъ. Въ аптекѣ все ново, все лоснится, есть даже бюстъ Боткина, слѣпленный однимъ каторжнымъ по фотографіи. «Немножко непохожъ», — говорилъ фельдшеръ, глядя на этотъ бюстъ. Какъ водится, громадныя ящики съ cortex'ами radix'ами, изъ которыхъ добрая половина давно уже вышла изъ употребленія. Иду дальше въ бараки, гдѣ больные. Тутъ въ проходѣ между двумя рядами кроватей полъ устланъ ельникомъ. Кровати деревянные. На одной лежитъ каторжный изъ Дуэ, съ перерѣзаннымъ горломъ; рана въ полвершка длины, сухая, зіяющая; слышно, какъ силятъ воздухъ. Больной жалуется, что на работѣ его придавило обваломъ и ушибло ему бокъ; онъ просился въ околотокъ, но фельдшеръ не принялъ его, и онъ, не перенеся этой обиды, покусился на самоубійство, — хотѣлъ зарѣзаться. Повязки на шеѣ нѣтъ; рана предоставлена себѣ самой. Направо отъ этого больного, на разстояніи 3—4 аршинъ отъ него, — китаецъ съ гангреной, налѣво — каторжный съ рожей... Въ углу другой съ рожей... У хирургическихъ больныхъ повязки грязныя, морской канатъ какой-то подозрительный на видъ, точно по немъ ходили. Фельдшера и прислуга недисциплинированы, вопросовъ не понимаютъ и производятъ впечатлѣніе досадное. Одинъ только каторжный Созинъ, бывшій на волѣ фельдшеромъ, видимо, зна-

---

*) Лазаретъ занимаетъ площадь въ 8.574 кв. саж., состоитъ изъ 11 построекъ, расположенныхъ на трехъ цунктахъ: 1) административный корпусъ, вмѣщающій въ себѣ аптеку, хирургическую комнату и пріемный покой, 4 барака, кухня съ женскимъ отдѣленіемъ при ней и часовня, — это собственно и называется лазаретомъ; затѣмъ 2) 2 корпуса для сифилитиковъ, мужскихъ и женскихъ, кухня и надзирательская; 3) 2 корпуса, занятые эпидемическимъ отдѣленіемъ.

комъ съ русскими порядками и, кажется, во всей этой больничной толпѣ это единственный человѣкъ, который своимъ отношеніемъ къ дѣлу не позорить бога Эскулапа.

Немного погодя, я принимаю амбулаторныхъ больныхъ. Приемная рядомъ съ аптекой, новая; пахнетъ свѣжимъ деревомъ и лакомъ. Столъ, за которымъ сидитъ врачъ, огороженъ деревянною рѣшеткой, какъ въ банкирской конторѣ, такъ что во время пріемки больной не подходитъ близко и врачъ большею частью изслѣдуетъ его на разстояніи. За столомъ рядомъ съ врачомъ сидитъ классный фельдшеръ и, безмолвствуя, играетъ карандашикомъ и, кажется, будто это ассистентъ на экзаменѣ. Тутъ же, въ пріемной, у входной двери стоитъ надзиратель съ револьверомъ, снуютъ какіе-то мужики, бабы. Эта странная обстановка смущаетъ больныхъ и, я думаю, ни одинъ сифилитикъ и ни одна женщина не рѣшится говорить о своей болѣзни въ присутствіи этого надзирателя съ револьверомъ и мужиковъ. Больныхъ немного. Все это или *febris sachalinensis*, или экземы, или «сердце болитъ», или симулянты; больные-каторжные убѣдительно просятъ, чтобы ихъ освободили отъ работъ. Приводятъ мальчика съ нарывомъ на шеѣ. Надо разрѣзать. Я прошу скальпель. Фельдшеръ и два мужика срываются съ мѣста и убѣгаютъ куда-то, немного погодя возвращаются и подають мнѣ скальпель. Инструментъ оказывается тупымъ, но мнѣ говорятъ, что это не можетъ быть, такъ какъ слесарь недавно точилъ его. Опять фельдшеръ и мужики срываются съ мѣста и, послѣ двухъ-трехминутнаго ожиданія приносятъ еще одинъ скальпель. Начинаю рѣзать—и этотъ тоже оказывается тупымъ. Прошу карболовой кислоты въ растворѣ—мнѣ даютъ, но не скоро; видно, что эта жидкость употребляется здѣсь не часто. Ни таза, ни шариковъ ваты, ни зондовъ, ни порядочныхъ ножницъ, ни даже воды въ достаточномъ количествѣ.

Въ этомъ лазаретѣ среднее ежедневное число амбулаторныхъ больныхъ 11 человѣкъ, среднее годовое число (за пять лѣтъ) 2.581; среднее ежедневное коечныхъ больныхъ 138. При лазаретѣ старшій *) и младшій врачи, два фельдшера, повивальная бабка (одна на два округа) и прислуги, страшно вымолвить, 68 душъ: 48 мужчинъ и 20 женщинъ. Въ 1889 г.

*) Онъ же завѣдующій медицинскою частью.

израсходовано было на эту больницу 27.832 р. 96 к. *). По отчету за 1889 г., судебно-медицинскихъ осмотровъ и вскрытій труповъ во всѣхъ трехъ округахъ было 21. Освидѣтельствовано поврежденій 7, беременныхъ 58 и для опредѣленія способности перенести тѣлесныя наказанія по приговорамъ судовъ 67.

Дѣлаю выписки изъ того же отчета, касающіяся больничнаго инвентаря. Во всѣхъ трехъ лазаретахъ было: гинекологическій наборъ 1, ларингоскопическій наборъ 1, максимальныхъ термометровъ 2, оба разбиты; термометровъ «для измѣренія тѣла» 9,—2 разбиты; термометровъ «для измѣренія высокой температуры» 1, троакаръ 1, иприповъ Праваца 3,—въ одномъ сломана игла; оловянныхъ спринцовокъ 29, ножницъ 9,—2 изломаны; клистирныхъ трубокъ 34, дренажная трубка 1, большая ступка съ пестикомъ 1—съ трещиной; бритвенный ремень 1, банокъ кровососныхъ 14.

Изъ *Вѣдомости о приходѣ и расходѣ медикаментовъ въ лечебныхъ заведенiяхъ гражданскаго вѣдомства на о. Сахалинѣ* видно, что во всѣхъ трехъ округахъ было израсходовано въ теченiе отчетнаго года: 36¹/₂ пудовъ соляной кислоты и 26 пудовъ хлорной извести, карболовой кислоты

---

*) Одежда и бѣлье стоицъ 1.795 руб. 26 к., пищевое довольствiе 12.832 р. 94 к., лѣкарства, хирургическiе инструменты и аппараты 2.309 р. 60 к., расходы комисарiатскiе, канцелярскiе и проч. 2.500 р. 16 к., медицинскiй персоналъ 8.300 р. Ремонтъ зданiй на средства тюрьмы, прислуга бесплатная. Теперь прошу сравнить. Земская больница въ г. Серпуховѣ, Москов. губ., поставленная *роскошно* и удовлетворяющая вполне современнымъ требованiямъ науки, гдѣ среднее ежедневное число кочныхъ больныхъ въ 1893 г. было 42 и амбулаторныхъ 36,2 (13.278 въ годъ), гдѣ врачъ почти каждый день дѣлаетъ серьезныя операцiи, наблюдаетъ за эпидемiями, ведетъ сложную регистрацiю и проч.—эта лучшая больница въ уѣздѣ въ 1893 году стоила земству 12.803 р. 17 к. считая тутъ страхованiя и ремонтъ зданiй 1.298 р. и жалованье прислугѣ 1.260 р. (См. *Обзоръ Серпуховской земской санитарно-врачебной организацiи за 1892—1893 гг.*). Медицина на Сахалинѣ обходится очень дорого, между тѣмъ, лазаретъ дезинфицируется «черезъ обкуриванiе хлоромъ», вентиляцiей нѣтъ и сунъ, который при мѣ въ Александровскѣ готовили для больныхъ, былъ очень соленого вкуса, такъ какъ варили его изъ солоника. До послѣдняго времени, якобы «за недостаткомъ комплекта посуды и неустройствомъ кухни», продовольствiе больныхъ производилось изъ общаго тюремнаго котла. (Приказъ начальника острова 1890 г., № 66).

18¹/₂ ф. Aluminum crudum 56 ф. Камфоры—больше пуда. Ромашки 1 п. 9 ф. Хинной корки 1 п. 8 ф. и красного стручкового перцу 5¹/₂ ф. (сколько же израсходовано спирту, въ *Видомости* не сказано). Дубовой коры 1 п. Мята 1¹/₂ п., арники ¹/₂ пуда, алтееваго корня 3 п., скипидару 3¹/₂ п., прованскаго масла 3 п., деревяннаго 1 п. 10 ф. Иодоформа ¹/₂ пуда... Всего, не считая извести, соляной кислоты, спирта, дезинфекціонныхъ и перевязочныхъ средствъ, по даннымъ *Видомости*, потрачено шестьдесятъ три съ половиной пуда лѣкарствъ; сахалинское населеніе, стало-быть, можетъ похвалиться, что въ 1889 г. оно приняло громадную дозу.

Изъ статей закона, имѣющихъ отношеніе къ здоровью ссыльныхъ, приведу двѣ: 1) Работы, вредно дѣйствующія на здоровье, не допускаются даже и по выбору самихъ арстантовъ (Выс. утв. мнѣніе гос. сов. 6 янв. 1886 г., ст. 11) и 2) женщины беременныя, до разрѣшенія ихъ отъ бремени, а разрѣшившіяся до истеченія сорока дней послѣ родовъ, освобождаются отъ работъ. Послѣ сего срока женщинамъ, питающимъ младенцевъ грудью, работы облегчаются въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для предупрежденія вреда самой матери или питаемому ею младенцу. На кормленіе грудью младенцевъ осужденнымъ женщинамъ полагается полуторагодичный срокъ. Ст. 297 *Устава о ссыльныхъ*, изд. 1890 г.

Оглавление

ХVI ТОМА.

	стр.
XIV. Тарайга.—Вольные поселенцы.— Ихъ неудача.— Айно, границы ихъ распространенія, численный составъ, наружность, пища, одежда, жилища, ихъ нравы.— Японцы.— Кусунъ-Котанъ.— Японское консульство	5
XV. Хозяева-каторжные.— Перечисленіе въ поселенцы.— Выборъ мѣстъ подь новыя селенія.— Домообзаводство.— Половищники.— Перечисленіе въ крестьяне.— Переселеніе крестьянъ изъ ссыльныхъ на материкъ.— Жизнь въ селеніяхъ.— Близость тюрьмы.— Составъ населенія по мѣсту рожденія и по сословіямъ.— Сельскія власти	22
XVI. Составъ ссыльнаго населенія по поламъ.— Женскій вопросъ.— Каторжныя женщины и поселки.— Сожители и сожительницы.— Женщины свободнаго состоянія	39
XVII. Составъ населенія по возрастамъ.— Семейное положеніе ссыльныхъ.— Браки.— Рождаемость.— Сахалинскія дѣти	54
XVIII. Занятія ссыльныхъ.— Сельское хозяйство.— Охота.— Рыболовство.— Периодическая рыба: кэта и сельдь.— Тюремныя ловли.— Мастерства	69
XIX. Пища ссыльныхъ.— Что и какъ ѣдятъ арестанты.— Одежда.— Церковь.— Школа.— Грамотность	87
XX. Свободное населеніе.— Нижніе чины мѣстныхъ воинскихъ командъ.— Надзиратели.— Интеллигенція	103
XXI. Правдивность ссыльнаго населенія.— Преступность.— Слѣдствіе и судъ.— Наказанія.— Розги и плети.— Смертная казнь	118
XXII. Бѣглые на Сахалинѣ.— Причины побѣговъ.— Составъ бѣглыхъ по происхожденію, разрядамъ и проч.	137
XXIII. Болѣзненность и смертность ссыльнаго населенія.— Медицинская организація.— Лазаретъ въ Александровскѣ	153

Общее оглавление

16-ти томовъ сочиненій Ант. П. Чехова.

Томъ I.		стр.		стр.
Въ банѣ	5		Не въ духѣ	137
Сирена	13		Надлежащія мѣры	139
Толстый и тонкій	19		Первый любовникъ	143
Женское счастье	21		Хорошій конецъ	148
Альбомъ	25		Много бумаги	153
Случай съ классикомъ	28		Справка	156
Страшная ночь	31		Знакомый мужчина	159
Чтеніе	38		Изъ дневника помощника бухгалтера	163
Въ потемкахъ	42		Злой мальчикъ	165
Аптекарьша	47		То была она!	168
Ораторъ	53		Иньриги	173
Романъ съ контрабасомъ	57		Въ почтовомъ отдѣленіи	178
Бракъ по расчету	63		Мужъ	180
Ночь передъ судомъ	68		Въ номерахъ	185
Дачники	74		Гриша	188
Броженіе умовъ	76		Необыкновенный	192
Сонная одурь	80		Левъ и Солнце	197
Тайна	84		Антрепренеръ подь дива- номъ	202
Мститель	89		Жалобная книга	206
Заблудшіе	94		Лишніе люди	208
Репетиторъ	98		Скорая помощь	215
Симулянты	101		Загадочная натура	221
Господа обыватели	105			
Отецъ семейства	109		Томъ II.	
Неудача	113		Изъ записокъ вспылчиваго человѣка	5
Экзамеъ на чинъ	115		Тсс!	15
Счастливычкъ	119		Местъ	19
Средство отъ запоя	124		Длинный языкъ	23
Житейскія невзгоды	130		Нервы	27
Дорогая собака	134			

	стр.
Кривое зеркало	31
На кладбищѣ	34
Сапоги	37
Радость	42
Умный дворникъ	45
Въ циркульнѣ	48
Сапожникъ и нечистая сила .	52
Мальчики	59
Иванъ Матвѣичъ	66
Беззащитное существо	72
Дамы	77
Полинья	81
Приданое	87
Свадьба	91
Темнота	100
Мыслитель	105
Дочь Альбиона	109
На чужбинѣ	113
Кухарка женится	117
Шло въ мѣшкѣ	122
Драма	127
Произведеніе искусства	133
Орденъ	137
Смерть чиновника	141
Канитель	144
Хирургія	147
Винтъ	151
Капитанскій мундиръ	155
Живая хронологія	161
Восклицательный знакъ	164
Ну, публика!	169
Переселилъ	173
Наймъ	178
Хамелеонъ	183
Клевета	187
Шведская спичка	192
Художество	212
Упраднили!	218

Томъ III.

Унтеръ Пришибеевъ	3
Анюта	8
Въ Москвѣ на Трубной пло- щади	13
Лошадиная фамилія	17
Трагикъ	21
Страдальцы	25
Наканунъ поста	31
Житейская мелочь	36
Маска	42

	стр.
Персолохъ	48
Шуточка	56
Писатель	61
На Страстной недѣлѣ	65
Perpetuum mobile	70
Торжество побѣдителя	78
Ворона	82
Неосторожность	87
Хористка	91
Страхи	97
Послѣ театра	103
Ненастье	106
Изъ огня да въ полымя	111
Бѣлецъ	118
Проншествіе	126
Злоумышленникъ	132
Дѣтвора	137
Мертвое тѣло	142
Зипочка	148
Нахлѣбники	154
Талантъ	160
Дорогіе уроки	165
Въ сараѣ	172
Разсказъ госпожи NN	178
Выигрышный билетъ	183
Морозъ	188
Сильныя ощущенія	195
Нищій	200
Пьяные	206

Томъ IV.

Красавицы	3
Слѣдователь	12
Старый домъ	17
Весной	23
Бѣлолобый	29
У предводительши	35
Пѣвчіе	39
Послѣдняя могижанша	44
Беззаконіе	49
Актерская гибель	54
Мелюзга	61
Зеркало	65
Старость	70
Горе	75
Устрицы	81
Тоска	85
Егеръ	91
Мечты	96
Пустой случай	105

	стр.
Не доброе дѣло.	115
Дома.	120
Вѣдьма.	130
Вѣрочка.	143
Въ судѣ.	156
Безпокойный гость.	164
Панихида.	171
На пути.	177
Несчастье.	194
Событіе.	207
Агафья.	213

Томъ V.

Враги.	3
Кошмаръ.	17
Святою ночью.	31
Счастье.	42
Тифъ.	52
Ванька.	59
Свирѣль.	63
Перекаати-поле.	71
Задача.	86
Стѣнь.	93

Томъ VI.

Тина.	3
Тайный совѣтникъ.	21
Письмо.	39
Поцѣлуй.	51
Пассажиръ I класса.	69
Воры.	76
Пари.	92
Именины.	100
Безъ заглавія.	133
Каштанка.	138
Почта.	158
Непріятность.	164

Томъ VII.

Володя.	3
Книжница.	16
Бѣда.	28
Спать хочется.	35
Холодная кровь.	41
Скучная исторія.	59
Припадокъ.	119
Шампанское.	142
Въ сылкъ.	148
Отецъ.	157
Жена.	165

Томъ VIII.

	стр.
Учитель.	3
Тяжелые люди.	11
Дуэль.	19
Палата № 6.	124
Гусевъ.	179
Бабы.	193

Томъ IX.

Страхъ.	3
Разсказъ неизвѣстнаго че- ловѣка.	16
Хорошіе люди.	93
Бабѣ царство.	104
Попрыгунья.	144
Черный монахъ.	169
Скрипка Ротшильда.	201

Томъ X.

Володя большой и Володя маленькій.	3
Учитель словесности.	15
Въ усадьбѣ.	39
Студентъ.	48
Сосѣди.	52
Три года.	71
Убийство.	159
Ариадна.	188

Томъ XI.

Супруга.	3
Анна на шеѣ.	10
Домъ съ мезониномъ.	23
Въ родномъ углу.	42
Печенѣгъ.	54
Новая дача.	61
На подводѣ.	78
Мужики.	87
Моя жизнь.	118

Томъ XII.

Случай изъ практики.	3
Душечка.	14
По дѣламъ службы.	27
Юнычъ.	42
Дама съ собачкой.	61
Въ оврагѣ.	78
На святкахъ.	116

	СТР.
Разсказъ старшаго садовника	121
Въ морѣ	126
Человѣкъ въ футлярѣ	130
Крыжовникъ ;	144
О любви	155
Архіерей	165

Томъ XIII.

Медвѣдь. (Шутка въ 1 дѣйствіи).	5
Предложеніе. (Шутка въ 1 дѣйствіи)	21
Ивановъ. (Драма въ 4 дѣйствіяхъ).	37
Лебединая пѣсня (Балхасъ). (Драматическій этюдъ въ 1 дѣйствіи)	99
Трагикъ по неволѣ. (Шутка въ 1 дѣйствіи)	109
Чайка. (Комедія въ 4 дѣйствіяхъ).	117

Томъ XIV.

	СТР.
Дядя Ваня. (Сцены изъ деревенской жизни въ 4 дѣйствіяхъ)	3
Свадьба. (Сцена въ 1 дѣйствіи)	49
Юбилей. (Шутка въ 1 дѣйствіи)	65
Три сестры. (Драма въ 4 дѣйствіяхъ)	81
О вредѣ табака. (Сцена-монологъ въ 1 дѣйствіи).	142

Томъ XV.

Островъ Сахалинъ. (Главы I—XIII)	5
--	---

Томъ XVI.

Островъ Сахалинъ. (Главы XIV—XXIII)	5
---	---

Алфавитный указатель

сочиненій Ант. П. Чехова.

	томъ.	стр.		томъ.	стр.
А гафья	IV	213	Восклицательный		
Актерская гибель	IV	54	знакъ	II	164
Альбомъ	I	25	Враги	V	3
Анна на шеѣ	XI	10	Въ банѣ	I	5
Антрепренеръ подь			Въ морѣ	XII	126
диваномъ	I	202	Въ Москвѣ на Труб-		
Анюта	III	8	ной площади	III	13
Аптекарьша	I	47	Въ номерахъ	I	185
Ариадна	X	188	Въ оврагѣ	XII	78
Архіерей	XII	165	Въ потемкахъ	I	42
Б абы	VIII	193	Въ почтовомъ отдѣ-		
Бабыѣ царство	IX	104	ленія	I	178
Беззаконіе	IV	49	Въ родномъ углу	XI	42
Беззащитное суще-			Въ сараѣ	III	172
ство	II	72	Въ ссылкѣ	VII	148
Безпокойный гость	IV	164	Въ судѣ	IV	156
Безъ заглавія	VI	133	Въ усадьбѣ	X	39
Бракъ по расчету	I	63	Въ циркульнѣ	II	48
Броженіе умовъ	I	76	Выигрышный би-		
Бѣглець	III	118	летъ	III	183
Бѣда	VII	28	Вѣдьма	IV	130
Бѣлолобый	IV	29	Вѣрочка	IV	143
В анька	V	59	Горе	IV	75
Весной	IV	23	Господа обыватели	I	105
Вянтъ	II	151	Грнша	I	188
Володы	VII	3	Гусевъ	VIII	179
Володы большой и			Д ама съ собачкой	XII	61
Володы маленькій	X	3	Дамаы	II	77
Ворона	III	82	Дачники	I	74
Воры	VI	76	Длинный языкъ	II	23

	ТОМЪ.	СТР.		ТОМЪ.	СТР.
Дома	IV	120	Лебединая пѣсня .	XIII	99
Домъ съ мезони- номъ	XI	23	Левъ и Солнце . . .	I	197
Дорогая собака . .	I	134	Лишніе люди	I	208
Дорогіе уроки . . .	III	165	Лошадная фамилія	III	17
Дочь Альбіона . . .	II	109	Мальчики	II	59
Драма	II	127	Маска	III	42
Душечка	XII	14	Медвѣдь	XIII	5
Дуэль	VIII	19	Мелюзга	IV	61
Дѣтвора	III	137	Мертвое тѣло	III	142
Дядя Ваня	XIV	3	Месь	II	19
Егеръ	IV	91	Мечты	IV	96
Жалобная книга .	I	206	Много бумаги	I	153
Жена	VII	165	Морозъ	III	188
Женское счастье . .	I	21	Моя жизнь	XI	118
Живая хронологія .	II	161	Мститель	I	89
Житейская мелочь .	III	36	Мужики	XI	87
Житейскія невзго- ды	I	130	Мужъ	I	180
Заблудшіе	I	94	Мыслитель	II	105
Загадочная натура.	I	221	Надежащія мѣры	I	139
Задача	V	86	Наканунъ поста . . .	III	13
Зеркало	IV	65	На кладбищѣ	II	34
Звючка	III	148	Налимъ	II	178
Злой мальчикъ . . .	I	165	На подводѣ	XI	78
Злоумышленникъ . .	III	132	На пути	IV	177
Знакомый мужичина	I	159	На святкахъ	XII	116
Ивановъ	XIII	37	На Страстной не- дѣль	III	65
Иванъ Матвѣичъ . .	II	66	Нахлѣбники	III	154
Изъ дневника по- мощника - бухгал- тера	I	163	На чужбинѣ	II	113
Изъ записокъ вспылъ- чиваго человѣка . .	II	5	Не въ духъ	I	137
Изъ огня да въ по- лымя	III	111	Не доброе дѣло	IV	115
Именины	VI	100	Ненастье	III	106
Интриги	I	173	Необыкновенный . . .	I	192
Іонычъ	XII	42	Неосторожность . . .	III	87
Канитель	II	144	Неприятность	VI	164
Капитанскій мун- диръ	II	155	Нервы	II	27
Каштанка	VI	138	Несчастье	IV	194
Клевета	II	187	Неудача	I	113
Княгиня	VII	16	Нищій	III	200
Копмаръ	V	17	Новая дача	XI	64
Красавицы	IV	3	Ночь передъ су- домъ	I	68
Кривое зеркало . . .	II	31	Ну, публика!	II	169
Крыжовникъ	XII	144	О вредѣ табака . . .	XIV	142
Кухарка женится . .	II	117	О любви	XII	155
			Ораторъ	I	53
			Орденъ	II	137
			Островъ Сахалинъ . .	XV и XVI	
			Отецъ	VII	157
			Отецъ семейства . . .	I	109

	ТОМЪ.	СТР.
Палата № 6	VIII	124
Панихида	IV	171
Пари	VI	92
Пассажиръ I класса	VI	69
Первый любовникъ.	I	143
Переكاتи-поле . . .	V	71
Переполохъ	III	48
Пересолилъ	II	173
Perretium mobile . .	III	70
Печенѣкъ	XI	54
Писатель	III	61
Письмо	VI	39
По дѣламъ службы	XII	27
Полинья	II	81
Попрыгунья	IX	144
Послѣ театра	III	103
Послѣдняя могикиан- ша	IV	44
Почта	VI	158
Поцѣлуй	VI	51
Предложеніе	XIII	21
Приданое	II	87
Припадокъ	VII	119
Произведеніе искус- ства	II	133
Происшествіе	III	126
Пустой случай	IV	105
Пьяные	III	206
Пѣвчіе	IV	39
Радость	II	42
Разсказъ госпожи NN	III	178
Разсказъ непзвѣст- наго человѣка	IX	16
Разсказъ старшаго садовника	XII	121
Репетиторъ	I	98
Романъ съ контраба- сомъ	I	57
Сапоги	II	37
Сапожникъ и пе- чиная сила	II	52
Свадьба	II	91
Свадьба. (Сцена въ I дѣйствіи)	XIV	49
Свирѣль	V	63
Святою ночью	V	31
Сильныя ощущенія.	III	195
Симулянты	I	101
Сприса	I	13

	ТОМЪ.	СТР.
Скорая помощь	I	215
Скрипка Ротшильда.	IX	201
Скучная исторія . . .	VII	59
Случай изъ практи- ки	XII	3
Случай съ класси- комъ	I	28
Слѣдователь	IV	12
Смерть чиновника . . .	II	141
Событіе	IV	207
Сонная одурь	I	80
Сосѣди	X	52
Спать хочется	VII	35
Справка	I	156
Средство отъ жапоа.	I	124
Старость	IV	70
Старый домъ	IV	17
Стень	V	93
Страдальцы	III	25
Страхи	III	97
Страхъ	IX	3
Страшная ночь	I	31
Студентъ	X	48
Супруга	XI	3
Счастливецъ	I	119
Счастье	V	42
Тайна	I	84
Тайный совѣтникъ . . .	VI	21
Талантъ	III	160
Темнота	II	100
Тина	VI	3
Тифъ	V	52
То была она!	I	168
Толстый и тонкій . . .	I	19
Торжество побѣди- теля	III	78
Тоска	IV	85
Трагикъ	III	21
Трагикъ по неволѣ . . .	XIII	109
Три года	X	71
Три сестры	XIV	81
Тссс!	II	15
Тяжелые люди	VIII	11
Убийство	X	159
Умный дворникъ	II	45
Уптеръ Пришибеевъ . .	III	3
Упразднили!	II	218
У предводительши . . .	IV	35
Устрицы	IV	81
Учитель	VIII	3

	ТОМЪ.	СТР.		ТОМЪ.	СТР.
Учитель словесно-			Человѣкъ въ фут-		
сти	X	15	лярѣ	XII	130
Жамелеонъ	II	183	Черный монахъ . .	IX	169
Хирургія	II	147	Чтеніе	I	38
Холодная кровь . .	VII	41	Шампанское	VII	142
Хористка	III	91	Шведская спичка .	II	192
Хорошіе люди . . .	IX	93	Шило въ мѣшкѣ . .	II	122
Хорошій конецъ . .	I	148	Шуточка	III	56
Художество	II	212	Экзамень на чинъ .	I	115
Чайка	XIII	117	Юбилей	XIV	65

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
 80-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 7
 Tel. 26-68-63

F

24.113
t.16